

Андрей Сапковский

САГА О РЕЙНЕВАНЕ

Божьи воины

Иллюстрации Дениса Гордеева

Сапковский с иллюстрациями

Анджей Сапковский
Божьи войны

«Издательство АСТ»

2004

УДК 821.162.1-312.9
ББК 84(4Пол)-44

Сапковский А.

Божьи воины / А. Сапковский — «Издательство АСТ»,
2004 — (Сапковский с иллюстрациями)

ISBN 978-5-17-118620-3

Наступил год Господень 1427-й. Помните, что он принес? А как же! Забыть невозможно. В ту весну, кажись, в марте, наверняка перед Пасхой, огласил папа Мартин V буллу *Salvatoris omnium*, в которой заявил о необходимости очередного крестового похода против еретиков-чехов, дабы мечом и огнем покарать гуситских вероотступников. Двинулось крестовое воинство в поход в начале июля, через неделю после Петра и Павла, перешло границу и потянулось в глубь Чехии, помечая путь свой трупами и пожарами. А что же наш старый знакомый, Рейнмар из Беявы, чаще именуемый Рейневаном? Ныне, принадлежа к Божьим воинам и присягнув делу Чаши, он, в сопровождении верных друзей, Шарлея и Самсона Медка, по-прежнему мотается по городам и весям, замкам и монастырям, корчмам и погостам — любя и ненавидя, убегая и догоняя, шпионя и сражаясь. А главное — влипая в неприятности одна хлеще другой и всякий раз выпутываясь из них не иначе как чудом. Нет, это совсем не «Сага о ведьмаке». Это — вторая часть «Саги о Рейневане», блистательной трилогии Анджея Сапковского, посвященной эпохе гуситских войн. Впервые — с иллюстрациями Дениса Гордеева! В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

УДК 821.162.1-312.9

ББК 84(4Пол)-44

ISBN 978-5-17-118620-3

© Сапковский А., 2004

© Издательство АСТ, 2004

Содержание

Глава первая,	12
Глава вторая,	32
Глава третья,	45
Глава четвертая,	66
Глава пятая,	79
Конец ознакомительного фрагмента.	97

Анджей Сапковский

Сага о Рейнев

Andrzej Sapkowski

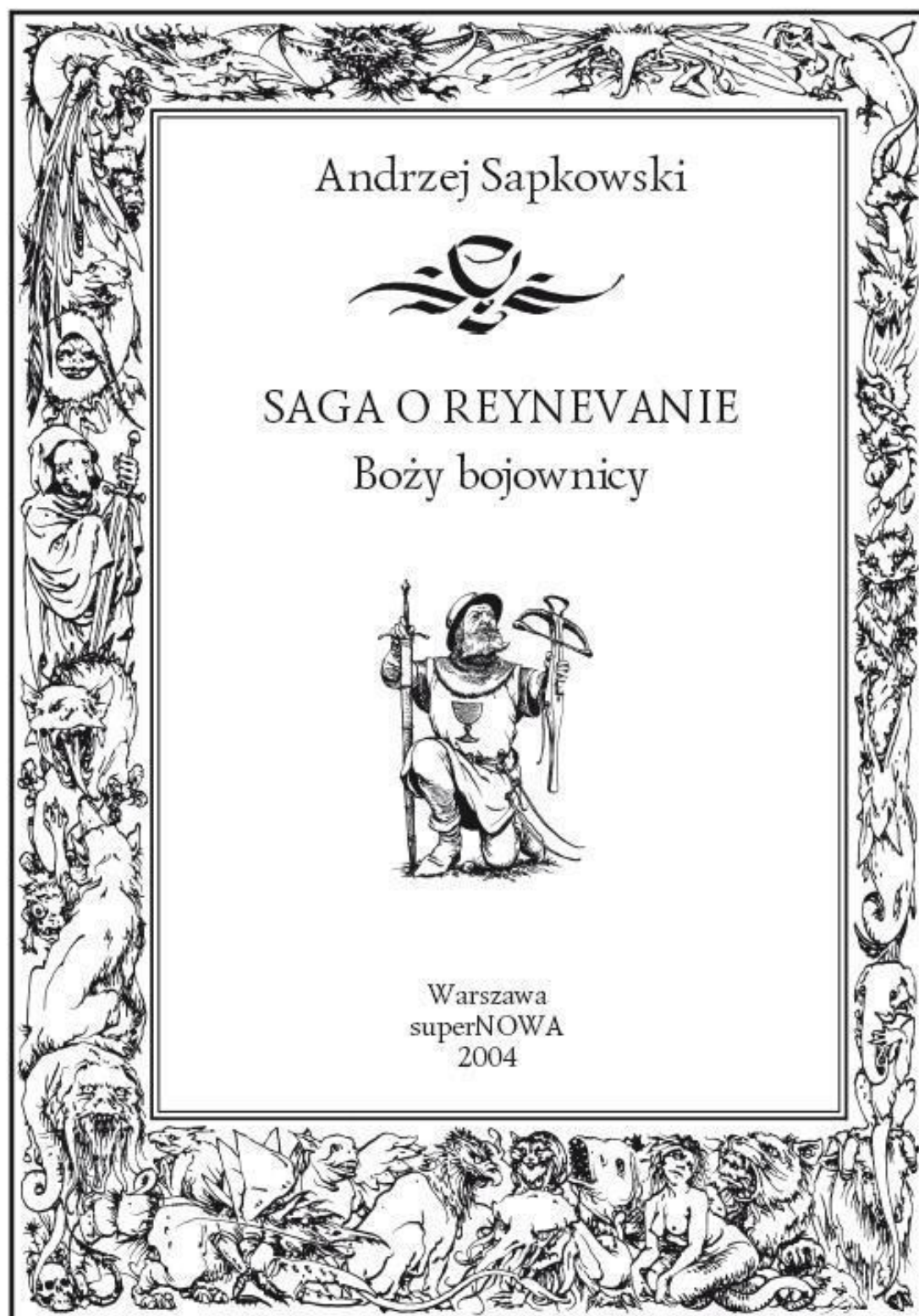
SAGA O REYNEVANIE

Boży bojownicy. Божьи войны

Печатается с разрешения автора и литературного агентства NOWA Publishers при содействии Агентства Александра Корженевского

Copyright © Andrzej Sapkowski, 2004

© Е. П. Вайсброт, наследники, перевод на русский язык

© ООО «Издательство АСТ», 2021

Мир, милостивые государи, за последнее время взял, да и увеличился. Но в то же время как бы и уменьшился.

Вы смеетесь? Дескать, я глупости болтаю? Одно-де противоречит другому? Сейчас докажу вам, что отнюдь.

Выгляньте, господа, в окно. И что вы видите, какая картина перед вами? Овин, ответите вы, не отступая от истины, и отхожее место за ним. А что расположено дальше, ну, за отхожим местом? Так вот если я спрошу девушку, которая спешит к нам с пивом, она ответит, что за отхожим местом ржаное поле, за ржаным полем – Яхимова заграда, за заградой – смолокурня, а дальше-то уж, пожалуй, и Малая Козолупа.

Достаточно спросить нашего корчмаря, и тот как человек весьма знающий добавит, что и это вовсе не конец, что за Малой Козолупой есть еще и Большая Козолупа, за ними имение Коцмыров, за Коцмыровом селение Лазы, за Лазами – Гош, а за Гошем, пожалуй, уже будет Твардогура. Но заметьте, чем более ученого человека я стану спрашивать, к примеру, вас, тем дальше мы отойдем от нашего овина, нашего отхожего места и обеих Козолуп – ибо более посвященному уму известно, что Твардогурой мир тоже не ограничивается, что дальше лежат Олесьница, Бжег, Немодлин, Ниса, Глубчицы, Опава, Новый Ийчин, Тренчин, Нитра, Остжыгом, Буда, Белград, Рагуза, Янина, Коринф, Крит, Александрия, Каир, Мемфис, Птолемей, Фивы... Ну что? Разве мир не увеличивается? Не становится все больше?

Но и это еще не конец. Двигаясь от Фив вверх по Нилу, который в виде реки Гихон вытекает из источника в земном рае, мы дойдем до земель эфиопов, за которыми, как известно, раскинулась пустынная Нубия, жаркая страна Куш, златобогатый Офир и вся неизмеримая *Africae Terra, ubi sunt leones*¹. А дальше океан, окружающий всю землю. Целиком. Но и на этом океане острова имеются – как то: Катай, Тапробана, Брагин, Оксидрат. Гинософы и Чипангу, в коем климат изумительно урожайный, а драгоценности горами навалены, о чем пишет ученый Гуго из Святого Виктора и Петр д'Алилли, а также его милость Жан де Мандевилль, коий собственными очами чудеса оные обозревал.

Таким образом мы доказали, что на протяжении нескольких миновавших столетий мир весьма существенно расширился. Разумеется, в определенном смысле. Ибо даже если материи как таковой в мире и не прибавилось, то названий новых уж прибыло наверняка.

Как же, спросите вы, согласовать с этим утверждение, будто наш мир уменьшился? А я вам незамедлительно это докажу. Только прошу не насмехаться – и не перебивать, ибо то, что я сейчас скажу, вовсе не плод моей фантазии, а сведения, почерпнутые из книг. А над книгами хихикать негоже, ибо для того, чтобы они возникли, кому-то пришлось потрудиться в поте лица.

Как известно, наш мир есть плоскость суши, имеющей форму круглого блина, в центре коего расположен Иерусалим. Блин тот со всех сторон океаном окружен. На востоке край земли образуют Кальпа и Абила, Геркулесовы Столпы и ущелье Аида между ними.

---

¹ Африка, где живут львы (лат). – Здесь и далее примеч. пер., за исключением особо оговоренных случаев.

На юге, как я только что показал, за Африкой распростирается океан. На южном востоке твердую землю завершает подчиняющаяся князю Иоанну *India inferior*, тако же земли Гога и Магога. В северной стороне света последним краешком земли является *Ultima Thule*², там же, *ubi oriens iungitur aquiloni*³, лежит земля Могаль, или Тартар. На востоке же свет оканчивается Кавказом, чуть подальше Киева.

А теперь мы подходим к сути дела, то есть к португальцам. А конкретно – к инфанту Генриху, князю Висеу, сыну короля Иоанна. Португалия, что уж тут скрывать, есть королевство не из больших, инфант же этот лишь третий по счету сын, посему неудивительно, что из своей резиденции в Сагрише он чаще и с надеждой превеликой на море поглядывал, нежели на Лиссабон. Собрал он в Сагрише астрономов и картографов, мудрых евреев, мореходов и капитанов, мастеров-корабелов... И началось.

В Год Господень 1418-й добрался капитан Жоао Гонсальвеш Шарко до островов, именуемых *Insulas Canarias*, Канарскими, а название оттуда пошло, что собак было там обнаружено превеликое множество. Вскоре после этого, в 1420 году, тот же Гонсальвеш Шарко совместно с Тристаном Ваш Тейксеиру доплыл до острова, окрещенного Мадейрой. В 1427-м каравеллы Диего де Сильвеша дошли до островов, кои назвали Азорами – откуда такое название взялось, одному Диеге и Богу ведомо. Едва несколько лет тому назад, в 1434 году, очередной португалец, Жиль Эанеш, обошел полуостров Боядор. А шел слух, что уже готовится предпринять плавание инфант дон Генрих, которого некоторые уже начинают называть «мореходом» – *El Navegador*.

С великим изумлением и уважением отношусь я к оным мореходцам. Неустрасимые они люди. Ведь сущий же ужас отправляться на океан под парусами. Шквалы там и штормы, скалы подводные, горы магнетические, кипящие и клейкие моря, постоянно если не водовороты, так турбуленция, а если не турбуленция, так течения. Чудовища кишмя кишат, полно там драконов водных, морских серпенсов, змей, тритонов, гиппокампов, сиренов, дельфинов и пластуг. Роятся в море *sanguissugae, polypi, octopi, locustae, cancri, pistrichi*⁴ разные и прочее. Самое страшное, в конце – ибо там, где оканчивается океан, за краем самым, начинается Пекло. Вы думаете, почему солнце на заходе бывает таким красным? Так вот потому как окунается оно в огни адские. А по всему океану рассеяны дыры; наплывет каравелла по нечаянности на такую дыру и прямиком в ад проваливается, тут ей со всем, что на ней, конец приходит. Видать, таким это образом было сотворено, чтобы не дать смертному человеку по морям плавать. Ад есть пекло для тех, кто запреты нарушает.

Но, насколько я знаю жизнь, португальцев это не остановит.

Ибо *navigare necesse est*⁵, а за горизонтом есть острова, которые надо открывать. Необходимо нанести на карту далекую Тапробану, описать в *roteiros*⁶ путь к таинственному Чипанг, обозначить *Insole fortunate*, Счастливые острова. Надобно же плыть далее, по тропе святого Брендана, дорогой мечты, к Ги Брасиль, к неведомому. Затем, чтобы неведомое обратить в вемое и знакомое.

И вот – *quod erat demonstrandum*⁷ – мир наш уменьшается и сокращается, ибо еще немного, и все уже окажется на картах, на портуланах⁸ и в ротейрос. И неожиданно все окажется близко.

² Край земли (лат.).

³ где восток соединяется с севером (лат.).

⁴ кровопроливцы, полипы, осьминоги, лангусты, крабы (лат.).

⁵ Древняя матросская поговорка: «Плыть необходимо» (лат.).

⁶ морские карты (компасные), употреблявшиеся в XIII и XIV веках (порт.).

⁷ что и требовалось доказать (лат.).

⁸ описаниях (порт.).

Мир уменьшается, и в нем остается все меньше места для легенд. Чем дальше отплывают португальские каравеллы, чем больше становится количество открытых и названных островов, тем меньше остается легенд. То и дело какая-либо развенчивается, словно дым. И у нас остается все меньше иллюзий. А когда умирает мечта, то тьма заполняет опустевшее место. В темноте же, особенно если вдобавок еще и разум уснет, сразу пробуждаются чудовища. Что? Кто-то это уже сказал? До меня? Милостивый государь, а разве есть что-то такое, чего бы кто-то уже когда-то не сказал? Однако в горле у меня что-то пересохло... Вы спрашиваете, не побрезгую ли я пивом? Конечно, нет.

Что вы сказали, благочестивый брат от святого Доминика? Ага, что пора кончать треп не на тему и вернуться к рассказу? К Рейневану, Шарлею, Самсону и другим? Истинная правда, брат. Самое время. Так что возвращаюсь.

Наступил год Господень 1427-й. Помните, что он принес? А как же! Забыть невозможно. Но все же напомним.

В ту весну, кажись, в марте, наверняка перед Пасхой, огласил папа Мартин V буллу *Salvatoris omnium*, в которой заявил о необходимости очередного крестового похода против еретиков-чехов. Вместо Джордано Орсинни папа Мартин назначил кардиналом и легатом *a latere* Генриха Бофора, епископа Винчестерского, единоутробного брата короля Англии. Бофор рьяно принялся за дело. Безотлагательно объявили крестовый поход, дабы мечом и огнем покарать гуситских вероотступников. Тщательно подготовили экспедицию, набрали деньги – дело в войне одно из важнейших. На этот раз – вот уж чудо из чудес! – никто этих денег не разворовал. Одни хроникеры считают, что крестоносцы вдруг стали честными, другие – что деньги на этот раз охраняли лучше.

Главнокомандующим одного похода франкфуртский сейм назначил Оттона фон Цигенхайна, архиепископа Тревира. Призвали кого удалось под оружие и знаки крестовы. И вот тебе – армия готова. Выставил войско Фридрих Гогенцоллерн Старший, электор бранденбургский. Встали баварцы под командой князя Генриха Богатого, встал пфальцграф Отто из Мосбаха и его брат пфальцграф Иоганн из Ноймаркта. Прибыли на сборный пункт малолетний Фридрих Веттин, сын уложенного немощью в постель Фридриха Храброго, электора Саксонии. Прибыли, каждый с солидной ратью, Рабан фон Хельмштетт, епископ Спейера, Ансельм фон Неннинген, епископ Аугсбурга, Фридрих фон Ауфсесс, епископ Вамберга, Иоган фон Брун, епископ Вюрцбурга. Депольт де Ружемон, архиепископ Безансона. Прибыли вооруженные из Швабии, Гессена, Тюрингии, из северных городов Ганзы.

Двинулось крестовое воинство в поход в начале июля, через неделю после Петра и Павла⁹, перешло границу и потянулось в глубь Чехии, помечая путь свой трупами и пожарами. В среду перед Якубом¹⁰ крестоносцы, подкрепленные силами католического чешского ландфрида, встали под Стжибором, где сидел гуситский пан Пшибик де Кленове, и осадили город, очень изнурительно обстреливая его из чешских бомбард. Однако пан Пшибик держался стойко и сдаваться не думал. Осада длилась, время уходило. Нервничал бранденбургский курфюрст Фридрих. «Это же крестовый поход», – кричал он, советуя немедленно двигаться вперед, атаковать Прагу. «Прага, – кричал он, – это *caput regni*¹¹, а у кого в руках Прага, у того и Чехия...»

Жаркое, знойное было лето 1427 года.

А как, спрашиваете, на все это реагировали Божьи воины? Как, спрашиваете, Прага?

Прага...

Прага смердила кровью.

⁹ 29 июня.

¹⁰ Среда, предшествующая 25 июля.

¹¹ глава (столица) королевства (лат.).

Глава первая,

в которой Прага смердит кровью, Рейневан чувствует за собой слезку, а потом – поочередно – мается рутинной, вспоминает, тоскует, празднует, борется за жизнь и утопает в перине. А меж тем история Европы резвится, кувыркается, притоптывает и пищит на поворотах.

Прага смердила кровью.

Рейневан обнюхал рукава куртки. Он только что вышел из больницы, а в больнице, как в любом заведении такого рода, практически всем и каждому делали кровопускание и регулярно вскрывали язвы, да и ампутации следовали одна за другой с прискорбной регулярностью. Одежда могла пропитаться вонью, и в этом не было ничего необычного. Однако курточка источала только запах курточки. И ничего более.

Он поднял голову. Принюхался. С севера, с левого берега Влтавы, долетал запах травы и прелых листьев, сжигаемых в садах и виноградниках. Вдобавок от реки несло тинной и падалью – стояла жара, вода сильно упала, обнажившиеся берега и высохшие луга уже долгое время поставляли городу незабываемые обонятельные впечатления. Но на сей раз воняла не тина. Рейневан был в этом уверен.

Легкий переменчивый ветерок дул с востока, со стороны Пожичских ворот. Со стороны Виткова. А земля под Витковским взгорьем вполне могла источать запах крови. Потому как крови в землю эту впиталось немало.

Однако это, пожалуй, невероятно. Рейневан поправил на плече ремень торбы и резво направился дальше. Не может быть, чтобы этот запах крови – от Виткова. Во-первых, это довольно далеко. Во-вторых, бои шли летом 1420 года. То есть семь лет назад. Семь долгих лет.

Он, ускорив шаг, миновал уже церковь Святого Креста. А запах крови не развеялся. Совсем наоборот. Усилился. Потому что вдруг, для разнообразия, повеяло с запада.

«Хм, – подумал он, глядя в сторону недалекого гетто. – Камень – не земля, старые кирпичи и штукатурка помнят многое, многое может в них продержаться. Все, что они впитают, пахнет долго. А там, у синагоги, в улочках и домах, кровь лилась еще обильнее, чем в Виткове. И в несколько менее отдаленные времена. В 1422 году, во время кровавого погрома, во время смуты, бушевавшей в Праге после расправы с Яном Желивским¹². Разъяренный казнью своего любимого трибуна народ Праги восстал, чтобы мстить, жечь и убивать. При этом больше всего, как обычно, досталось еврейскому району. У евреев не было ничего общего с казнью Желивского. И они уж никоим образом не были виновны в его судьбе. Но кого это заботило?

Рейневан свернул за Свентокшиским кладбищем, прошел мимо больницы, вышел на Старый Угольный Тарг, пересек небольшую площадь и углубился в арки и тесные закоулки,

---

¹² Яна Желивского и его сподвижников обезглавили 9 марта 1422 года. В понедельник.

ведущие к Длинной Твиде. Запах крови улетучился, скрылся в море других ароматов. Арки и закоулки воняли всем, что только можно себе вообразить.

Зато Длинная Твида встретила его главенствующим над всем – и прямо-таки ошеломляющим запахом пекарских изделий. В пекарских лавочках, на прилавках и лавках золотились, красовались и аппетитно пахли знаменитые пражские выпечки. Хоть в больнице он позавтракал и голода не чувствовал, но не удержался и в первой же пекарне купил две свежайшие булки. Булки, которые здесь называли цалтами, имели столь навязчиво эротичную форму, что Рейневан долгое время шествовал по Длинной Твиде слово во сне, натываясь на палатки, погружившись в жаркие, как пустынный самум, мысли о Николетте. О Катажине Биберштайн. Среди прохожих, на которых он налетал и в задумчивости толкал, было несколько вполне привлекательных пражанок различного возраста. Он их не замечал. Рассеянно извинялся и шел дальше, попеременно то кусая цалту, то словно загипнотизированный всматриваясь в нее.

Старогородский рынок привел его в чувство запахом крови.

«Да, – подумал Рейневан, поедая цалту, – здесь-то, возможно, и неудивительно. Для этих-то булыжников кровь не в новинку». Яна Желивского и девятих его сподвижников обезглавили как раз здесь, у Старогородской ратуши, приманив сюда в тот мартовский понедельник. Когда после предательской казни отмывали от крови полы, красная пена текла из-под ворот ручьями, стекая, кажется, к самому стоящему посередине рынка позорному столбу и образуя там гигантскую лужу. А вскоре после этого, когда весть о смерти трибуна вызвала в Праге взрыв гнева и жажду мести, кровь потекла по всем тамошним сточным канавам.

В сторону Божьей Матери у Тына шли люди, они толпились под сводом ворот. «Будет проповедовать Рокицана, – подумал Рейневан. – Надо бы послушать, что может сказать Ян Рокицана». Слушать проповеди Яна Рокицаны всегда стоило. Всегда. Особенно же теперь, во времена, когда так называемый ход событий поставлял темы для проповедей прямо-таки в ужасающем темпе. Было, ох, было, о чем проповедовать. И стоило слушать.

«Нет времени, – сообразил он. – Есть более срочные дела. И есть проблема... Состоящая в том, что за мной следят».

В том, что за ним следят, Рейневан убедился уже давно. Сразу после выхода из больницы у Святого Креста. Следящие были весьма ловкими, держались незаметно, очень искусно прятались. Но Рейневан их заметил. Потому что это было не в первый раз.

В принципе он знал, кто за ним следил и по чьему приказу. Однако это не имело особого значения.

От шпионов надо было отделаться. У него даже был план.

Он вышел на людный и вонючий Скотный Тарг, смешался с толпой, идущей в сторону Влтавы и Каменного Моста. Он хотел скрыться, а на Мосту, в узкой горловине, тесном перешейке, соединяющем Старе Место с Малой Страной и Градчанами, в шуме и толчее была реальная возможность исчезнуть. Рейневан пробирался в толпе, задевая прохожих и нарываясь на оскорбления.

– Рейнмар! – Один из тех, кого он задел, вместо того, чтобы, как другие, обозвать его курвиным сыном, поприветствовал его, назвав по имени. – Господи! Ты здесь?

– Я здесь. Послушай, Радим... Господи, почему ты так воняешь?

– Это, – Радим Тврдик, невысокий и не очень молодой, указал на ведро, которое тащил, – это глина и ил. С берега реки. Они мне необходимы... Сам знаешь зачем.

– Знаю. – Рейневан беспокойно осмотрелся. – А как же.

Радим Тврдик был, как знали все посвященные, чернокнижником. Радим Тврдик был также, как знали некоторые посвященные, пленен идеей создания искусственного человека. Голема. Все, даже малопосвященные, знали, что единственного до сих пор голема удалось в

очень-очень давние времена создать некоему пражскому раввину, которого в сохранившихся документах называли, вероятно, искаженным именем Вар Галеви. Древнему еврею, как говорят документы, сырьем для создания голема послужили глина, ил и тина, взятые со дна Влтавы. Тврдик – единственный, – однако, считал, что роль активизирующего фактора здесь сыграли не обряды и заклинания, кстати, известные, а некая определенная астрологическая конъюнкция, влияющая на конкретный ил и данную глину, на их магические свойства. Однако, не имея ни малейшего понятия, о каком именно расположении планет идет речь, Тврдик действовал методом проб и ошибок: набирал глину настолько часто, насколько мог, – в надежде, что когда-нибудь упадет на необходимую. Брал из различных мест. Сегодня явно «перебрал»: судя по вони, он взял «сырье» непосредственно из-под какого-то отхожего места.

– Ты не на работе, Рейнмар? – спросил Тврдик, вытирая лоб тыльной стороной ладони. – Не в больнице?

– Я смог уйти пораньше. Работы не было. Спокойный день.

– Дай Бог, – колдун поставил ведро, – чтобы не последний. Потому как время такое...

Все в Праге знали, в чем дело, о каком времени шла речь. Но об этом предпочитали не болтать лишнего. Фразы не договаривали. Это вдруг сделалось всеобщим и модным. Обычай требовал в ответ на такое недоговаривание сделать мудрую мину, вздохнуть и многозначительно покачать головой. Но у Рейневана не было на это времени.

– Иди своим путем, Радим, – сказал он, оглянувшись. – Я не могу здесь стоять. А лучше б и ты не стоял.

– Э-э-э?

– За мной следят. Поэтому я не могу идти на Суконническую.

– Следят, – повторил Радим Тврдик. – Те, что обычно?

– Наверное. Бывай.

– Погоди.

– Чего ради?

– Неразумно пытаться уйти от хвоста.

– Почему бы?

– Для следящих, – пояснил на удивление толково чех, – попытки отделаться от хвоста явный знак, что у того, за кем следят, не все в порядке с совестью и есть что скрывать. На воре шапка горит. То, что ты не идешь на Суконническую, – мудро. Но не крути, не сбегай, не скрывайся. Делай то, что делаешь всегда. Заставь шпикив заскучать от нудной повседневной рутины.

– Например?

– У меня в глотке пересохло от копания ила. Пошли «Под рака». Выпьем пива.

– За мной следят, – напомнил Рейнван. – Ты не боишься...

– А чего? – Колдун поднял свое ведро. – Чего бояться-то?

Рейнван вздохнул. Пражские магики поражали его не в первый раз. Он не знал, то ли это заслуживающее удивления хладнокровие, то ли тривиальное отсутствие воображения, но некоторые местные чародеи часто, казалось, не принимали во внимание тот факт, что занимающимся черной магией людям гуситы были гораздо страшнее инквизиции. *Maleficium*, колдовство, входило в перечень смертных грехов, которые, следуя четвертой пражской догме, карались смертью. Когда речь шла о пражских догмах, с гуситами шуточки шутить не приходилось. Считающиеся умеренными пражские каликстинцы отнюдь не уступали в этом таборитским радикалам и фанатикам сиротам. Пойманного колдуна засовывали в бочку и сжигали на костре.

Они повернули в сторону рынка, пересекли Ножовницкую, потом улицу Злотников, затем Сватоийльскую. Шли медленно. Тврдик останавливался около лавочек, обменивался со знакомыми лавочниками парой-другой сплетен. По принятому стандарту фразы прерывали

после «теперь, когда такое время...». Несколько раз в ответ следовала мудрая улыбка, вздох и многозначительный кивок головой. Рейневан осматривался, но шпигов не замечал. Они прятались очень хорошо. Он не знал, что чувствовали они, но его самого это нудное однообразие начинало донимать весьма и весьма.

На счастье, вскоре, свернув со Сватоийильской во двор и под арку, они вышли прямо на каменный дом «Под красным раком». И на корчмушку, хозяин которой ничтоже сумняшеся назвал ее точно так же.

– Эй, гляньте-ка! Это ж Рейневан!

За столом на стоящей за столбами невысокой скамье сидели четверо. Все были усаты, широкоплечи, в рыцарских дентнерах. Двоих Рейневан знал, они были поляками. Если б не знал, то догадался бы: как все поляки за границей, в чужой стране они вели себя шумно, нагло и демонстративно хамски. Что по их собственному мнению должно было подчеркивать статус и высокое общественное положение. Забавным было то, что после Пасхи статус поляков в Праге сильно понизился, а их положение упало и того ниже.

– Отлично! Приветствуем тебя, уважаемый наш Эскулап! – встретил его один из поляков, знакомый Рейневана Адам Вейднар герба Равич.

– Присаживайся! Садитесь оба! Приглашаем и угощаем!

– А чего это ты так охотно приглашаешь? – поморщился с демонстративным отвращением другой поляк, тоже великопольчанин, тоже знакомый Рейневану Николай Жировский герба Чевоя. – У тебя избыток деньгí, что ли? К тому же он травник, у прокаженных работает! Заразит нас лепрой-то! А то и чем похуже!

– Я больше не работаю в лепрозории, – терпеливо пояснил Рейневан, делавший это уже не в первый раз. – Я сейчас лечу в больнице богословов. Здесь, в Старом Месте. При церковке Святых Симеона и Юдифи.

– Ладно, ладно, – махнул рукой Жировский, который все это знал. – Что выпьете? Ага, зараза, простите. Познакомьтесь. Посвященные в рыцари господ: Ян Куропатва из Ланцухова, герба Шренява, и Ежи Скирмунт, герба Одровонж. Прошу прощения, но чем тут так, мать ее, воняет?

– Тиной. Из Влтавы.

Рейневан и Радим Тврдик пили пиво. Поляки пили ракусское вино и ели тушеную баранину, заедая хлебом. При этом разговаривали демонстративно громко по-польски, рассказывая друг другу различные глупости и каждую по отдельности отмечая громким хохотом. Прохожие оборачивались, ругались себе под нос. Иногда сплевывали.

С Пасхи, точнее, с Великого четверга, мнение о поляках среди чехов было не из лучших, а их положение в Праге не из высоких. И то, и другое проявляло тенденцию к понижению.

С Зигмунтом Корибутовичем, для краткости именуемым Корибутом, племянником Ягеллы, кандидатом в чешские короли, в первый раз в Прагу приехали общим счетом около пяти тысяч польских рыцарей, во второй – каких-нибудь пять сотен. В Корибуге многие усматривали надежду и спасение гуситской Чехии, а поляки отважно бились за Чашу и право Божие, не жалели крови под Карлштайном, под Иглавой, под Ретцом и под Усти. Несмотря на это, их не любили даже чешские товарищи по оружию. Разве можно любить типов, которые фыркали, услышав, что их чешские соратники носят имена Пицек из Псикоусов, или Садло из Старе Кобзи? Которые диким хохотом реагировали на такие имена, как Цвок (для них звучащее как непристойность) из Халупы или Доупа (Ха! Ха! Задница – вот так имечко!).

Предательство Корибуты, ясное дело, очень серьезно навредило польскому делу. Надежда чехов провалилась по всей линии, гуситский король *in spe*¹³ стакнулся с католиче-

¹³ Здесь: предполагаемый (лат.).

скими панами, предал дело причастия *sub utraque specie*, нарушил четыре догмы, которыми поклялся. Заговор раскрыли. И племянник Ягеллы вместо чешского трона попал в узилище, а на поляков стали смотреть явно враждебно. Многие из них тут же покинули Чехию. Некоторые, однако, остались. Как бы подтверждая этим порицание предательства Корибуты, как бы демонстрируя приверженность Чаше, как бы декларируя готовность продолжать борьбу за каликстинское дело. И что? Их все равно не любили. Подозревали – не без оснований, – что каликстинская проблема придает им шарма, утверждали, что они остались, так как, *primo*¹⁴, возвращаться им было некуда и не к чему. В Чехию они отправились уже будучи преследуемыми судами и секвестрами за растраты, а теперь вдобавок над всеми ими, включая и Корибута, нависла угроза проклятия и отлучения. Так как, *secundo*¹⁵, в Чехии они воюют исключительно ради наживы, трофеев и имущества. Так как, *tertio*¹⁶, они вообще не воюют, а воспользовавшись отсутствием воюющих чехов, трахают их жен.

Все эти утверждения соответствовали истине.

Слыша польскую речь, проходивший мимо пражанин сплюнул на землю.

– Ох, что-то не любят они нас, не любят, – заметил, смешно потягиваясь, Ежи Скирмунт герба Одровонж. – Почему бы это? Удивительно.

– А хрен с ними. – Жировский выпятил грудь, украшенную серебряными подковами Чевоев. Как каждый поляк, он придерживался бессмысленной точки зрения, что, будучи гербованным, хоть и абсолютным голодранцем, он в Чехии является ровней чуть ли не Рожмберкам, Коловратам, Штернберкам и всем другим влиятельным родам вместе взятым.

– Может, и хрен, – согласился Скирмунт. – Но все равно странно, дорогуша.

– Этих людей удивляет, – у Радима Тврдики голос был спокойный, но Рейневан знал его достаточно хорошо, – этих людей удивляет внешность рыцарственных и боевых панов, беспечно распивающих вино за столом в корчме. В такие дни. Сейчас, когда такое время...

Он не договорил. В соответствии с обычаем. Но полякам не было свойственно придерживаться обычаев.

– Такое время, – захохотал Жировский, – когда на вас идут крестоносцы, да? Что идут большой силой, что несут вам меч и огонь, что оставляют за собой земли и воды? Что того и гляди, как...

– Тише, – прервал его Адам Вейднар. – А вам, господин чех, я скажу так: не к месту ваши намеки. Потому что на Новом Месте сейчас, и верно, пусто, безлюдно. Потому что настали, как вы изволили заметить, такие дни, когда новоместчане гурьбой потянулись вслед за Прокопом Голым на оборону страны. Так что, если б это мне кто-нибудь из новоместских сказал, я б смолчал. Но отсюда, из Старого Места, не пошел вообще никто. В общем, *pardon*, чья бы корова мычала, а ваша б молчала.

– Сила, – повторил Жировский, – идет с запада, вся Европа. Не удержаться вам на сей раз. Будет вам конец, кончилось ваше время.

– Нам, – ядовито повторил Рейневан. – А вам нет?

– Нам тоже, – угрюмо ответил Вейднар, жестом успокаивая Жировского. – Нам тоже. Увы. Не ту, получается, мы сторону в этом конфликте выбрали. Надо было послушаться епископа Ласкара.

– Верно, – вздохнул Ян Куропатва. – Надо было и мне слушать Збышка Олесьницкого. А теперь торчим мы здесь, словно скотина в скотобойне, и только делаем, что ждем резника. Идет на нас, напоминая господам, крестовый поход, какого свет не видел. Восьмидесятитысячная армия. Курфюрсты, герцоги, пфальцграфы, баварцы, саксонцы, вооруженный люд из Швабии,

¹⁴ во-первых (лат.).

¹⁵ во-вторых (лат.).

¹⁶ в-третьих (лат.).

из Тюрингии, из ганзейских городов, к тому же весь пльзенский ландгриф. Да что там, даже какие-то заморские чудачки. Перешли границу в начале июля, обложили Стжибро, который вот-вот падет, а может, и уже пал. А как далеко от Стжибра до нас? Чуть побольше двадцати миль. Вот и посчитайте. Они будут здесь через пять дней. Сегодня у нас понедельник. В пятницу, попомните мои слова, мы увидим их кресты у Праги.

– Не удержит их Прокоп, они его в поле разобьют. Он не выстоит. Их слишком много.

– Мадиямитяне и амаликитяне, когда напали на Галаад, – сказал Радим Тврдик, – были многочисленны, как саранча; верблюдам их не было числа, много было их, как песку на берегу моря¹⁷. А Геден во главе всего трехсот воинов разбил их и рассеял. Ибо боролся во имя Господа Бога, с Его именем на устах.

– Да, да, конечно. А сапожник Скуба победил вавельского дракона. Не смешивайте, милостивый пан, сказок с реальностью.

– Опыт учит, – добавил с кислой ухмылкой Вейднар, – что Господь, если уж вообще вмешивается, то встает скорее всего на сторону более сильных.

– Не сдержит крестоносцев Прокоп, – задумчиво повторил Жировский. – Да, на сей раз, пан чех, даже сам Жижка вас не спас бы.

– Нет у Прокопа шансов! – фыркнул Куропатва. – На что угодно спорю. Слишком большая сила идет. С крестоносцами идут рыцари из Йоргеншильда, ордена Щита Святого Георгия, цвет европейского рыцарства. А папский легат ведет, кажется, сотни английских лучников. Ты, чех, слышал когда-нибудь об английских лучниках? У них луки с мужика длиной, бьют на пятьсот шагов. С такого расстояния продырявливают латы, пробивают кольчуги словно льняные рубашки. Хо-хо! Такой лучник ухитрится...

– А ухитрится, – спокойно прервал Тврдик, – такой лучник устоять на ногах, когда получит цепом по башке? Являлись уже сюда к нам разные способные, приходили всякой масти рыцари, но пока что ни один лоб не выдержал удара чешского цепа. Не пожелаете ли поспорить на это, господин поляк? Учтите, я утверждаю, что если заморский англичанин получит цепом по темечку, то второй уже раз заморский англичанин тетивы не натянет, потому как заморский англичанин уже будет заморским покойником. Если получится иначе – выигрыш ваш. На что поспорим?

– Они шапками вас закидают.

– Уже пытались, – заметил Рейневан. – Год назад. В воскресенье после святого Вита. Под Усти. Ты же был под Усти, господин Адам?

– Факт, – признал великопольчанин. – Был. Все мы были. И ты там был, Рейневан. Не забыл?

– Нет. Не забыл.

Солнце припекало жутко, с неба лился жар. Не было ничего видно. Туча пыли, поднятая копытами лошадей наступающего рыцарства, смешалась с плотным пороховым дымом, после залпа окутавшим весь внешний квадрат вагенбурга. По-над ревом бойцов и ржанием коней неожиданно взвился треск ломаемого дерева и крики торжества. Рейневан увидел, как из дыма помчались убегающие.

– Прорвались, – громко вздохнул Дзивиш Божек из Милетинка. – Разорвали телеги...

Гинек из Колыштейна выругался. Рогач из Дубе пытался усмирить хрипящего коня. У Прокопа Голого лицо было словно высечено из камня. Зигмунт Корибутович побледнел до невозможности.

---

¹⁷ Книга Судей, 7:12.

Из дыма с ревом ринулась броневая кавалерия, железные рыцари настигали бегущих гуситов, давили лошадьми, рубили и резали тех, кто не сумел спрятаться за внутренний квадрат телег. В пролом толпой врвались очередные тяжелые конники.

И в эту сбившуюся и толпящуюся в проломе гущу, прямо в морды коням, прямо в лица наездникам вдруг полыхнули пламенем и свинцом хуфницы и тарасницы, загрохотали гаковницы, гукнули пищали, плотной тучей сыпанули болты из арбалетов. Рухнули всадники с седел, рухнули кони, рухнули люди вместе с лошадьми, кавалерия сбилась в кучу с еще более смертоубийственным результатом. До покрытого дымом внутреннего четырехугольника добрались лишь немногочисленные латники, их тут же прикончили алебардами и цепями. Сразу после этого чехи с дикими воплями вывалились из-за телег, бурной контратакой ошеломив немцев и мгновенно вытеснив их за пределы пролома. Пролом тут же забаррикадировали телегами, на телеги взгромоздились арбалетки и цепники. Снова загрохотали хуфницы, задымились стволы гаковниц. Загорелась ослепительным золотым огнем воздетая над тележным валом дароносица, сверкнул белизной штандарт с Чашей.

*Ktož jsú boží bojovníci
A zákona jeho!
Prostež od Boha pomoci
A doufejte v něho!*

Пение гудело, крепчало и торжествующе несло по-над вагенбургом. Пыль оседала за отступающей бронированной кавалерией.

Рогач из Дубе, уже зная, повернулся к ожидающим в строю конным гуситам, поднял булаву. Через мгновение то же самое проделал в сторону польской конницы Добко Пухала. Конным моравцам дал знак Ян Товачовский. Гинек из Колыштейна захлопнул забрало шлема.

С поля были слышны крики саксонских командиров, призывающих латников к очередной атаке на телеги. Но латники отступали, заворачивали лошадей.

– Бегуууууут! Немцы убегают!

– Вперед! Дави их! Гыр на них!!!

Прокоп Голый вздохнул, поднял голову.

– Теперь... – Он тяжело засопел. – Теперь уж их задницы – наши.

Рейневан покинул общество поляков и Радима довольно неожиданно – просто вдруг поднялся, распрощался и ушел. Коротким многозначительным взглядом объяснил Тврдику причину своего поведения, колдун моргнул. Он понял.

Район снова смердел кровью. «Вероятно, – подумал Рейневан, – несет от недалеких мясных лавок, со стороны Койцев и от Мясного Фримарка¹⁸. А может, нет? Может, это другая кровь».

Может, та, которая вспенила окружающие сточные канавы в сентябре 1422-го, когда улочка Железна и переулки вокруг нее стали ареной братоубийственных боев, когда антагонизм между Старым Мястом и Табором в очередной раз породил вооруженный конфликт. Много тогда пролилось на Железной чешской крови. Достаточно много, чтобы все еще продолжать смердеть.

Именно этот запах крови повысил его бдительность. Шпиков он не обнаружил, не заметил ничего подозрительного, никто из шагающих по улочкам чехов на шпику не походил. И все же Рейневан непрестанно чувствовал спиной чей-то взгляд. Получалось, что те, кто следил

¹⁸ Мясные торговые ряды.

за ним, еще не устали от нудной рутины. «Хорошо, – подумал он. – Хорошо, паршивцы, я подброшу вам побольше этой рутины. Столько, что вам худо станет».

Он пошел по Козьной, узкой от кожевеннических лавчонок и мастерских. Несколько раз останавливался, прикидываясь, что заинтересовался товаром, украдкой оглядывался. Не заметил никого, похожего на шпики. Но знал, что где-то там они были.

Не доходя до Святого Гавла, свернул, зашел в проулок. Он направлялся к Каролинуму, своей родной школе. Ведь делая все как обычно, он направлялся именно туда, надеясь послушать какой-нибудь диспут. Он любил ходить на университетские диспуты и *quodlibet*¹⁹. Потому что, после того, как он в воскресенье *Quasimodogeniti*²⁰ принял первое после Пасхи 1426 года причастие в обоих видах, он приходил в *lectorium ordinarium* регулярно. Как истинный неофит он хотел как можно глубже познать тайники и сложности своей новой религии, а они как-то особенно легко усваивались им во время догматических споров, которые регулярно вели представители умеренного и консервативного крыла, сгруппировавшиеся вокруг мэтра Яна с Пшибрама, с представителями радикального крыла, то есть людьми из окружения Яна Рокицаны и Питера Пайна, англичанина, лолларда и виклифиста. Однако истинно взрывчатыми были те диспуты, на которые сходились стальные радикалы, те, что с Нового Мяста. Только тогда начиналось настоящее веселье. Рейневан был свидетелем того, как защищающего какую-то виклифскую догму Пайна называли «скурвившимся англишем» и закидали буряками. Как старика Кристиана из Прахатиц, почетного ректора университета, грозились утопить во Влтаве. Как бросили дохлого кота в седенького Петра из Младоновец. Собравшаяся публика регулярно била друг друга по мордам, расквашивала носы и выбивала зубы не только внутри университета, но также и снаружи, перед Каролинумом, на Мясном Фримарке.

С тех времен, однако, кое-что изменилось. Яна с Пшибрама и людей из его окружения разоблачили как замешанных в заговор Корыбуты и наказали изгнанием из Праги. Однако же, поскольку природа не терпит пустоты, диспуты продолжались и дальше, но в качестве умеренных и консервативных неожиданно начали выступать Рокицана и Пайн. Новоградцы по-прежнему «работали» радикалами. Чертовскими радикалами. На диспутах по-прежнему дрались, перебрасывались грязными словами и кошками.

– Пан.

Он обернулся. Стоящий за ним невысокий человечек был весь серый. Серая физиономия, серая курточка, черная шапка, черные штаны. Во всей его особе единственным живым пятном была новенькая, выточенная из светлого дерева палка.

Он осмотрелся, услышав шум за спиной. У загораживающего ему выход из закоулка типичика тоже была палка. Он был лишь немного повыше и лишь чуточку красочнее. Зато рожа была гораздо противнее.

– Идемте, пан, – повторил, не поднимая глаз, Серый.

– И куда же? И зачем?

– Не сопротивляйтесь, пан.

– Кто вам приказал?

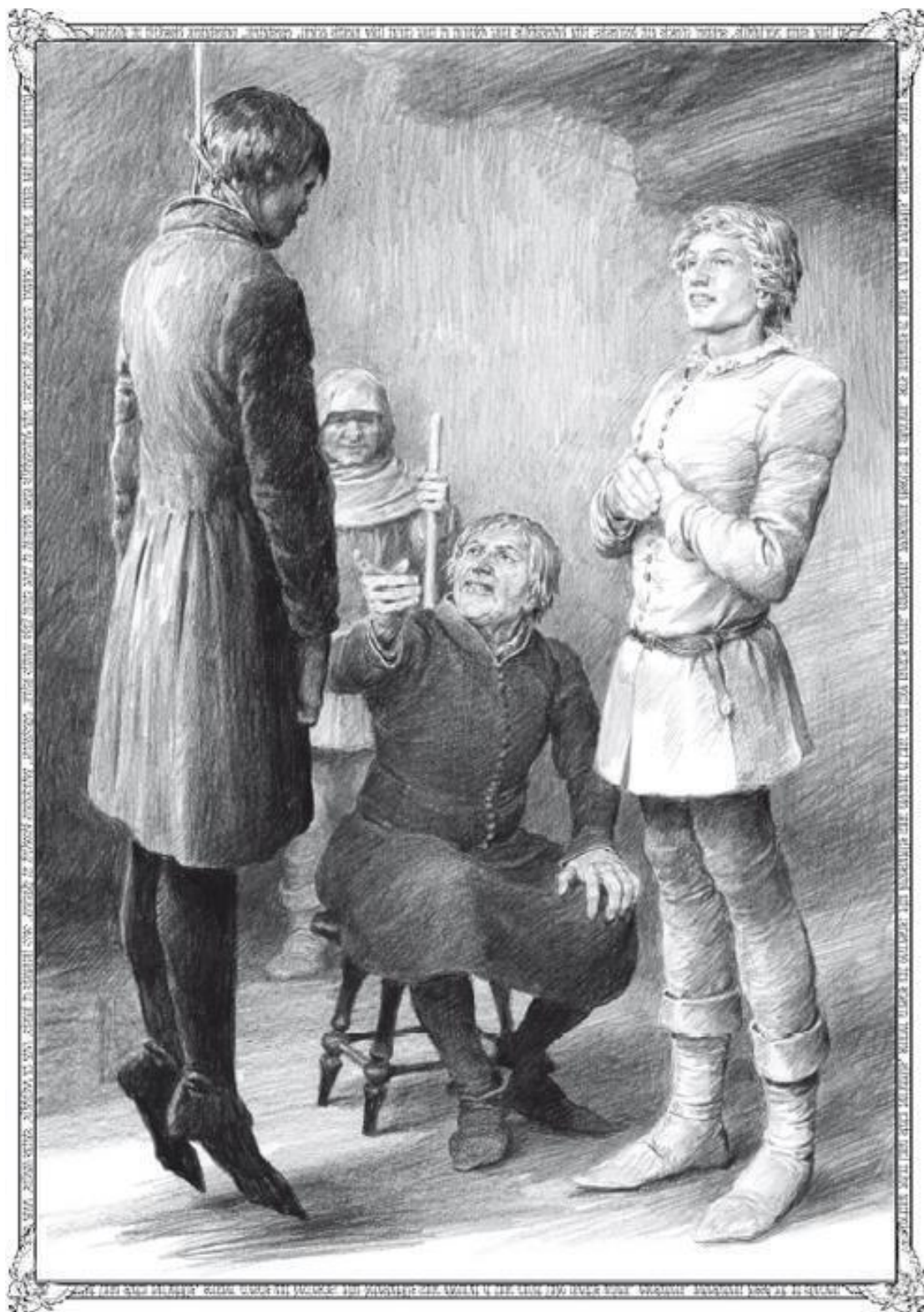
– Его милость пан Неплах. Идемте.

Как оказалось, идти пришлось совсем недалеко. До одного из каменных домов в южной части Староместского рынка. Рейневан не очень хорошо знал, в которой; шпики проводили его с тыла, темными и отдающими плесневеющим ячменем полуподвалами, дворами, сенями, ступенями. Внутри жилье было достаточно богатым – как большинство домовладений в этом

¹⁹ род вокальной или инструментальной композиции (лат.).

²⁰ Первое воскресенье после Пасхи, названное по словам первого послания Св. Петра, 2:2 (лат.).

районе, оно тоже было унаследовано после зажиточных немцев, сбежавших из Праги после 1420 года.

Богухвал Неплах, называемый еще Флютеком, ждал его в гостиной. Под светлым бревенчатым потолком за одну из балок была зацеплена вожжа. На вожже раскачивался висельник. Носками модных туфель он касался пола. Почти. Недоставало около двух дюймов.

Не тратя времени на приветствия и другие мелкопомещанские пережитки, почти не удостоив Рейневана взглядом, Флютек указал пальцем на повешенного. Рейневан знал, что он имел в виду.

– Нет... – Он сглотнул. – Это не тот. Пожалуй... Скорее всего нет.

– Взгляни внимательнее.

Рейневан присматривался уже достаточно хорошо, чтобы быть уверенным, что врезавшаяся в распухшую шею веревка, перекошенное лицо, вытаращенные глаза и вывалившийся изо рта черный язык будут вспоминаться ему во время нескольких будущих обедов.

– Нет. Не тот... Впрочем, откуда мне знать... Я того видел со спины...

Неклах щелкнул пальцами. Находящиеся в гостинной слуги повернули повешенного спиной к Рейневану.

– Тот сидел. И был в плаще.

Неплах щелкнул пальцами. Почти тотчас же отрезанный от веревки труп, покрытый плащом, сидел на карле – в позе довольно жуткой, учитывая *rigor mortis*²¹.

– Нет, – покрутил головой Рейневан. – Пожалуй, нет. Того... Хм-м-м... По голосу я узнал бы наверняка...

– Сожалею. – Голос Флютека был холоден как февральский вихрь. – Этого сделать не удастся. Если б он мог подать голос, ты мне вообще не был бы нужен. А ну уберите отсюда эту падаль.

Приказ был выполнен мгновенно. Приказы Флютека всегда выполнялись мгновенно. Богухвал Неплах, по прозвищу Флютек, был начальником разведки и контрразведки Табора, подчинялся напрямую Прокопу Голому. А когда еще был жив Жижка, то непосредственно Жижке.

– Садись, Рейневан.

– У меня нет вре...

– Сядь, Рейневан.

– Кто был этот...

– Висельник? В данный момент это не имеет никакого значения.

– Предатель? Католический шпион? Насколько я понимаю, он был виновен?

– Что?

– Я спрашиваю, он был виновен?

– Ты имеешь в виду, – Флютек глянул неприятно, – эсхатологию? Окончательное решение вопроса? Если так, то я могу лишь сослаться на никейское *credo*: распятый при Понтии Пилате Иисус умер, но воскрес и явится вновь, дабы судить живых и мертвых. Каждый будет судим за свои мысли и дела. И тогда выяснится, кто виновен, а кто невиновен. Установится это, я так скажу, окончательно.

Рейневан вздохнул и покачал головой. Он был сам виноват. Он знал Флютека. Можно было не спрашивать.

– Посему не имеет значения, – Флютек указал головой на балку и обрезанную веревку, – кем он был. Важно, что успел повеситься, когда мы выламывали двери, и что я не смогу заставить его говорить. А ты его не идентифицировал. Ты утверждаешь, что это не тот. Не тот, которого ты якобы подслушал, когда он вступал в заговор с вроцлавским епископом. Правда?

– Правда.

Флютек смерил его мерзким взглядом. Глаза Флютека, черные, как у куницы, узко посаженные по сторонам длинного носа, словно отверстия стволов двух гаковниц, способны были глядеть исключительно мерзко. Случалось, в черных глазах Флютека появлялись два малень-

---

²¹ посмертное окоченение мышц (лат.).

ких золотых чертика, которые неожиданно, словно по команде, одновременно начинали кувыряться. Рейневан уже видел нечто подобное.

Такое обычно было предвестником весьма малоприятных вещей.

– А я думаю, – сказал Флютек, – что неправда. Я думаю, ты врешь. Что врал с самого начала, Рейневан.

Откуда Флютек взялся у Жижки, не знал никто. Разумеется, сплетни ходили. В соответствии с одними Богухвал Неплах, истинное имя – Йехорам бен Исхак, – был евреем, учеником раввинской школы, которого просто так, каприза ради, пощадили во время резни в Хомутовском гетто в марте 1421 года. По другим слухам, его действительно звали Богухвал, но не Неплах, а Готтлоб, и был он немцем, купцом из Пльзени. В соответствии с третьими, он – монах-доминиканец, которого Жижка – по неведомым причинам – лично спас во время избиения и уничтожения священников и монахов в Беруне. Четвертые утверждали, что Флютек был чеславицким приходским священником, который своевременно учуял конъюнктуру, примкнул к гуситам и с неофитским жаром забираясь Жижке в жопу так рьяно, что доскребся до этой должности. Рейневан был склонен верить именно последнему – Флютек должен был быть попом, в пользу этого говорили его мерзопакостная лживость, двуличность, жуткий эгоизм и прямо-таки невообразимая алчность.

Собственно, именно жадности Богухвал Неплах был обязан своим прозвищем. Потому что, когда в 1419 году католические паны завладели Кутной горой, главнейшим в Чехии центром добычи руды, отрезанная от кутногорских шахт и монетных дворов гуситская Прага начала штамповать собственные деньги, медяки с исчезающе малым количеством серебра. Это были никудышные деньги, практически ничего не стоящие, с паритетом почти равным нулю. Пражскими монетками пренебрегали и презрительно называли их «флютками»²². Поэтому когда Богухвал Неплах начал исполнять у Жижки обязанности шефа разведки, прозвище «Флютек» мгновенно прилипло к нему. Ибо вскоре оказалось, что Богухвал Неплах не пропустит okazji украсть или присвоить любой плохо или хорошо лежащий флютек. Любое маломальски ценное дерьмо.

Каким чудом Флютек удержался при Жижке, который в своем Новом Таборе расхитителей карал сурово и железной рукой давил воровство, оставалось загадкой. Загадкой оставалось, почему Неплаха позже терпел не менее принципиальный Прокоп Голый. Напрашивалось одно объяснение – в том, что он делал для Тabora, Богухвал Неплах был профессионалом. А найти профессионала нелегко. Поэтому приходится многое прощать.

– Если ты хочешь знать, – начал Флютек, – то твой рассказ, как, впрочем, и твоя личность, с самого начала пользовались у меня весьма небольшим кредитом доверия. Тайные сборища, секретные совещания, всемирные заговоры – все это хорошо в литературе, приличествуют этакому, скажем, Вольфраму фон Эшенбаху, у Вольфрама действительно приятно читать о тайнах и заговорах... о мистерии Грааля, о Терре Сальбэше²³, о всяческих Клингзорах, Флагетанисах, Файрефизах и прочих Титурелях. В твоём рассказе было немного многовато такой литературщины. Иными словами, я подозреваю, что ты просто-напросто налгал.

Рейневан ничего не сказал, только пожал плечами. Явно демонстративно.

– Поводы для твоих выдумок, – продолжал Неплах, – могут быть различными. Ты сбежал из Силезии, как утверждаешь, потому что тебя преследовали и тебе грозила смерть. Если это правда, то у тебя действительно не было другого выбора, как втереться в доверие к Амброжу. А как сделать это поудачней, если не предостеречь его о готовящемся на него покушении? Потом тебя привели к Прокопу. Прокоп в беглецах из Силезии обычно видит шпионов, поэтому

²² От *fluido* – разжижать (лат.).

²³ Место, где в своем «Парсивале» Эшенбах поместил замок Грааля.

вешает всех подряд, и *per saldo*²⁴ выходит одно на одно. Так как же спасти свою шкуру? Ну, хотя бы взять и рассказать о тайном совете и заговоре. Что скажешь, Рейневан? Как это звучит? Вольфрам фон Эшенбах позавидовал бы. А турнир в Вартбурге ты выиграл бы как пить дать... Так что причин сочинять, – спокойно продолжал Флютек, – у тебя было достаточно. Но в действительности, я думаю, была только одна.

– Конечно. – Рейневан прекрасно знал, о чем речь. – Одна.

– Мне, – в глазах Флютека появились два желтых чертика, – больше всего по сердцу та гипотеза, что твое плутовство имеет целью отвлечь внимание от действительно существенной проблемы. То есть от пятисот гривен²⁵, реквизированных у ограбленного сборщика податей. Что ты на это скажешь, медик?

– То же, что обычно. – Рейневан зевнул. – Ведь мы это уже проходили. На твои заезженные и нудные вопросы я, как всегда, дал столь же заезженные и нудные ответы. Нет, брат Неплах, я не поделюсь с тобой деньгами, реквизированными у ограбленного коллектора. Причин тому несколько. Во-первых, у меня нет этих денег, поскольку не я их «реквизировал». Во-вторых...

– А кто?

– Нужный ответ: понятия не имею.

Золотые чертики подпрыгнули и кувыркнулись.

– Лжешь.

– Конечно. Можно идти?

– У меня есть доказательство тому, что ты лжешь.

– Ишь ты.

– Ты продолжаешь утверждать, что тот мифический съезд, – Флютек просверлил его взглядом, – происходил тринадцатого сентября и что в нем принимал участие Кашпар Шлик. Так вот из вполне достоверных источников я знаю, что тринадцатого сентября 1425 года Кашпар Шлик находился в Буде. А значит, не мог быть в Силезии.

– Хреновые у тебя источники, Неплах. Впрочем, нет, это провокация. Пробыешь меня подловить. Кстати, уже не в первый раз. Верно?

– Верно. – У Флютека даже веко не дрогнуло. – Садись, Рейневан, я с тобой еще не закончил.

– У меня нет денег коллектора, и я не знаю...

– Замолкни.

Какое-то время они молчали. Чертики в глазах Флютека успокоились, почти исчезли. Но Рейневан не дал себя обмануть. Флютек почесал нос.

– Если бы не Прокоп... – сказал он тихо. – Если б не то, что Прокоп запретил мне вас пальцем тронуть, тебя и твоего Шарлея, я бы уж выжал из тебя, что надо. У меня в конце концов говорят все, не было такого, кто молчал бы. Ты тоже, будь уверен, сказал бы, где находятся эти деньги.

У Рейневана уже был опыт, напугать себя он не дал. Пожал плечами.

– Да-а, – начал после очередной паузы Неплах, глядя на свисающую с потолка веревку. – И тот тоже бы заговорил, я б и из него вытянул признание. Такая жалость, что он успел повеситься. Знаешь, совсем недавно я действительно думал, что, возможно, он был в той грангии... Очень меня разочаровало, что ты его не признал...

---

²⁴ в итоге (*лат.*).

²⁵ Объяснение принятых в Средневековье мер и весов, монетарных единиц, пояснение наиболее трудных слов, перевод некоторых латинских сентенций, песен, гимнов, хоралов и хроник, библиографические данные источников, а также различные любопытные «штучки», свойственные эпохе, читатель найдет в конце книги. Хотя – предупреждаю заранее – не все. Ибо Автор, как известно, считает, что нет большего удовольствия, чем самостоятельно копаться в словарях, справочниках и энциклопедиях, и лишать Читателя этого удовольствия не годится. – *Примеч. авт.*

– Я снова тебя разочарую. Мне действительно жаль.

Черттики слегка подпрыгнули.

– Серьезно?

– Серьезно. Ты меня подозреваешь, приказываешь за мной следить, подкарауливаешь, провоцируешь. Пытаешься выяснить мои мотивы и постоянно забываешь о главном и единственном: чех, который занимался заговорами в грангии, предал моего брата, выдал его на смерть палачам вроцлавского епископа. Вдобавок еще похвалялся этим перед епископом. Так что если бы именно он висел на балке, я не пожалел бы денег на благодарственную мессу. Поверь, я тоже сожалею, что это не он. И никто из тех, которых в других случаях ты мне показывал и рекомендовал идентифицировать.

– Верно, – задумчиво согласился Флютек. Наверняка лживо. – Когда-то я ставил на Дзивиша Божка из Милетинка. Вторым был Гинек из Колштейна... Но это ни тот ни другой...

– Ты спрашиваешь или утверждаешь? Ведь я повторял тебе сто раз: никто из них.

– Да, этих-то двух ты рассмотрел как следует... Тогда. Когда я забрал тебя с собой...

– Под Усти? Помню.

Весь пологий склон был усеян трупами, но по-настоящему чудовищную картину они увидели над текущей по низу долины речкой Здижницей. Здесь, в красной от крови тине, громоздились горы тел, людских останков и лошадей. Было ясно, что тут произошло. Болотистые берега сдержали бегущих с поля боя саксонцев и майсенцев, задержали их на время, достаточно долгое, чтобы их сумела догнать вначале таборитская конница, а чуть погодя и бегущая за нею воющая орда пехоты. Конные чехи, поляки и моравцы не остались здесь надолго, порубили, кто попался, быстро организовали погоню за рыцарями, удирающими в сторону города Усти. Пешие же табориты, гуситы и сироты задержались у реки надолго. Вырезали и забили всех немцев. Систематически, соблюдая порядок, окружали их, сбивали в кучи, потом в дело шли цепи, моргенштерны, палицы, алебарды, гизармы, судлицы, окши, пики и вилы. Не пропускали никого. Возвращающиеся с побоища группы орущих, распевающих, с ног до головы окровавленных Божьих воинов не вели с собой ни одного пленного.

На другом берегу Здижницы, в районе устинского тракта, конники и пехота тоже не бездельничали. Из туч пыли прорывался лязг железа, гул, крики. По земле стелился черный дым, горели Пшедлицы и Грбовицы, захудалые деревушки на другом берегу речки. Там тоже, судя по звукам, продолжалась бойня.

Кони фыркали, выворачивали головы, прижимали уши, капризничали, топали. Докучала жара.

С грохотом, взбивая пыль, к ним подскакали конники, с ними Рогач из Дубе, Вышек Рачинский, Ян Блех из Тешницы, Пухала.

– Почти конец. – Рогач харкнул, сплюнул, отер губы тыльной стороной ладони. – Их было тысяч тринадцать. По предварительным подсчетам, мы прикончили тысячи три с половиной. Пока что. Там все еще идет работа. Кони у саксов измучены, не уйдут. Ну и мы еще добавим к счету. Добьем, думаю, что-нибудь тысячи четыре.

– Может, это не Грюнвальд, – ощерился Добко Пухала. Венявы на его щите почти не было видно из-под кровавой грязи. – Может, не Грюнвальд, но тоже недурно. Что, милостивый князь?

– Пан Прокоп, – Корибутович словно его не слышал, – не пора ли подумать о христианском милосердии?

Прокоп Голый не ответил. Направил коня вниз по склону, к Здижнице. Между трупами.

– Милосердие милосердием, – зло бросил едущий немного позади Якубек из Вжесовиц, гейтман Билины, – а деньги деньгами! Это ж чистый убыток. Ну гляньте, вот тот, без головы, на щите золотые скрещенные вилы. Значит, Калкройт. Выкуп самое меньшее сто коп дорево-

люционных грошей. А вон тот, с кишками наверху, виноградные ножи на косом зеленом поле, это Дитрихштайн. Знатный род, минимум триста...

У самой речки обдирающие трупы сиротки вытащили из-под кучи трупов живого юношу в латах и яке с гербом. Юноша упал на колени, сложил руки, умолял. Потом начал кричать. Получил топором. Замолчал.

– На черном поле брус серебряный, – без всяких эмоций заметил Якубек из Вжесовиц, знаток, как видно, геральдики и экономии. – Значит, Нессельроде. Из графьев. За мальчишку пятьсот было бы. Эх, транжирим мы здесь деньги, брат Прокоп.

Прокоп Голый повернул к нему свое крестьянское лицо.

– Бог судья, – хрипло сказал. – У тех, что здесь лежат, не было его печати на челе. Не было их имен в книге живых... К тому же, – добавил он после недолгого тяжелого молчания, – мы их сюда не приглашали.

– Неплах?

– Что?

– Ты все время приказываешь за мной следить, твои шпики постоянно ходят за мной по пятам. И долго это будет продолжаться?

– А что?

– Мне кажется, в этом нет необходимости...

– Рейневан, я тебя учу, как ставить пиявки?

Они помолчали. Флютек то и дело поглядывал на обрезанную веревку, свисающую с балки.

– Крысы, – задумчиво сказал он, – бегут с тонущего корабля. Не только в Силезии крысы готовят заговоры по грангиям и замкам, пытаются заполучить заграничных покровителей, лижут задницы епископам и герцогам. Потому что их корабль тонет, потому что страх-то – вот он, у самой жопы, потому что приходит конец тщетным надеждам. Потому что мы идем вверх, а они летят вниз, в клоаку. Корыбутович скопытился, под Усти погром и резня, ракушцы разбиты наголову и уничтожены под Цветтлем, на Лужицах пожары аж до самого Згожельца. Угерский Брод и Пресбург в ужасе, Оломунец и Тырнава трясутся за своими стенами. Прокоп торжествует...

– Пока что.

– Что «пока что»?

– Там, под Стжибором... В городе говорят...

– Я знаю, что говорят в городе.

– На нас надвигается крестовый поход.

– Нормально.

– Кажется, вся Европа...

– Не вся.

– Восемьдесят тысяч вооруженных людей...

– Ерунда. Самое большее – тридцать...

– Но говорят...

– Рейневан, – спокойно прервал Флютек, – подумай. Если б было действительно опасно, ты бы меня здесь видел?

Какое-то время помолчали.

– Впрочем, в любой момент, – проговорил шеф таборитской разведки, – все станет ясно. Услышишь.

– Что? Как? Откуда?

Неплах успокоил его жестом. Указал на окно. Показал, чтобы он прислушался.

Заговорили пражские колокола.

Начало Нове Място. Первой была Мария на Газоне, сразу за ней Слованы на Эмаузах, затем ударили колокола церкви Святого Вацлава на Здразе, к хору присоединился Стефан, за ним Войцех и Михаил, после них звонко и певуче – Дева Мария Снежная. Чуть погода наполнилось колокольным звоном Старе Място – первым заговорил Исаак, за ним Гавел, наконец, громко и торжественно, храм Тынский. Потом раззвонились колокольни Градчан – у Бенедикта, у Георгия, у Всех Святых. Наконец, самый благороднейший, самый глубокий, самый бронзовый, ударил и поплыл над городом голос колокола Кафедрального собора.

Злата Прага пела колоколами.

На Староместском рынке была чудовищная суматоха и толкотня. К ратуше валила масса народа, у ворот клубилась толпа. Колокола продолжали звонить. Стоял необычный хаос. Люди толкались, перекрикивали друг друга, жестикулировали, вокруг виднелись только потные, красные от натуги и возбуждения лица, разверстые рты. Лихорадочно горящие глаза.

– В чем дело? – Рейневан схватил за рукав какого-то воняющего мокрой кожей кожевенника. – Известия? Есть известия?

– Брат Прокоп разбил крестовников под Таховом! Наголову разбил, разгромил!

– Был крупный бой?

– Какой там бой? – крикнул рядом тип, выбежавший, видимо, прямо от цирюльника, лицо было наполовину намылено. – Какая там битва! Драпанули! Во всю прыть! В панике! Паписты бежали!

– Бросили все! – взвыл какой-то возбужденный подмастерье. – Оружие, пушки, добро, провизию! И драпанули! Драпанули от Тахова! Брат Прокоп победитель! Чаша – победительница!

– Что вы плетете? Сбежали? Без боя?

– Бежали, бежали! И когда бежали, наши их жутко посекали! Тахов окружен, паны из Ландфрида окружены в замке. Брат Прокоп крушит стены бомбардами, не сегодня завтра захватит город! Брат Якубек из Вжесовиц гонит и громит господина Генриха фон Плейена!

– Тихаааа! Тише все! Идет брат Ян!

– Брат Ян! Брат Ян! И советники!

Ворота ратуши распахнулись, на ступени вышла группа людей.

В голове шел Ян Рокицана, пробощ от Марии Перед Тыном, невысокий, с благородным, чтобы не сказать – воодушевленным лицом. И нестарый. Ведущему идеологу утраквистской революции было тридцать пять лет. На десять больше, чем Рейневану. Рядом со своим уже знаменитым учеником, тяжело дыша – одышка! – шел Якобеллус Стжыбский, университетский мэтр. Отставая на шаг, держался Питер Пайн, англичанин с лицом аскета. Дальше шли староградские советники – могучий Ян Велвар, Матей Смоляр, Вацлав Гедвика. И другие.

Рокицана остановился.

– Братья чехи! – крикнул он, воздевая обе руки. – Пражане! Бог с нами! И Бог над нами!

Рев толпы сначала возвысился, потом опал, утих. Колокола церковей один за другим умолкали. Рокицана не опускал рук.

– Повержены, – крикнул он еще громче, – еретики! Те, которые обесчестили Святой Крест, возложив его по наущению Рима на свои преступные латы. Постигла их кара Божья. Виктория в руках брата Прокопа!

Люди заревели в один голос, послышались крики «ура». Проповедник успокоил толпу.

– Хотя нашли на нас орды адовы, – продолжал он, – хотя протянули к нам окровавленные когти Вавилона, хоть вновь угрожала истинной религии ярость римского антихриста, Бог над нами! Господь Небес простер свою десницу, дабы уничтожить силу вражью! Тот самый Господь, коий утопил войска фараона в Чермном море, который принудил к бегству от Гедсона

неисчислимые полчища мадианитян! Господь, ангел коего за одну ночь побил сто восемьдесят пять тысяч ассирийцев. И тот же Господь Небес поразил страхом сердца врагов наших! Как войска святотатца Сеннахерима²⁶ убегали от Иерусалима, так пораженная ужасом папская банда разбежалась в панике из-под Стжибора и Тахова!

– Как только узрели, – тоненько вторил ему Якобеллус, – слуги дьявольские Чашу на знаменах брата Прокопа, как только услышали хорал Божьих воинов, разбежались в панике так, что и двух вместе не осталось! Были они как прах, разметаемый ветром²⁷.

– *Deus vicit!* – крикнул Питер Пайн. – *Veritas vicit!*²⁸

– *Te Deum laudamus!*²⁹

В тот вечер, четвертого августа 1427 года, Прага громко и шумно праздновала победу, пражане сумасшедшим спонтанным праздником отыгрывались за недели страха и неуверенности. Пели на улицах, плясали вокруг костров на площадях, пили в садах и дворах. Самые религиозные чтили Прокопову викторию во время молений, осуществляемых *impromptu*³⁰ во всех пражских церквях. У менее религиозных был на выбор широкий круг других мероприятий. Всюду – в Старом и Новом Мясте, все еще в основном остающейся пепелищем Малой Стране, на Градчанах, – почти всюду корчмари отмечали победу над круצятой тем, что всем желающим давали выпивку даром, за счет заведения, и предлагали еду. По всей Праге вылетели из бочек и бочонков пробки и затычки, запахло мясом решетки, шампуров и котлы. Как обычно, ловкие кабатчики воспользовались оказией, чтобы, прикрывшись щедростью, освободиться от продуктов, готовых вот-вот прокиснуть либо испортиться, а также тех, которым это уже не грозило. Но кто станет обращать внимание! Крестовники разбиты! Опасность миновала. Ликуй, народ!

По всей Праге веселились и пили. Возглашали тосты в честь мужественного Прокопа Голого и Божьих воинов и на погибель сбежавшим из-под Тахова крестоносцам. В особенности главы похода Оттона фон Цигенхайма, архиепископа Тревира, желали, чтобы по дороге домой он сдох или по крайней мере заболел. Распевали заранее сложенные куплеты о том, как при виде Прокоповых знамен папский легат Генрих де Бофор от страха наклал в портки.

Рейневан присоединился к веселью. Вначале на Староместском рынке, потом вместе со случайной – и довольно многочисленной – компанией перебрался на Перштын. В корчму «Под медвежонком» неподалеку от церковки Святого Мартина-в-Стене. Потом развеселившееся братство переправилось на Нове Място. Прихватив по пути несколько пьяниц с кладбища у Девы Марии Снежной, выпивохи двинулись на Конский Тарг. Здесь поочередно посетили два заведения – «Под белой кобылой» и «У Мейзлика».

Рейневан верно сопровождал компанию. Сам, что тут говорить, жаждал утехи празднования, откровенно радовался таховским победам и меньше опасался за Шарлея. Маршрут его устраивал, ведь жил он на Новом Мясте. А на Суконническую, в аптеку «Под архангелом», где надеялся встретить Самсона Медка, пойти не мог. Это намерение он решительно отверг. Боялся раскрыть тайную квартиру и деконспирировать чешских алхимиков и магов. А то и подвергнуть их кое-чему еще более страшному. А такой риск существовал. В веселящейся толпе «Под кобылой» несколько раз мелькнула серая фигурка, серый капюшон и серое лицо шпика. Флютек, это было ясно, никогда не отказывался от задуманного.

²⁶ 4-я книга Царств, 18; 13:19; Исаия, 36; 1:37.

²⁷ Псалом 1:4; 1-я книга Царств, 11:11.

²⁸ Бог победил! Истина победила!

²⁹ Тебя, Господи, славим! (лат.)

³⁰ Здесь: наскоро (лат.).

Поэтому Рейневан веселился, но скромно, не перебирал с выпивкой, хотя принятые на Суконнической магические декокты делали его почти невосприимчивым ко всяческим токсинам, в том числе и к алкоголю. Однако в конце концов решил покинуть компанию. Веселье «У Мейзлика» уже доходило (а частично даже дошло) до того этапа, который Шарлей называл: «Вино, песни». Женщины были неслучайно исключены из перечня.

Рейневан вышел на улицу, вздохнул. Прага утихала. Отголоски буйных забав понемногу уступали место хорам надвлтавских лягушек и сверчков в монастырских садах.

Он направился в сторону Конских ворот. Из домов и подвальных, мимо которых он проходил, сочились кислые ароматы, слышался звон посуды, девичьи попискивания, уже немного туповатые выкрики и все менее стройное пение.

*Ja řezník, ty řezník, oba řezníci
Pudem za Prahu pro jalovici
Jak budu kupovat, ty budeš smlouvat
Budem si panenky hezky namlouvat!*

Повеял ветерок, неся запахи цветов, листьев, тины, дыма и бог весть чего еще.

И крови.

Прага продолжала смердить кровью. Рейневан постоянно чувствовал этот преследующий, не покидавший его смрад. И вызванное этим смрадом беспокойство. Прохожие встречались все реже. Неплаховых шпииков поблизости видно не было. Но беспокойство не проходило.

Он свернул на Старую Пасижскую, потом с Пасижской на улицу, носившую название «В Яме». Мысли его уносились к Николетте, к Катажине Биберштайн. Он думал о ней неотрывно, и результаты не замедлили сказаться. Воспоминания вставали перед глазами такими живыми и реальными, с такими деталями, что в конце концов это стало просто невыносимо. Рейневан невольно остановился и осмотрелся. Невольно, потому что ведь знал: все равно идти некуда. Уже в августе 1419 года, всего через двадцать дней после дефенестрации, в Праге прикрыли все до единого бордели, а всех до единой веселых девиц изгнали за пределы городских стен. Во всем, что касалось строгости нравов, гуситы были чрезвычайно суровы.

Реалистические и очень детальные воспоминания о Катажине вызвали и другие ассоциации. Хозяйкой жилья в доме на углу улиц Святого Стефана и На Рыбничке, которое Рейневан делил с Самсоном Медком, была пани Блажена Поспихалова, вдова, изобилующая прелестями женщина с милыми голубыми глазами. Глаза эти несколько раз останавливались на Рейневане столь выразительно, что он начал подозревал ее милость Блажену в желании свершить, а может, и свершать далее то, что Шарлей привык весьма пространно именовать «связью, зиждящейся исключительно на страсти к слиянию, не санкционированному Церковью». Остальная часть мира называла это гораздо короче и значительно сочнее. А к столь сочно определяемым вещам гуситы, как уже сказано, относились чрезвычайно сурово. Обычно, правда, это делали скорее напоказ, но ведь никогда не известно заранее, из чего и из кого исполнители пожелают сделать объект демонстрации. Поэтому, хоть Рейневан и понимал взгляды ее милости Блажены, тем не менее делал вид, будто не понимает. Частично из нежелания навлечь на свою голову неприятности, частично – и это даже скорее – из желания сохранить верность своей возлюбленной Николетте.

Из задумчивости его вывело яростное мяуканье, из темного проулка справа выскочил и помчался по улице рыжий котик. Рейневан немедленно ускорил шаг. Кота вполне могли спугнуть шпики Флютека. Но это могли быть и обычные грабители, поджидающие одинокого прохожего. Смеркалось, пустело, а когда становилось темно, новоямские улочки переставали быть безопасными. Особенно теперь, когда большую часть городской стражи призвали в армию Прокопа, не следовало в одиночку болтаться по Новому Мясту.

По сему случаю Рейневан решил покончить с одиночеством. В нескольких шагах перед ним шли двое пражан. Чтобы их догнать, надо было как следует поднапрячься, они шли быстро, а услышав звуки его шагов, заметно заторопились. И резко свернули в переулок. Он вошел вслед за ними.

– Эй, братцы, не пугайтесь! Я только хотел...

Они обернулись. У одного рядом с носом был набухший гноем нарыв. А в руке нож, обычный мясницкий нож. Другой – пониже, крепенький – был вооружен тесаком с изогнутой ручкой. И это были не шпики Флютека.

Третий, тот, который шел следом, спугнувший кота, седоватый, шпиком не был тоже. Он держал дагу³¹, тонкую и острую, как игла.

Рейневан попятился, прижался спиной к стене. Протянул грабителям свою медицинскую сумку.

– Господа... – пробормотал он, звеня зубами. – Братцы... Берите... Больше у меня ничего нет... Сми... Сми... Смидитесь... Не убивайте...

Морды грабителей, до того жесткие и напряженные, расслабились, расплылись в презрительных гримасах. В глазах, до того холодных и настороженных, появилась пренебрежительная жестокость. Они подошли, поднимая оружие, к легкой и достойной презрения жертве.

А Рейневан перешел ко второй фазе. После психологической прелюдии *a la* Шарлей пришло время использовать другие методы. Которым он научился у других учителей.

Первый тип совершенно не ожидал ни нападения, ни того, что получит медицинской сумкой прямо в прыщеватый нос. Второй получил удар ногой по голени. Третий, тот, крепенький, удивился, когда его тесак рассек воздух, а сам он рухнул на кучу мусора, споткнувшись о ловко подставленную ногу. Видя, что остальные двое прыгают к нему, Рейневан бросил сумку, мгновенно выхватил из-за пояса стилет, нырнул под руку с ножом, применил рычаг из запястья и локтя, точно так, как учила «*Das Fechtbuch*» авторства Ганса Тальхоффера. Толкнул одного противника на другого, отскочил, напал с фланга финтом, рекомендуемым в подобных случаях «*Flos duellatorum*»³² пера Фьоре да Чивидале, том, посвященный драке на ножах, глава первая. Когда грабитель механически высоко парировал, Рейневан коротко хватанул его по бедру – в соответствии с главой второй того же справочника. Грабитель взвыл, упал на колени. Рейневан отпрыгнул, одновременно ударив ногой того, который поднимался с кучи мусора, снова отскочил от удара, прикинулся, будто спотыкается, теряет равновесие. Седоволосый грабитель с дагой явно не читал классиков и не слышал о финтах, потому что ринулся в резкое и бестолковое нападение, целясь в Рейневана как цапля клювом. Рейневан спокойно подбил ему предплечье, подвернул руку, схватил как учила «*Das Fechtbuch*» за плечо, блокировал, припер к стене. Стремясь высвободиться, разбойник нанес левым кулаком резкий удар – угодив прямо мехонько на острие стилета, подставленного в соответствии с указаниями «*Flos duellatorum*». Узкое лезвие вошло глубоко, Рейневан слышал хруст рассекаемых костей кисти. Грабитель тонко завизжал, рухнул на колени, прижимая к животу раненую руку.

Третий нападающий, тот, крепкий, быстро шел на него, криво размахивая тесаком, наискось, лево-право, очень опасно. Рейневан пятился, парируя и отскакивая, выжидая какой-нибудь рекомендуемой справочниками позиции либо положения. Но ни *Meister* Тальхоффер, ни *messer* Чивидале в тот день ему уже негодились. Из-за спины грабителя с тесаком неожиданно выдвинулось нечто серое, в сером капюшоне, серой куртке и серых штанах. Свистнула выточенная из светлого дерева палка, глухим ударом извещающая об энергичном контакте с затылком. Серый был очень быстр. Прежде чем грабитель упал, он успел садануть его еще раз.

В переулок вошли Флютек и несколько его агентов.

³¹ Средневековый стилет с трехгранным острием.

³² «Советы дуэлянтам» (лат.).

– Ну и что? – спросил он. – Ты все еще считаешь, что нет поводов за тобой следить?

Рейневан глубоко дышал, открытым ртом ловил воздух. В глазах потемнело так, что пришлось прислониться к стене.

Флютек подошел, пригляделся, наклонившись к постанывающему разбойнику с перебитой рукой. Быстрыми движениями симитировал примененный Рейневаном немецкий блок и итальянский контролчок.

– Ну-ну, – одобрительно и одновременно недоверчиво покрутил он головой. – Ловко сделано, ловко. Кто бы подумал, что ты натренируешься аж до такой степени. Я знал, что ты ходишь к фехтовальщицкому мастеру. Но у него две дочки. Поэтому я полагал, что ты тренируешься с одной из них. А может, и с обеими.

Он дал знак связать стонущего и окровавленного, поискал глазами того, который получил в бедро, но тот, оказывается, успел под шумок сбежать. Приказал поднять получившего удар палкой. Тот все еще был ошеломлен, пускал слюну и никак не мог сфокусировать взгляд. Глаза у него разбегались и все время норовили уплыть куда-то в глубь черепа.

– Кто вас нанял?

Грабитель закосел и хотел сплюнуть. Не получилось. Флютек кивнул, грабитель получил палкой по почкам. Когда он со свистом втягивал воздух, получил снова. Флютек небрежно махнул рукой, дал знать, чтобы его забрали.

– Скажешь, – пообещал он на прощание. – Все скажешь. У меня не было такого, который бы молчал. Спрашивать, – Флютек повернулся ко все еще опирающемуся о стену Рейневану, – догадываешься ли ты, значило бы оскорблять твой интеллект. Поэтому спрошу так: ты догадался, чья это работа?

Рейневан кивнул. Флютек тоже кивнул. Одобрительно.

– Убийцы скажут. У меня не было такого, кто молчит. У меня в конце концов говорил даже Мартинек Локвис, а твердый и упрямый был коротышка, идейный, истинный мученик за свое дело. Паршивцы, нанятые за несколько довоенных грошей, расскажут все, как только увидят инструменты. Но я все равно прикажу их припекать. Из чистой симпатии к тебе, их несостоявшейся жертве. Благодарить не надо.

Рейневан не поблагодарил.

– Из чистой симпатии, – продолжил Флютек, – я сделаю для тебя еще кое-что. Позволю лично, своей собственной рукой отомстить за брата. Да, да, ты верно слышишь. Не благодари.

Рейневан не поблагодарил и на этот раз. Впрочем, слова Флютека еще не вполне до него доходили.

– Через некоторое время к тебе обратится мой человек. Скажет, чтобы ты отправился на рынок, к дому «Под золотой лошадкой», тому, в котором мы сегодня с тобой беседовали. Приди туда незамедлительно. И возьми с собой арбалет. Запомнил? Хорошо. Пока.

– Пока, Неплах.

Дальше все прошло без каких-либо приключений. Уже совсем стемнело, когда Рейневан добрался до угла Щепана и На Рыбничке, к дому с комнаткой в мансарде, которую они вместе с Самсоном Медком снимали у пани Блажены Поспихаловой. Насчитывающей каких-нибудь тридцать лет вдове Поспихала, *requiescat in pace*³³. И Бог с ним, кем бы он ни был, что делал, как жил и за что умер.

Осторожно открыв калитку в садик, он вошел в сени, где стояла тьма хоть глаз коли. Постарался, чтобы дверь не скрипела, а ступени старой лестницы не потрескивали. Он старался так делать всегда, возвращаясь в темноте. Не хотел будить пани Блажену. Немного опасался последствий, к которым могла привести встреча с пани Блаженной, случись таковая во мраке.

---

³³ да почиет в мире (лат.).

Ступенька вопреки его стараниям затрещала жутко. Раскрылась дверь, повеяло лавандовой водой, розой, вином, воском, повидлом, старым деревом, свежевystиранной постелью. Рейневан почувствовал, как шею ему оплетают пухлые руки, а полные груди притискивают к перилам лестницы.

– Мы сегодня празднуем, – шепнула ему прямо в ухо пани Блажена Поспихалова. – Сегодня праздник, мальчик.

– Пани Блажена... Разве... Надо...

– Тише. Пошли.

– Но...

– Тише.

– Я люблю другую!

Вдова втянула его в эркер, толкнула на ложе. Он погрузился в пахнущие крахмалом пучины перины, утонул, лишенный сил пухлой мягкостью.

– Я... люблю... другую...

– Ну и люби себе на здоровье.

Глава вторая,

в которой Флютек сдерживает слово, Гинек из Кольштейна дарит Праге святой покой, а история ранит и калечит, принуждая медиков тяжело трудиться.

Флютек сдержал слово, совершенно поразив этим Рейневана.

Прошел месяц после того разговора – со дня праздника по случаю победы под Таховом. После нападения. И после инцидента с пани Блаженной Поспихаловой, случившегося в ночь с четвертого на пятое августа. Инцидент с пани Блаженной, что уж тут скрывать, повторился потом еще несколько раз и в принципе доставил Рейневану больше приятного, нежели неприятного. К первому относились – в частности – вкусные и обильные обеды, которыми после пятого августа пани Блажена потчевала своих постояльцев. Рейневан и Самсон, до того питавшиеся нерегулярно и скудно, после четвертого августа стали ходить по своим делам сытыми и вполне довольными жизнью, мило улыбались ближним и весело посвистывали, припоминая вкус булочек, сыра, зеленого лука, печеночки, огурчиков и яичницы с тертым сельдереем. Яичницу с сельдереем пани Блажена подавала особенно часто. Яйца, говаривала она, одаряя Рейневана голубыми как альпийские эдельвейсы взглядами, повышают силу. А сельдерей, добавляла она, усиливает желание.

Спустя месяц после тех событий, уже в сентябре, шестого, в субботу перед Рождеством Девы Марии, когда Рейневан и Самсон уплетали яичницу с сельдереем, в дом тихо, как серая тень, явился знакомый Рейневану серый типчик в серых штанах.

– Его милость ожидают, – проговорил он тихо. – В «Золотой лошадке». Сейчас же, господин.

Пражские улицы были исключительно малолюдны, даже пустынно. Чувствовалось напряжение, пульс города был нервным, беспокойным и прерывистым. Крыши блестели от дождя, прошедшего перед рассветом.

Они молчали. Самсон Медок заговорил первым.

– Почти точно два года назад, – сказал он, – мы были в Зембицах. Восьмого сентября 1425 года ты прибыл в Зембицы. С благородным намерением спасти возлюбленную. Помнишь?

Вместо того чтобы ответить или прокомментировать, Рейневан пошел быстрее.

– За эти два года ты подвергся существенным метаморфозам, – не сдавался Самсон. – Сменил – дело немалое – религию и мировоззрение. Защищая то и другое, ты порой ходил в бой с оружием в руках, порой позволял политикам, шпионам и мерзавцам использовать себя. И руководила тобою уже не возвышенная идея спасения любимой, а нечто совсем иное: слепая месть. Мсть, которая, если даже каким-то чудом она настигнет действительно виновных людей, все равно не вернет жизнь твоему брату.

Рейневан остановился.

– Мы это уже обсуждали, – твердо ответил он. – Мои мотивы тебе известны. И ты обещал помочь. Поэтому я не понимаю...

– Почему я к этому возвращаюсь? Потому что к такому всегда стоит возвращаться. Всегда стоит повторять. А вдруг да подействует, а вдруг у человека откроются глаза и разум возторжествует. Но ты прав. Я обещал помочь. И помогу. Пошли.

У ворот Святого Гавла – удивительное дело – не было стражи. Ни одного вооруженного. Это выглядело весьма странно, поскольку и ворота, и мостик над рвом были главной связью между Новым и Старым Городом, а отношения между районами бывали порой настолько напряженными, что это оправдывало содержание при воротах вооруженных отрядов. Сегодня не было никого, проход под аркой ворот был совершенно пуст. Как бы приглашал войти. Неискренне. Как ловушка.

Пустовато было и на улочках за Святым Гавлом, обычно заполненных лавчонками и прилавками, удивительная тишина стояла на Рыбном рынке. А Староместский рынок будто вымер. Две собаки, одна кошка и штук тридцать голубей в согласии и гармонии пили воду из лужи около позорного столба, не обращая внимания на немногочисленных прохожих, крадущихся вдоль стен домов.

Блестели омытые дождем шары на башенках Тынского храма. Словно золотой трезубец горела башня ратуши, как всегда скрежетал, звенел и что-то указывал ратушевый горологиум – башенные часы. Как обычно, не очень-то было ясно, что указывал, зачем указывал и сколь точно указывал. Судя по положению солнца, только что миновала терция.

Флютек ожидал в доме «Под золотой лошадкой», в той же комнате, что и раньше. Однако на сей раз обошлось без висельника.

Стоя у окна, таборитский главный шпион выслушивал донесения людей, выглядевших агентами, а также людей, агентами не выглядевших. Увидел Рейневана. Поморщился при виде Самсона.

– Пришел?

– Пришел.

– Арбалета не взял, – кисло заметил Неплах. – Возможно, оно и лучше. Еще стрельнул бы во что-нибудь. А что, твой дурачок обязательно должен присутствовать?

– Не должен. Спустись вниз, Самсон. И жди.

– Встань туда, – приказал Флютек, когда Самсон вышел. – Там, у окна. Стой, молчи, наблюдай.

Он стоял, молчал, наблюдал. На рынке по-прежнему было пусто. У лужи при позорном столбе чесалась собака, кошка вылизывала хвост. Голуби топтались по краю воды. Откуда-то со стороны Унгельта и церкви Святого Иакова донеслись звуки рога. Чуть погодя такой же звук долетел с востока, от разрушенного Святого Клементия, бывшего монастыря бывших доминиканцев.

В комнату влетел задыхающийся агент. Флютек выслушал донесение.

– Подъезжают, – сообщил он, подходя к соседнему окну. – Около пятисот коней. Слышишь, Рейнмар? Пятьюстами конями они хотят захватить Прагу, шуты. Пятьюстами хотят захватить власть, самонадеянные спесивцы.

– Кто? Ты наконец скажешь, в чем дело?

– Крысы бегут с тонущего корабля. Подойди к окну. Присмотрись. Смотри внимательно. Ты знаешь, кого должен высмотреть.

От позорного столба вдруг сбежали собаки, за ними помчалась кошка. Голуби сорвались трепещущей крыльями тучей, спугнутые усиливающимся цокотом подков. Конный отряд приближался с юга, со стороны рва, со стороны пустых ворот Святого Гавла. Вскоре конники – среди них многочисленные тяжеловооруженные – начали с бряцанием и шумом вливаться на рынок.

– Колинская дружина Давиша Божка, – распознал цвета и знаки Флютек. – Вооруженные люди Путы из Частоловиц, панюши Яна Местецкого из Опочна, латники Яна Михальца из Михаловиц. Конники Оттона де Бергова, господина Тросок... А во главе?

Во главе рати ехал рыцарь в полных латах, но без шлема. На белой яке герб: золотой, стоящий на задних лапах лев на голубом поле. Рейневан видел уже и рыцаря, и герб. В битве под Усти.

– Гинек из Колыштейна, – проговорил сквозь сжатые зубы Флютек. – Из Щепанинской линии Вальдштейнов, из рода великих Марквартичей. Герой из-под Вышеграда, сейчас владетель Камыка, литомерицкий гейтман. Далекий прошел путь, от величия до предательства. Посмотри на его спутников, Рейневан. Смотри внимательнее. Что-то подсказывает мне, что кого-то ты узнаешь.

Староместский рынок гудел от подков, лязг и бряцание отражались эхом от стен, вздымались над крышами. Гинек из Колыштейна, рыцарь со львом, поднял на дыбы своего коня перед самым порталом староместской ратуши.

– Святой мир! – рявкнул он. – Пришло время святого мира! Довольно крови, насилия и преступлений! Освободить арестованных! Освободить Зигмунта Корубуту, истинного господина нашего и короля!

– Достаточно правления кровавых клик! Конец насилию, предательствам и войне! Я принес вам мир!

– Святой мир! – конники хором подхватывали его слова. – Святой мир! *Pax sancta!*

– Народ города Праги! – орал Гинек. – Столица королевства Чешского и все верные этому королевству! К нам!

– Пан бургомистр Святого Места! Господа советники! Господа присяжные! К нам! Присоединяйтесь!

Двери ратуши не приоткрылись ни на дюйм.

– Прага! – крикнул Гинек. – Свободная Прага!

И Прага ответила.

С грохотом раскрывались ставни, из-за них выглянули стрелы и луки арбалетов, стволы гаковниц, трубы пищалей. Разом, словно по команде, Староместский рынок утонул в оглушительном грохоте выстрелов, в дыме и вони пороха. На теснящихся на площади вооруженных людей обрушился град пуль и болтов. Взорвался и вознесся крик, рев, вой раненых людей, ржание и истошный визг покалеченных лошадей. Конники закружились в беспорядке, сталкивались, переворачивались, топтали тех, которые свалились с седел. Часть с места послала коней в галоп, но с рынка невозможно было убежать. Улицы неожиданно забаррикадировали бревнами, перегородили натянутыми поперек цепями. Из-за заслонов сыпанули болты. А со всех сторон, с Железной, с Михальской, с Длинной Тжиды, с Телячьей, от Тына на рынок бежали вооруженные люди.

Конники, заслоняясь щитами, сбились в кучу у ратуши. Охрипший от крика Гинек из Колыштейна пытался навести порядок. А из домов все стреляли. Пули и болты летели из окон окружающих Староместский рынок каменных домов – из «Единорога», из «Красных дверей», из «Барашка», из «Каменного колокола», из «Лебедя». Стреляли из окон и оконеч, с крытых балконов, с крыш, из сеней и ворот. Рыцари и панюши один за другим слетали с седел на землю, валились дергающиеся в агонии кони.

– Хорошо, – повторял сквозь зубы Флютек. – Хорошо, пражане! Так держать! Ох не уйдешь ты отсюда живым, пан Колыштейнский из Вальдштейнов. Не унесешь головы.

Гинек из Колыштейна словно услышал, потому что его рать неожиданно разделась на две части. Одна, примерно в сто коней, под командой рыцаря с серебряно-черным щитом, помчалась галопом в сторону церкви Святого Николая. Другая во главе с самим Гинексом удалилась на толпу, напирющую от Длинной Тжиды.

Первый отряд исчез из поля зрения Рейневана, и он мог только по шуму и лязгу судить о том, что конники пытаются пробиться сквозь баррикады, прорубить себе дорогу на мост и Малу Страну. Зато он видел, как группа Гинека налетела на вооруженных горожан, как уложила на землю первую линию, как рассеяла вторую. И как увязла на третьей, напоравшись на заслон из гизарм, дзид и вил. Пражане стояли твердо, не дали себя испугать. Их было много. Они были сильны. Они верили в себя.

Потому что все время прибывали новые.

– Смерть предателям! – орали они, атакуя. – Во Влтаву их!

– Бить, бить, никого не оставлять в живых!

Ржали, вставая на дыбы, раненные верховые кони, валились на уже скользкую от крови землю всадники. А из окон продолжали лететь болты, болты, болты.

– Бей предателей! Во Влтаву их!

Конники отступили, вернулись на площадь, рассеялись, помчались небольшими группами, чтобы собственными силами пробиваться сквозь баррикады и цепи у Святого Николая и в Михальской. Но Гинека с ними не было. Под героем Вышеграда и Усти пал конь, получивший косой по передним ногам. Рыцарь успел вовремя спрыгнуть, не выпустил меча, напавших на него изрубил. Привалившись спиной к стене дома «Под слоном», скликал к себе нескольких тоже спешившихся, однако, видя, что они падают, скошенные болтами, прыгнул под арку, выбил плечом дверь. Пражане кучей ввалились следом за ним внутрь дома. У Гинека не было шансов. Прошло немного времени, и окровавленное тело в яке, украшенной львом Марквартичей, вылетело из окна первого этажа и свалилось на пражскую брусчатку.

– Дефенестрация! – расхохотался демонически скривившийся Флютек. – Вторая дефенестрация! Это мне, черт побери, нравится! Возмездие и символика!

Выкинутый из окна Гинека еще подавал признаки жизни. Пражане обступили его. Какое-то время колебались. Наконец кто-то переборол неуверенность и ткнул рыцаря пикой. Другой рубанул топором. А потом принялись тыкать и рубить все.

– Да! – засмеялся Неплах. – Символика! Ну как, Рейневан? Что скажешь...

Он осекся. Рейневана в комнате не было.

Надо было признать, что рыцарь со щитом, косо поделенным на серебряное и черное поля, спасал свою жизнь рассудительно и логично. Во-первых, приметный щит он отбросил еще на рынке. Когда же оттиснутые от баррикад у Овощного Тарга конники выбрались за церквушку Святого Лингарта, где снова наткнулись на пражан и ввязались в яростный бой, черно-серебряный рыцарь, не раздумывая, развернул коня и умчался в улочки, в галопе сбрасывая с плеч плащ с богатым шитьем. Выехал, распугивая уток и нищих, на небольшую площадь с названием «У лужи». Слыша крики мчащейся с рынка погони, он выругался, соскочил с седла, шлепнул коня по крупу, сам погрузился в тесный и темный проход, ведущий к улице Платнерской. Пражане с криками помчались вслед за стуком копыт коня, бегущего в сторону доминиканского монастыря и Влтавы. Реки, в глубинах которой, как следовало из уже нудно повторяющихся выкриков толпы, вот-вот найдут конец бунтари и предатели.

Отголоски утихали, удалялись. Рыцарь вздохнул, усмехнулся в усы. Он уже был почти уверен, что ему повезет.

И как знать, возможно бы, и повезло, если б не то, что Рейневан прекрасно знал район. Улица Платнерская и отходящие от нее переулки приютили в предреволюционные времена несколько уютных и недорогих борделиков, так что места эти прекрасно знал каждый студент и каждый бакалавр Карлова университета. К тому же Рейневан и Самсон Медок пользовались магией. Телепатическими амулетами. Очень простыми, но вполне достаточными для примитивной телекоммуникации. Для отслеживания и погони.

Серебряно-черный рыцарь немного переждал, использовал время на то, чтобы прикрыть латы лоскутом найденной ткани. Он прижался к стене, слыша цокот подков, но это просто бежал конь без седока, буланый с окровавленным боком. За конем бежала, покачиваясь и мыча, пестрая корова – откуда она здесь взялась, одному Богу известно.

Когда утихло, рыцарь быстро двинулся в сторону Платнерской. Вышел на улицу, немного постоял, осмотрелся, прислушиваясь к угасающим отголоскам боя и резни. Потом вошел в первый попавшийся навес и во двор, здесь принялся снимать латы, которые могли его выдать. Стянул сохнущую на веревке рубаху, сильно изношенную и просторную, явно шитую для беременной либо просто от рождения толстой бабы. Когда натягивал рубаху через голову, несколько мгновений ничего не видел.

Рейневан с Самсоном воспользовались этим.

Рейневан с размаху саданул рыцаря поднятой с земли доской. Самсон схватил саданутого за плечи, тряхнул, поднял, крепко толкнул на стену. О диво, вместо того, чтобы бессильно сползти по этой стене, рыцарь оттолкнулся от нее, выхватил из ножен корд и напал. Самсон отскочил. Рейневан замахнулся доской, рыцарь ловко отбил ее, ткнул острием так быстро и профессионально, что, если бы не уроки фехтования, Рейневан распрощался бы с печенью и жизнью. Рыцарь умело повернул корд в руке и быстро резанул, если бы не выученный раньше нырок, лезвие распорол бы Рейневану кадык аж по шейные позвонки. Опасное положение свел на нет Самсон, ударом палки выбивший у рыцаря оружие, а его самого поваливший на землю ударом кулака. Удар был сильный, но рыцарь и на сей раз не пожелал остаться лежать там, куда упал. Он вскочил, обеими руками схватил пустую бочку, поднял, крикнул и, покраснев от натуги, бросил словно снаряд в Самсона Медка. Но и здесь нашла коса на камень. Самсон поймал бочку в полете и откинул словно мячик. Рыцарь рухнул, сбитый с ног, на кучу соломы.

Подняться он уже не сумел. Рейневан и Самсон навалились на него, придавили и схватили за руки. Обмотали голову женской рубахой. Спутали ноги в щиколотках длинной вожжой. И втащили в ближайший дом, волоча за вожжу. Цацкаться с ним они не стали. Не обращали внимание на то, что голова рыцаря ритмично колотится о каменные ступени, а сам он стонет и ругается.

Свалившись на кочаны капусты, рыцарь сел, постанывая и лаясь. Когда Рейневан сорвал у него с головы тряпку, он заморгал. У подвала было оконце, поэтому кое-что увидеть удалось. Рыцарь долго всматривался в Рейневана. Не так долго в Самсона. И сразу понял, что из этих двух только один может быть партнером для переговоров. Он взглянул Рейневану прямо в глаза, откашлялся.

– Разумно. – Он сумел-таки улыбнуться. – Ловко, брат. Зачем делиться с другими, если можно все взять себе одному? Времена теперь тяжелые и неустойчивые, чтобы пренебрегать деньгой. А деньги тебе в мощну попадут, обещаю.

Рейневан украдкой облегченно вздохнул. Стопроцентной уверенности у него до сих пор не было, и он уже на всякий случай озлоблялся, чуя последствия возможной ошибки. Но когда рыцарь заговорил, об ошибке уже не было речи. Этот голос он слышал два года назад, тринадцатого сентября, в Силезии, в цистерцианской грангии. В Дембовце.

– Ты заслужил... – Серебряно-черный рыцарь облизнул губы, глянул на Рейневана. – Ты заслужил награду. Хотя бы уже за прыткость. Прытко ты меня схватил, что уж говорить. Голова у тебя, что уж говорить, есть на плечах...

Он осекся. Сообразил, что говорит впустую, а его слова не производят на слушателя ни малейшего впечатления. Он немедленно сменил тактику. Состроил гордую мину и сменил тон. На господский и повелительный.

– Я Ян Смижицкий из Смижиц. Ты понимаешь, парень? Ян Смижицкий! Выкуп за меня...

– Там, на рынке, – прервал Рейневан, – труп твоего дружка Гинека уже висит на позорном столбе, ободранный донага. Рядом есть еще свободное место.

Рыцарь не опустил глаз. Рейневан понял, с кем имеет дело, но придерживался принятой стратегии. По-прежнему пытался напугать и утратить.

– Из остальных твоих дружков уцелели только те, которых защитил Рокицана, заслонив собственной грудью от пик толпы. Этих затащили в тюрьму ратуши. Предварительно прогнав заранее придуманной «тропой добродетели» через шпалеру людей с палками и топорами. Не все прошли этот путь живыми. Погоня за остальными продолжается, а толпа все еще ожидает у ратуши. Ты соображаешь, к чему я все это говорю? К тому, что мне жутко хочется оттащить тебя туда, на рынок, выдать пражанам и посмотреть, как ты будешь бежать под палками. И знаешь, откуда у меня такое желание? Может, догадываешься?

Рыцарь прищурился. Потом широко раскрыл глаза.

– Это ты... Теперь узнаю.

– Ты предал моего брата, Ян Смижицкий из Смижиц, послал его на смерть. За это ты заплатишь. Собственно, сейчас я думаю, каким образом. Могу, так сказать, передать тебя в руки пражан. Могу здесь, на месте, собственноручно всадить тебе нож под ребра.

– Нож? – К рыцарю быстро вернулась самонадеянность, он презрительно выпятил губы. – Ты? Под ребро? Ха, ну давай, младший хозяин из Белявы.

– Не провоцируй меня.

– Провоцировать? – Ян Смижицкий фыркнул и сплюнул. – Я не провоцирую. Я издеваюсь! Я разбираюсь в людях, умею через глаза в душу заглянуть. К тебе заглянул и вот что скажу: ты даже курицу не убьешь.

– Я могу, сказал, затащить тебя к ратуше. Там ожидает целая толпа менее сентиментальных людей.

– А еще можешь поцеловать меня в задницу. Именно это я тебе предлагаю. И искренне рекомендую.

– А могу и отпустить.

Смижицкий повернул голову. Не настолько быстро, чтобы Рейневан не уловил вспышку в его глазах.

– Значит, все-таки, – спросил он немного погодя, – выкуп?

– Можно и так сказать. Ответишь мне на несколько вопросов.

Рыцарь взглянул на него. Долго молчал.

– Ты сопляк, – сказал наконец, кривя губы и затягивая слова. – Ты силезская немчура. Ты знахарь. Ты думаешь, с кем имеешь дело? Я Ян Смижицкий из Смижиц, чешский дворянин, пан, посвященный в рыцари, гейтман мелиницкий и рудницкий, мои предки дрались под Леньяно и Миланом, под Аскалоном и Арсуфом. Мой дед покрыл себя славой под Мюльдорфом и Креси. Отвечать на вопросы? Тебе? Да пошел ты, молокосос!

– Ты, благородный пан Смижицкий, словно простой разбойник, готовил предательство против собственных земляков. Тех, которые сделали тебя гейтманом, посадили на Мелинки и Рудницы. В благодарность за это ты вступил против них в заговор с Конрадом из Слесьницы, епископом Вроцлава. Два года назад, в Силезии, в цистерцианской грангии. Прошло целых два года, но ты наверняка помнишь. Потому что я-то ведь помню. Каждое произнесенное там слово.

Смижицкий впился в него глазами. Долго молчал, несколько раз сглотнул слюну. Когда заговорил, в его голосе, кроме изумления, прозвучало искренне восхищение.

– Так это ты... Ты был там. Ты подслушал... Чтoб тебя черти!.. Надо признать, ты широко и запросто вращаешься в мире. Восхищаюсь и сочувствую одновременно. Такие умирают молодыми и обычно скверной смертью.

Самсон Медок при помощи магического амулета послал какой-то ментальный сигнал. Но хотя во время погони связь у них получалась сносно, сейчас, на расстоянии двух шагов, сигнал был почти неразборчивым. То есть неразборчивым было содержание, зато явно интенсивным. Рейневан воспринял это как пожелание действовать решительно.

– Ответишь на мои вопросы, пан Смижицкий.

– Нет, не отвечу. Тебе сдается, что у тебя есть нечто такое, чем ты можешь меня напугать, шантажировать? Ни хрена у тебя нет, младший господин Белява. А знаешь почему? Потому что наступили исторические времена. Каждый день приносит изменения. В такие времена, коновал, шантажисты должны действовать очень быстро, иначе их шантаж оборачивается всего лишь насмешкой. Ты не заметил, что сегодня творилось на улицах? Я въехал в Прагу рядом с Гинеком из Колыштейна. Мы приехали прямо из Колина, от пана Дзивиша Божка, он же дал нам своих вооруженных. Рука об руку с нами шли дружинники таких заядлых католиков и гуситобойцев, как Пута из Частоловиц и Отто де Бергов. Нет никакой тайны в том, зачем мы прибыли. Мы намеревались захватить ратушу и взять в свои руки власть, потому что Прага это *caput regni*³⁴, у кого в руках Прага, у того и Чехия. Мы хотели освободить Корыбута и провозгласить его королем. То есть истинным королем, одобренным Римом. Мы хотели договориться с папой, склонным, как говорят, к компромиссу относительно литургии, готовым уступить в отношении Чаши и причащения *sub utraque specie*. Готовым к переговорам. Но не с Табором, не с радикалами, не с людьми, руки которых обгажены кровью священников. Объединившись с Ольдржихом из Рожмберка и панами из Ландфрида, мы хотели прикончить радикалов, перебить сирот, ликвидировать Табор, вернуть лад в Чешское Королевство. Ты понимаешь?

– Мы въехали в Прагу, – Смижицкий не ждал, пока Рейневан подтвердит, – явно и с открытым забралом. Яснее, пожалуй, я не могу показать, чего хочу, против кого и против чего стою. С кем держусь, с кем в союзе. Сегодня все стало ясно. Так что ты хочешь сделать? Сейчас, когда вылезло шило из мешка на всю длину, ты пойдешь в Табор и заявишь: «Слышите, братья, я сообщу вам новость: Ян из Смижиц – ваш враг, сговаривается против вас с католиками?» Прошлогодний снег, господин из Белявы, прошлогодний снег! Ты ошибся, ты опоздал. Конечно, еще год, еще месяц назад...

– Еще месяц назад, – закончил со зловещей ухмылкой Рейневан, – я мог тебя разоблачить, я был опасен. Поэтому ты наслал на меня убийц. Воистину по-рыцарски, пан из Смижиц, по-благородному. Воистину гордиться должны в ином мире покрытые славой пращурсы, герои Аскалона и Креси.

– Если ты думаешь, что я стану перед тобой из-за этого каяться, то хреново думаешь.

– Ответь мне на вопросы.

– Я, помнится, тебе уже предлагал поцеловать меня в задницу? А посему повторяю предложение.

Самсон Медок резко поднялся. А Рейневан мог поклясться, что Ян Смижицкий испугался.

– Это война! – выкрикнул он, подтверждая тем самым уверенность Рейневана. – Война, парень! Кто может тебе навредить, тот враг, а врага уничтожают! Твой брат работал на Табор, на Жижку, на Швамберка и Гвезду, значит, он был моим врагом, мог вредить и вредил. А вроцлавский епископ, наоборот, был ценным союзником, был смысл его привлечь к себе. Епископ хотел знать имена таборитских шпионов, действующих в Силезии, поэтому и получил их список. Впрочем, епископ уже давно подозревал твоего брата, так что взял бы его и без моей помощи. У вроцлавского епископа есть свои средства и методы. Ты удивишься, узнав, насколько эффективные.

³⁴ голова королевства (лат.).

– Не удивлюсь. Я видел кое-что. Эффективности действия тоже не отрицаю. Мертвы уже упомянутые тобою Ян Гвезда, мертв Богуслав из Швамберка. И это ты тогда, в цистерцианской грангии, назвал их обоих в качестве цели епископских убийц. Швамберк из высокого рода. Пожалуй, самого высокого и гораздо более старого, нежели твой, хоть ты и похваляешься предками. За Богуслава Швамберка тебя ждет эшафот, уж его родня позаботится об этом.

Самсон снова послал сигнал. Рейневан понял.

– Гвезда и Швамберк, – заявил тем временем Смижицкий, – умерли от ран, полученных в бою. Болтай, обвиняй, никто не поверит...

– Никто не поверит в черную магию? – dokonчил Рейневан. – Ты это хотел сказать?

Смижицкий умолк.

– Чего ты, черт побери, хочешь?! – взорвался он наконец. – Мести? Ну так мсти! Убей меня. Да, я предал твоего брата, хоть он доверял мне как Христос доверял Иуде. Ты доволен? Конечно, я солгал, я твоего брата никогда в глаза не видел, слышал о нем от... Не имеет значения, от кого. Но я выдал его епископу, поэтому он погиб. А тебя я считал шпионом Неплаха, провокатором и возможным шантажистом. Надо было что-то с тобой делать. Нанятый арбалетчик, ты не согласишься, промахнулся. Я дважды пытался тебя отравить, но, похоже, яд на тебя не действует. Я нанял трех убийц, не знаю, что с ними случилось. Они исчезли. Сплошь счастливые стечения обстоятельств, младший господин из Беявы. Удивительно странные счастливые стечения обстоятельств. Кто-то тут недавно, случайно, не говорил ли о черной магии?

Флютек, подумал Рейневан, принудил пойманных разбойников говорить. Наверняка к нему уже раньше поступали сигналы о готовящемся путче, разбойники под пыткой досказали остальное, подтвердили подозрения. Заговорщиков ожидала засада, у них не было шансов. Нанимая против меня убийц, Ян Смижицкий проиграл Прагу. А Гинек и Кольштейн проиграли жизнь.

– Крысы, бегущие с тонущего корабля, – сказал он скорее себе, чем рыцарю. – После Тахова в связи с возрастающей мощью Прокопа и Тabora это был ваш единственный шанс. Переворот, захват власти, освобождение и возведение на трон Корубу, договоренность с папством и ландфридом. Вы все поставили на одну карту. Что ж, не получилось.

– Да, не получилось, – без особых эмоций ответил рыцарь, продолжая смотреть на Самсона, а не на Рейневана. – Я проиграл. С какой стороны ни взглянуть, получается, что я сложу голову. Хорошо, чему быть, того не миновать. Убей меня, выдай Неплаху, брось под нож толпе, делай, что хочешь. С меня уже достаточно. У меня есть только одна просьба, только об одном я покорно прошу... У меня в Праге девушка. Низкого происхождения. Отдайте ей мой перстень и крестик. И кошель. Если можно просить, я знаю – ваша добыча... Но это бедная девушка...

– Ответь на мои вопросы, – Рейневан снова послушался телепатического указания Самсона, – и ты сам все это отдашь. Сегодня же.

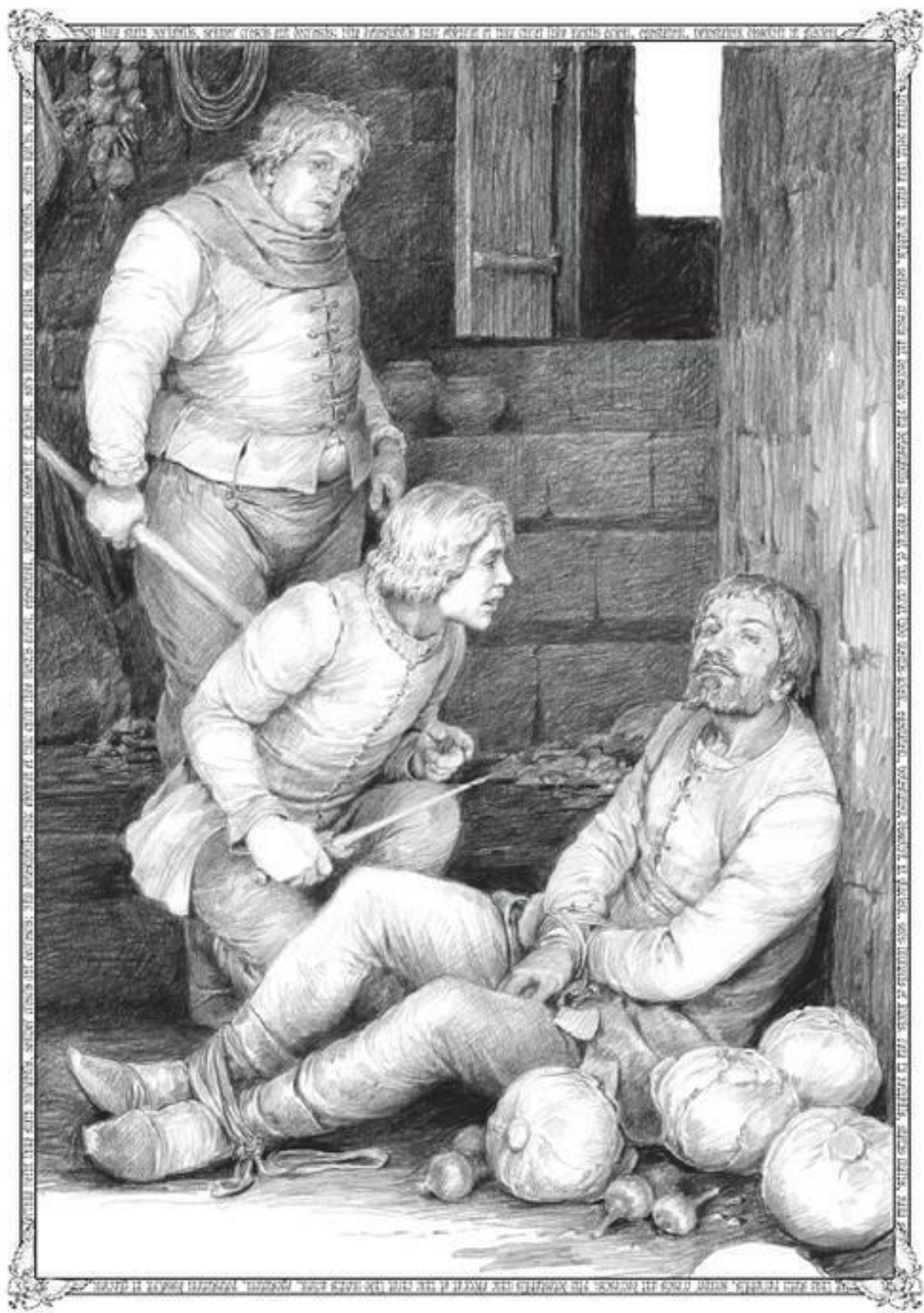
Смижицкий прикрыл глаза, чтобы скрыть их блеск.

– Ты поймал меня в силки. Ты мне не простишь. Не откажешься отомстить за брата.

– Ты его лишь предал. Мечами дырявили его другие. Я хочу знать их имена. Давай поторгемся, выторгуешь что-нибудь. Дай мне возможность отплатить им, и я не стану мстить тебе.

– Какая у меня гарантия, что ты не обманываешь?

– Никакой.

- Рыцарь какое-то время молчал, было слышно, как он слатывает слюну. Наконец сказал:
- Спрашивай.
  - Гвезда и Швамберк. Их убили, верно?
  - Верно... – Он запнулся. – Кажется... Не знаю. Предполагаю, но не знаю. Это возможно.
  - Черная магия?
  - Вероятно.

– В разговоре с епископом участвовал еще один человек. Высокий. Худошавый. Черные волосы до плеч. Птичье лицо.

– Епископский советник, помощник и доверенное лицо. Не сверли меня глазами. Ведь знаешь или догадываешься. Это он выполняет для епископа грязную работу. Несомненно, он убил Петра из Беявы. И многих других. Вспомни девяностый псалом...

– Стрела, летящая днем. *Timor nocturnus*. Демон, уничтожающий в полдень...

– Ты сказал, – кривил губы Смижицкий. – Ты проговорил это слово. И пожалуй, попал в точку. Хочешь хорошего совета, парень? Держись от него подальше. От него и от...

– Черных всадников, кричащих «*Adaumus*». Одурманивающих, как ассасины, таинственными арабскими веществами. Пользующихся черной магией.

– Это сказал ты. Не нарывайся на них. Поверь мне и послушай совет. Не пытайся даже приближаться к ним. А если они попробуют приблизиться к тебе, беги. Как можно дальше и как можно быстрее.

– Его имя? Епископского доверенного.

– Его, это наверняка, боится сам епископ.

– Его имя.

– Он знает о тебе.

– Его имя.

– Биркарт фон Грелленорт.

Рейневан достал стилет. Рыцарь невольно закрыл глаза. Но тут же открыл их, смело взглянул.

– Это все, пан Ян Смижицкий. Ты свободен. Прощай. И не пытайся меня ловить.

– Он не будет пытаться, – неожиданно сказал Самсон Медок.

Глаза Яна из Смижиц широко раскрылись.

– Тебе, – спокойно продолжал Самсон, совершенно не радуясь произведенному впечатлению, – тебе, Ян из Смижиц, предательства и заговоры добра не приносят. Не оплачиваются. В будущем будет то же. Опасайся предательств и заговоров. У тебя столько мыслей, столько планов. Столько амбиций. Воистину тебе пригодился бы кто-нибудь, кто стоит за спиной, кто-то, кто вполголоса советует, подсказывает, напоминает. *Rescapiens post te, hominem memento te, cave, ne cadas. Cave, ne cadas*, пан Ян Смижицкий. Слушай, если имеешь уши. *Nescis, mi fili, diem neque horam*. Твои амбиции, пан Смижицкий, приведут тебя к падению. Но ты не знаешь ни дня, ни часа этого падения.

Когда Рейневан вышел из дома, Самсон куда-то пропал, но через мгновение появился. Они направились переулками к улице Платнерской.

– Думаешь, – начал Рейневан, – это было умно? Твои заключительные слова? Что они, собственно, значили? Пророчество?

– Пророчество? – Самсон повернул к нему лицо идиота. – Нет. Так у меня как-то сказалось. А было ли это умно? Нет ничего умного. Во всяком случае, здесь, в твоём мире.

– Ага. И как же я сразу-то не догадался. Ну, коли уж мы здесь, ты идешь на Суконническую?

– Разумеется. А ты нет?

– Нет. Наверняка есть много раненых, насколько я знаю Рокицану, он приказал сносить их в церкви. Будет уйма работы, понадобится каждый лекарь. Кроме того, Неплах станет меня искать. Я не могу допустить, чтобы он пошел вслед за мной «Под архангела».

– Понимаю.

Они вышли на рынок. На позорном столбе уже не висел зверски искалеченный труп Гинека из Колыштейна, господина в Камыке, гейтмана литомерского, рыцаря из щепаницкой

линии Вальдштейнов из рода великих Марквартичей. Наверняка снять его оттуда приказал Рокицана.

Рокицана, хоть и делал это с болью, убийство допускал и официально даже одобрял, разумеется, до определенных границ, разумеется, во имя справедливого дела и только тогда, когда цель оправдывала средства.

Но осквернять тела он не позволял никогда. Ну, скажем, почти никогда.

– Ну, бывай, Рейнмар. Дай амулет. Ты можешь его потерять, тогда Телесма мне голову оторвет.

– Бывай, Самсон. Да, забыл тебя поблагодарить. За переданные телепатические под- сказки. Именно благодаря им у нас так все гладко получилось со Смижицким.

Самсон взглянул на него, а его кретинскую физиономию неожиданно осветила широкая кретинская улыбка.

– Гладко прошло, – сказал он, – благодаря твоей прыти и уму. Я мало помог, ничего не сделал, если не считать брошенной в Смижицкого бочки. Что же касается подсказок, то я не давал тебе никаких. Только телепатически поторапливал, просил поспешить. Потому что мне чертовски хотелось отлить.

Работы было действительно невпроворот, как оказалось, требовался и пригодился каждый разбирающийся в лечении.

Ранеными заполнили оба боковых нефа Девы Марии у Тына, а из того, что слышал Рейневан, он понял, что многочисленные пациенты лежали также у Святого Николая. Почти до самой ночи Рейневан вместе с другими медиками сращивал переломы, останавливал кровотечения и сшивал то, что удавалось зашить.

А когда окончил, когда встал, когда распрямил ноющую спину, когда в очередной раз подавил тошноту, вызванную запахом крови и ладана, когда собирался наконец пойти умыться, словно из-под земли, словно дух пред ним явился серый типчик в серых штанах. Рейневан вздохнул и пошел за ним. Не споря и ни о чем не спрашивая.

Богухвал Неплах ожидал его в расположенной на улице Телячьей корчме «Под чешским львом». Корчма варила прекрасное собственное пиво и славилась кухней, но свое реноме включала в цены блюд, поэтому Рейневан тут не бывал, он не мог себе этого позволить ни в студенческие времена, ни теперь. Сегодня он в первый раз получил возможность ознакомиться с обстановкой помещения и кухонными ароматами, надо признать, весьма аппетитными.

Шеф таборитской разведки ужинал в одиночестве, в углу, тщательно и деловито обрабатывая печеного гуся, совершенно не обращая внимания на тот факт, что жир пачкает ему манжеты и капает на грудь вамса, украшенного серебряной нитью. Он увидел Рейневана, дал ему знак сесть, проделал он это, кстати сказать, наполненным кубком пива, которым запивал гусятину. И продолжал есть, не поднимая глаз. О том, чтобы предложить Рейневану еду или напиток, он вообще и не подумал.

Он съел всего гуся, даже гузку, оставленную на десерт. Где все это в нем умещается, подумал Рейневан. Сам тощага, хоть аппетит как у крокодила. Хм, наверно, тому виной нервная работа. Или паразиты. В кишках.

Флютек окинул взглядом остатки гуся и решил, что они уже настолько малопривлекательны, что можно уделить внимание чему-то другому. Поднял глаза.

– Ну и что? – Он стер жир с подбородка. – Можешь мне что-то сказать? Передать? Сообщить? Позволь угадать: не можешь.

– Ты угадал.

В черных глазах Флютека проснулись два золотых чертика. Оба подскочили и кувыркнулись. Как только появились.

– Я преследовал одного типа. – Рейневан сделал вид, что не заметил. – Почти уже поймал. Но он сбежал у Валентина.

– Вот беда, – равнодушно сказал Неплах. – Ты его хотя бы узнал? Это тот, кто вступал в заговор с вроцлавским епископом?

– Тот. Так я думаю.

– Но сбежал?

– Сбежал.

– Значит, опять. – Флютек отхлебнул из кубка. – Пропал твой шанс отомстить. Ну, прямо-таки неудачник ты, неудачник. Ну, никак не награждает тебя судьба, ну, никак не хочет помочь. Многие давно бы уж отступились, постоянно сталкиваясь с такими неудачами. Но гляжу я на тебя и вижу, что ты достойно переносишь свои провалы. Прямо-таки удивительно. И завидно... Но, – продолжил он, не дождавшись реакции, – у меня для тебя есть хорошая новость. То, что не удалось тебе, удалось мне. Схватил я мерзавца. Действительно, неподалеку от церкви Святого Валентина, что однозначно свидетельствует о твоей искренности. Ты рад, Рейневан? Ты благодарен? Может, настолько, чтобы искренне поговорить о пятистах гривнах сборщика податей?

– Пощади, Неплах.

– Прости, совсем забыл, ты же о приключении со сборщиком не знаешь ничего, ты человек невинный и незнающий. Поэтому вернемся к мерзавцу, которого я поймал. Представь себе, это ни больше ни меньше, а сам Ян Смижицкий из Смижиц, гейтман Мельника и Рудниц. Представил себе?

– Представил.

– И что?

– И ничего.

Похоже, чертики кувыркнутся. Но нет, не кувыркнулись.

– Твое донесение об участии Яна из Смижиц в силезском заговоре, – переждав немного, начал Флютек, – это уже, к сожалению, прошлогодний снег. Потеряло актуальность. Настало историческое время, творится многое, каждый день приносит изменения, то, что вчера было важным, сегодня не имеет значения, а завтра будет стоять меньше собачьего дерьма. Думаю, ты это понимаешь?

– А как же.

– Это хорошо. Впрочем, в так называемом широком масштабе это не имеет значения, в конце концов, не все ли равно, за что Смижицкого посадят, осудят на смерть и обезглавят. За заговор, за предательство, за революцию? Один хрен. Чему суждено висеть, то не утонет. Твой брат будет отмщен. Ты доволен? Ты благодарен?

– Умоляю, Неплах, только прошу тебя, не говори о пятистах гривнах сборщика податей. Флютек отставил кубок, посмотрел Рейневану прямо в глаза.

– Я не стану о них говорить. Конечно, весьма печально, но Смижицкий сбежал.

– Что?

– То, что ты слышишь. Смижицкий драпанул. Сбежал из тюрьмы. Подробности я пока что не знаю, известно только одно: сбежать ему помогла любовница, дочка пражского ткача. Дело воистину за сердце берет. Сам посуди. Рыцарь высокого рода и его метресса, плебейка, ткачева дочка. Она не могла не знать, что служит для него всего лишь игрушкой, что ничего из этой связи получиться не может. И все-таки рискнула ради любовника жизнью. Он что, ее любовным зельем опоил?

– А может, – Рейневан выдержал взгляд, – достаточно человечности? Глас за спиной, напоминающий: *hominem memento te*³⁵.

---

³⁵ помни, что ты (только) человек (лат.) – слова, которые шептал невольник, стоящий на колеснице за триумфатором в

- Ты себя хорошо чувствуешь, Рейневан?
- Устал.
- Выпьешь?
- Благодарю, но на пустой желудок...
- Ха. Ценю, доктор. Эй, хозяин! Поди сюда!

В четверг после Рождества Марии, одиннадцатого сентября, через пять дней после переворота, явился под Прагу Прокоп Голый, победитель под Таховом и Стжибором. С ним прибыла вся армия, Табор, сироты, пражане и их приверженцы, боевые телеги, артиллерия, пехота и кавалерия. Общим счетом этого было *in toto*³⁶ двенадцать тысяч вооруженных людей.

И с ними был Шарлей.

Древнем Риме.

³⁶ в целом (*лат.*).

Глава третья,

в которой Рейневан узнает, что должен остерегаться баб и дев.

– А знаешь, – сказал Шарлей, – яичница была вполне... Вкус, правда, немного портил сыр, совершенно не сочетающийся с яйцами. Кто, господи прости, и зачем добавляет в яичницу тертый сыр? Какая-то чрезмерно разросшаяся кулинарная фантазия нашей милой хозяйки. Впрочем, зачем брюзжать, главное – живот набит. А хозяйка, кстати сказать, женщина ничего себе... Формы Юноны, движения пантеры, в глазах блеск, ха, не исключено, что я сниму у нее комнату и малость поживу. Я имею в виду зиму, сейчас побуду здесь недолго, потому что завтра-послезавтра Прокоп прикажет выходить, потянемся, как говорят, под Колин, отплатить за предательство пану Божку из Милетинка... Эй, Рейнмар, а мы в нужную сторону идем? Прагу я знаю так себе, но не надо ли идти туда, за Новоградскую ратушу, в сторону монастыря кармелитов?

– Мы идем через Здераз к пристани у Дровяного Тарга. Поплывем на лодке.

– По Влтаве?

– Совершенно верно. Я последнее время всегда так делаю. Я же говорил: работаю в Богоу-славовой больнице, это недалеко от Франтишка. Чтобы туда добраться, надо топать через весь город. А это больше получаса хода, а в торговые дни надо добавить еще и полчаса стоянки в толпе у забитых народом и телегами ворот Святого Гавла. Лодкой быстрее. И удобнее.

– Поэтому ты купил лодку. – Шарлей кивнул головой с плохо скрываемой серьезностью. – Вижу, недурно здесь живетсЯ медикам. Одеваются шикарно, живут роскошно, питаются обильно, обслуживают их приятные вдовушки. У каждого на манер венецианских патрициев собственная гондола. Пошли, пошли, мне не терпится ее увидеть.

Пришвартованная к набережной широкая плоскодонная лодка ничем, пожалуй, не походила на венецианскую гондолу, возможно, потому, что служила для перевозки овощей. Шарлей, не скрыв разочарования, ловко прыгнул на палубу и уселся между корзинами. Рейневан поздоровался с лодочником. Полгода назад он вылечил ему ногу, жутко придавленную бортами двух барок, за что ежедневно курсирующий из Пшар до Бубнов лодочник отплачивал ему бесплатной перевозкой. Ну, скажем, почти бесплатной – за минувшее полугодие Рейневан сподобился лечить лодочникову жену и двух его детей. Из шестерых.

Через минуту тяжелый от моркови, репы и капусты плашкоут отвалил от берега и, глубоко погрузившись, поплыл по течению.

Вода, кроме щепок и сучков, несла множество разноцветных листьев. Стоял сентябрь. Правда, исключительно теплый.

Они отделились от берега, проплыли через водосливную плотину и быстрину, вокруг которой шустро вились жерехи, преследующие стайки уклейк.

– Среди многочисленных положительных сторон такого плавания, – быстро заметил Шарлей, – не менее важной является возможность поболтать, не опасаясь, что кто-нибудь подслушает. Так что можно продолжить вчерашнюю вечернюю беседу.

Вчерашняя беседа началась вечером и затянулась глубоко за полночь. Касалась она, разумеется, в основном событий последних месяцев – от таховской битвы до недавнего путча Гинека из Колыштейна и его последствий. Рейневан пересказал Шарлею все, что неделю назад узнал от Яна из Смижиц. И рассказал о своих намерениях. Намерений этих, как и следовало ожидать, Шарлей совершенно не одобрял. Не одобрял их ни вчера, ни сегодня.

– Это неразумно, – повторил он свое мнение. – Совершенное безумие возвращаться в Силезию и искать возможности отомстить. Если б я не знал тебя лучше, то подумал бы, что ты несколько не поумнел за последние два года, да что уж там, решил бы, что еще больше поглупел. Но ведь все не так. Ты поумнел, Рейнмар, что доказывает твой поступок со Смижицким. Он был в твоих руках. И что? Ты отпустил его. Раздосадованный смертью брата, жаждущий реванша, а выпустил. Потому что, полагаю, заполучив его, ты понял всю бессмысленность такой мести. Ведь в смерти твоего брата виновен не Смижицкий. Биркарт фон Грелленорт, хоть, возможно, и убил Петерлина собственноручно, епископ вроцлавский Конрад, отдавший приказ, тоже не несет ответственности. Ибо убило-то Петерлина историческое время. Именно историческое время тогда, в 1425 году, привело Амброжа под Радков и Бардо. История, а не жители Кутной Горы, сбрасывала пойманных гуситов в шахтные стволы. Не Венгрия Люксембургца, а история насиловала и резала баб в захваченных Лоунах. И не Жижка, а история убивала и сжигала живьем людей в Хомутове, Беруне и Чешском Броде. И именно история убила Генека и Колыштейна. Ты хочешь мстить истории? Бичевать, как царь Ксеркс батогам хлестал море?

Рейневан покрутил головой. Но молчал.

Подплыли к острову Травник. С левого берега все еще несло гарью. В мае 1420 года, во время яростных боев с верным королем войском, Малу Страну подожгли настолько эффективно, что она почти целиком превратилась в пепелище – и фактически оставалась таковым по сей день. Правда, ее пытались отстроить, но как-то без сердца и запала. Ведь было бессчетное множество других забот, история строго следила за тем, чтобы в них не случилось недостатка.

– В свете исторических процессов, – заговорил Шарлей, глядя на черные останки прибрежных мельниц, – можно принять, что ты уже отомстил за брата. Ибо идешь по его стопам, продолжаешь дело, которое не докончил он. Как наследство от брата принял причащение *sub utraque specie* и стал гуситом. Петерелин, я знаю, до меня дошли сведения, фактически был верующим утравкистом, искренне и по убеждению служил делу Чаши. Я говорю об этом, потому что не было недостатка в таких, которые делали это из других побуждений, порой весьма грязных и всегда весьма прозаичных. Но, повторяю, это не относится ни к твоему брату, ни, как мне думается, к тебе. Ведь ты искренне и вдохновенно, без тени расчетливости, борешься за дело веры, во имя которой твой брат позволил себя убить.

– Не знаю, как это получается, Шарлей, но в твоих устах самые возвышенные слова начинают звучать какой-то трактирной шуточкой. Я знаю, ты не привык уважать святое, но...

– Святое? – прервал демерит. – Рейнмар? Уж не ослышался ли я?

– Не приписывай мне, пожалуйста, – стиснул губы Рейневан, – ни вероломства, ни отсутствия собственного мнения. Да, меня сблизил с гуситами тот факт, что Петерлин погиб ради них, я знаю, каким человеком был мой брат, не колеблясь встаю на ту сторону, которую выбрал он. Но у меня есть свой ум, свой собственный. Я все обдумал и рассудил в душе. Коммунью с Чашей я принял с полной убежденностью. Поскольку поддерживаю учение Виклифа, поддерживаю гуситов в вопросах литургии и интерпретации Библии. Я поддерживаю их мировоззрение и программу построения общественной справедливости.

– Какой, прости, справедливости?

– *Omnia sunt communia*, Шарлей! «Все – общее», в этих словах уместается вся божеская справедливость. Нет великих, нет малых, нет богатых, нет бедных. Все общее. Коммунизм! Разве это не звучит прекрасно?

– Давненько я не слышал чего-либо столь прекрасно звучащего.

– К чему такой сарказм?

– Не обращай внимания. Продолжай. Чем еще привлекли тебя виклифисты?

– Я всей душой и сердцем поддерживаю принцип *sola Scriptura* – только Писание!

– Ага.

– К Священному Писанию добавлять ничего не надо и невозможно, Писание достаточно прозрачно, чтобы каждый верующий мог понять его без комментариев с амвона. Между верующими и богом не требуются посредники. Пред Создателем все мы равны. Авторитет папы и церковных сановников можно признавать только в том случае, если он согласуется с волей Всевышнего и Священным Писанием. Особенное же положение дано священникам для того, чтобы исполнять обязанности, наложенные Христом и Писанием. Если священники не справляются с этими обязанностями, если грешат, то имущество и положение у них следует отобрать.

– О! – оживился Шарлей. – Отобрать? Прекрасно звучит. Такое звучание мне нравится.

– Не ехидничай. Ты никогда не задумывался, почему именно здесь, в Чехии, в Праге, от разнесенных константским костром искр загорелся такой пожар? Я скажу тебе: знаешь ли ты, сколько было священников в пражской диоцезии? Шесть тысяч! Сколько было монастырей? Сто шестьдесят! А знаешь ли ты, что в самой Праге каждый двадцатый человек носил рясу или сутану? А сколько было в Праге приходов? Сорок четыре. Во Вроцлаве, напомним, их девять. В одной только кафедре Святого Вита было ровно триста церковных должностей. Ты представляешь себе, какие деньги они вытянули из пребенд и аннат³⁷? Нет, Шарлей, дальше так продолжаться не могло и не может. Секуляризация церковных богатств абсолютно необходима. Клир владеет слишком большими ценностями и благами. Речь уже не о заветах Христа, о возвращении к евангельской бедности, к тому, как жили Иисус и апостолы. Столь гигантская концентрация благ и власти должна вызывать гнев и социальное напряжение. Это должно кончиться: их богатство, их алчность, их высокомерие, их спесь, их власть. Они должны вернуться к тому, чем были, чем наказал им быть Христос: бедными и покорными слугами. И не Иоахим Флорский первым пришел к этому, не Оккам, не Вальдхаузер, ни Виклиф и не Гус, а Франциск Ассизский. Церковь должна измениться, реформироваться. Из церкви магнатов и политиков, гордецов и глупцов, мракобесов и лицемеров, из церкви инквизиторов, преступников, выходящих из церкви во главе крестовых походов, из церкви таких тварей, как наш вроцлавский епископ Конрад, она должна преобразоваться в церковь Францисков.

– Ты гроишь свой талант по госпиталям. Тебе надо быть проповедником. Однако же, разговаривая со мной, убавь немного пыл. В Таборе проповедников достаточно, и даже чрезмерно, до пресыщения, бывает, ради проповеди и обед отменяют. Так что смилуйся же над яичницей с сыром и малость попридержи язык. А то ты уже готов переехать на симонию и распущенность.

– Потому что и это правда! Никто не придерживается церковных обрядов и порядков. От Рима до самого низа, до самого захудалого прихода – ничего, только симония, распущенность, пьянство, деморализация. Тебя не удивляет, что возникают аналогии с Вавилоном и Содомом, что рождаются аналогии с Антихристом? Что в ходу поговорка: *omne malum a clero*³⁸? Поэтому я стою за реформу, и даже самую наирадикальнейшую.

---

³⁷ Пребенда – доходная церковная должность (от *лат.* *prebere* – дарить), аннаты – годовые выплаты с первогодовых церковных доходов.

³⁸ все зло от церковников (*лат.*).

Шарлей оторвал взгляд от пепелища иоаннитского преората и закопченных стен церкви Девы Марии.

– Говоришь, ты за реформу? Так я порадуя твои уши рассказом о том, как мы, Божьи воины, воплощаем теорию в жизнь. В мае этого года, ты, вероятно об этом слышал, двинулись мы под предводительством Прокопа Голого с рейдом на Лужицы. Сожгли и разграбили несколько святынь, в том числе церквушки и монастырчики в Гиршфельде, в Остритце и в Бернштадте, а также, что тебя может заинтересовать, около Фридланда, во владениях Ульриха Виберштайна, кажется, дяди твоей любимой Катажины. Згорелец, хоть мы и штурмовали, взять нам не удалось, но в Любани, взятой в пятницу перед воскресеньем *cantate*, прихватили мы несколько попов и монахов, в том числе беглецов из Чехии, доминиканцев, которые в Любани нашли убежище. Этих Прокоп приказал обезглавить, ну, мы и обезглавили. Чешских попов сожгли, немецких забили или утопили в Квисе. Такую же по размерам бойню учинили четырьмя днями позже в Злоторые... Что-то у тебя странное выражение лица. Я тебе наскучил?

– Нет. Но сдается мне, мы говорим о совершенно разных вещах.

– Неужто? Так, говоришь, ты хочешь изменить церковь? Вот я тебе и рассказываю, как мы ее изменяем. Напомню тебе, разнuzданных прелатов уже реформировали даже короли: польский Болеслав Храбрый, английский Генрих II Плантагенет, Вацлав IV здесь, в Праге. Но что это дало? Один обезглавленный смутьян Станислав из Щепанова, один зарезанный наглый поп Томас Бекет, один утопленный аферист Ян из Помука. Капля в море! Слишком нерадикально, розница вместо опта. Что до меня, то я предпочитаю методы Жижки, Прокопа, Амброжа. Явно видимые результаты. Ты говорил, что до революции каждый двадцатый пражанин ходил в сутане или рясе. А скольких ты сегодня встречаешь на улице?

– Немного. Осторожнее, плываем под Каменный Мост, с него всегда плюют. А порой и... прости, ссут.

Действительно, на балюстрадах моста аж кипело от сорванцов, старающихся оплевать либо описать каждую проплывающую лодку, баржу. К счастью, внизу проплывало слишком много лодок, чтобы мальчишки успевали одарить всех. Лодке Рейневана и Шарлея подвалило счастье.

Течение несло их ближе к левому берегу. Они проплыли около зверски обезображенного дворца архиепископа и руин монастыря августинцев. А дальше, под малостранским пепелищем, над рекой вздымалась скала Градчан, гордо увенчанная Градом и остроконечными башнями кафедрального собора Святого Вита.

Лодочник толкнул шестом лодку в главное течение, они поплыли быстрее. Правый берег, за стеной, уже заполняла плотная староградская застройка, левый берег был более сельский – его почти полностью занимали виноградники. Некогда, до революции, они в основном принадлежали монастырям.

– Перед нами, – демерит указал на церковную башню на правом берегу, – Франциск, если я не ошибаюсь. Вылезает?

– Еще нет. Подплывем к плотине. Оттуда до Суконнической три шага.

– Шарлей.

– Слушаю?

– Помедленнее немного. Нам не к спеху, а я хотел бы...

Шарлей остановился, помахал девушкам в мельнице, вызвав концерт пискливого смеха. Продемонстрировал согнутый локоть детворе, высывающей языки и выкрикивающей детские оскорбления. Потянулся, глянул на солнце, посматривающее из-за церкви.

– Догадываюсь, чего б ты хотел.

– Я выслушал твои рассуждения об исторических процессах. Что, мол, месть – вещь бесплодная, Самсон повторяет это изо дня в день. Царь Ксеркс, бичующий море, жалок и смешон. Тем не менее...

– Внимательно слушаю. С возрастающим беспокойством.

– Я с колоссальным желанием добрался бы до сукиных сынов, убивших Петерлина. Особенно до того Биркарта Грелленорта.

Шарлей покачал головой, вдохнул.

– Именно этого я опасался, что ты это скажешь. Вспоминаешь ли ты, дорогой Рейнмар, Силезию двухлетней давности? Черных всадников, орущих: «Мы здесь!». Нетопырей в Цистерском бору? Тогда наши задницы спас Гуон фон Сагар. Если б тогда Гуон не подоспел вовремя, то кожа с наших задниц висела бы сейчас, прекрасно высушенная, у этого Биркарта над каминном. Я уж не говорю о том мелком факте, что Биркарт скорее всего служит епископу Конраду, самой могущественной личности во всей Силезии, человеку, которому достаточно мизинцем шевельнуть, чтобы нас насадили на колья. Да и сам Грелленорт тоже не какой-нибудь обычный разбойник или колдун. Он ухитряется превращаться в птицу. Ты говоришь, хочешь до него добраться? А как, любопытно бы знать?

– Можно найти способ. Он всегда найдется, достаточно искреннего желания. И немного сметки. Я знаю, сумасшествие – возвращаться в Силезию. Но даже сумасшедшие предприятия могут осуществиться, если сумасшествовать по обдуманному плану. Правда?

Шарлей быстро взглянул на него.

– Замечаю, – заметил он, – явное и любопытное влияние твоих новых знакомств. Я говорю, разумеется, об известной компании из аптеки «Под архангелом». Не сомневаюсь, что у них можно многому научиться. Дело в том, чтобы уметь из множества выделить то, чему следует учиться серьезно. Как у тебя с этим?

– Стараюсь.

– Похвально. А скажи, как ты вообще стакнулся с ними? Было, наверно, нелегко?

– Верно, нелегко. – Рейневан улыбнулся своим воспоминаниям. – Правду говоря, понадобился граничащий с чудом случай, стечение обстоятельств. И представь себе, нечто такое случилось. В некий жаркий день лета Господня 1426-го.

Сватоплук Фраундинст, главный врач госпиталя Крестоносцев со Звездой у Каменного моста, был мужчиной в самом соку, статным и красивым настолько, что мог без особых усилий соблазнять и при любой возможности трахать работающих в госпитале дореволюционных бенедиктинок, изгнанных гуситами из их собственного монастыря. Не было практически ни одной недели, чтобы не удавалось услышать, как охает, стонет и призывает всех святых девушка, которую доктор затащил к себе в кабинет.

То, что Сватоплук Фраундинст был чародеем, Рейневан подозревал с самого начала, с того дня, когда начал работать у госпитальеров и ассистировать хирургу при операции. Во-первых, Сватоплук Фраундинст, бывший вышеградский каноник, *doctor medicinae* Карлова университета, имеющий *licentia docendi*³⁹, близкого сотрудника знаменитого Бруно из Осенбруге. Мэтр Бруно из Осенбруге был в свое время ходячей легендой европейской медицины, а Матфея из Бехины сильно подозревали в тяге к алхимии и магии – как белой, так и черной. Сам факт, что Сватоплук Фраундинст занимается хирургией, тоже говорил о многом – университетские медики рук хирургией не пачкали, предоставляя это палачам и цирюльникам, не опускались даже до флеботомии⁴⁰, возносимой с собственных кафедр как ремедиум против всего. Лекари же, будучи магами, хирургии не сторонились и были в ней знатоками – а Фраундинст был хирургом прямо-таки невероятно хорошим. Если к этому добавить типичные маньеризмы

³⁹ мэтр в Пражском университете, медик.

⁴⁰ вскрытие вен в целях кровопускания.

в речи и жестах, если приплюсовать совершенно открыто носимый перстень с пентаграммой, если прибавить на первый взгляд несущественные и как бы случайные намеки, то можно было быть почти уверенным в данном вопросе. То есть в том, что Сватоплук Фраундинст поддерживает с чернокнижниками контакт более чем мимолетный и что пытается прошупать Рейневана на подобные обстоятельства. Естественно, Рейневан был осторожен, лавировал и обходил ловушки по возможности ловко. Времена были трудные, и уверенным нельзя было быть ни в чем и ни в ком.

Но однажды, в июле, в канун Святого Иакова Апостола⁴¹ случилось, что в больницу принесли с близлежащей лесопилки пильщика, серьезно раненного зубом пилы. Кровь хлестала как из ведра, а Фраундинст, Рейневан и дореволюционная бенедиктинка делали все, что могли, чтобы ее остановить. Дело шло неважно, возможно, из-за размеров раны, возможно, просто день был неудачный. Когда в очередной раз кровь из артерии брызнула Сватоплеку прямо в глаз, доктор так безобразно, так грязно выругался, что бенедиктинка сначала покачнулась, а потом и вовсе убежала. А доктор применял вяжущее заклинание, именуемое также «чарой Алкмены». Он сделал это одним жестом и одним словом, Рейневан в жизни не видел столь ловко брошенного заклинания. Артерия закрылась немедленно, кровь моментально начала чернеть и сворачиваться. Фраундинст повернул к Рейневану залитое кровью лицо. Было ясно, чего он хочет. Рейневан вздохнул.

– *Quare insidiaris animae meae?* – пробормотал он. – Зачем тебе моя жизнь, Саул?

– Я выдал себя, ты тоже должен, – ощерился колдун. – Ну, осторожная Аэндорская волшебница. Не бойся. *Non veniet quicquam mali.*

Они произнесли заклинание вместе, *unisono*, силой мощной коллективной магии связав и приведя в порядок все сосуды.

* * *

– И этот *doctor medicinae*, – догадался Шарлей, – ввел тебя в конгрегацию магигов, собирающихся в аптеке «Под архангелом». Ту, к которой мы сейчас приближаемся.

Шарлей правильно догадался. Они были на Суконнической, аптеку уже было видно за рядами прядильных и ткацких мастерских и мануфактурных лавок. Над входом высоко над дверью нависал эркер с узенькими оконцами, украшенный деревянной фигурой крылатого архангела. Фигуру достаточно крепко погрызли зубья времени, и трудно было узнать, который это из архангелов. Рейневан никогда не спрашивал. Ни в первый раз, когда Фраундинст привел его сюда в 1426 году, в четверг, пришедшийся на день казни Иоанна Крестителя⁴², ни позже.

– Прежде чем мы войдем, – Рейневан снова остановил Шарлея, – еще вот что. Просьба. Очень прошу тебя сдерживаться.

Шарлей топнул, чтобы оторвать от башмака остатки кучи, на первый взгляд, вроде бы собачьей, хотя уверенности не было, кругом вертелись и дети тоже.

– Мы, – проговорил с нажимом Рейневан, – кое-что должны Самсону.

– Во-первых, – Шарлей поднял голову, – ты это уже говорил. Во-вторых, это не подлежит сомнению. Он наш друг, этих слов вполне достаточно.

– Я рад, что ты так к этому подходишь. Веришь или не веришь, сомневаешься или нет, но смиришься с фактом. Самсон заперт в нашем мире. Он словно инклюз заключен в чуждую ему телесную оболочку, согласишься, не самую лучшую. Он делает все, чтобы высвободиться, ищет помощи... Быть может, наконец найдет ее здесь, в Праге, «Под архангелом», быть может, именно сегодня... Потому что как раз...

⁴¹ 24 июля.

⁴² Иоанна Крестителя обезглавили 29 августа.

– Потому что как раз, – с легким признаком нетерпения прервал демерит, – прибыл из Зальцбурга и остановился «Под архангелом» всемирной славы магик, *magnus nigromanticus*⁴³. То, что не удалось пражским колдунам, быть может, удастся ему. Ты об этом уже говорил. По меньшей мере несколько раз.

– А ты всякий раз фыркал и строил ехидные мины.

– Это у меня непроизвольно. Так я реагирую, когда слышу о магии, об инклюзах...

– Поэтому я прошу тебя, – довольно резко отрезал Рейневан, – сегодня сдержать свои порывы. Чтобы ты, помня о дружбе с Самсоном, не фыркал и не строил мин. Обещаешь?

– Обещаю. Не буду строить мин. Лицо мое – камень. Ни разу, пусть накажет меня Бог, не рассмеюсь, когда речь пойдет о чарах, о демонах, о параллельных мирах и бытиях, об астральных телах, о...

– Шарлей!

– Молчу. Заходим?

– Заходим.

В аптеке было темно, ощущение мрака усиливал цвет обивки и мебели; когдаходишь с солнца, как они сейчас, несколько мгновений не видишь абсолютно ничего. Можешь только стоять, моргать и вдыхать тяжелый запах пыли, камфоры, мяты, меда, амбры, селитры и скипидара.

– К вашим услугам, милостивые государи... К услугам... Ваши милости желают?

Из-за прилавка – точно так же, как год назад, в день усекновения главы Иоанна Крестителя, проявился, поблескивая в полумраке лысиной, Бенег Кейвал.

– И чем же? – спросил он точно так же, как тогда. – И чем же я могу служить?

– *Cremor tartari*⁴⁴, – равнодушно спросил Сватоплук Фраундинст, – у вашей милости есть?

– *Cremor*, – аптекарь потер лысину, – *tartari*?

– Именно. Кроме того, мне нужно немного *unguentum popu-leum*⁴⁵.

Рейневан от изумления сглотнул. Из того, что он услышал, было ясно, что Сватоплук Фраундинст должен был быть в аптеке «Под архангелом» посетителем знакомым и уважаемым, а меж тем лысый аптекарь, казалось, делал вид, будто встречает его впервые в жизни.

– Есть *unguentum*, свежеприготовленный. А вот с *cremor tartari* сейчас туговато... Много надо?

– Десять драхм.

– Десять? Ну, столько-то, возможно, найдется. Поищу. Входите, господа, внутрь.

Лишь гораздо позже Рейневан узнал, что приветственный ритуал, с виду идиотский, был вполне обоснованным. Конгрегация аптеки «Под архангелом» действовала в глубокой тайне. Если все было в порядке, то посетитель просил два, всегда два лекарства. Если просил одно, это значило, что его шантажируют либо за ним следят. Если в самой аптеке была засада и ловушка, Бенеш Кейвал сказал бы, что они смогут получить только половину из запрошенных количеств.

За прилавком, за дубовыми дверями, скрывалась настоящая аптека – с типичным для аптеки содержимым: не обошлось тут, конечно, без тысячи ящичков, в избытке имелись баночки и бутылки темного стекла, латунные ступки, а также весы. С бревенчатого потолка свисал на шнуре высушенный уродец, стандартная декорация чародейских мастерских, аптек и

---

⁴³ великий мэтр черной магии (лат.).

⁴⁴ Виннокислый калий (хим.).

⁴⁵ ткань из тополиной коры (хим.).

шарлатанских домишек – сирена, полуженщина-полурыба, в действительности оказывавшаяся препарированным скатом. Соответственно разделанная, разложенная на доске и высушенная рыба действительно обретала «сиренью» внешность – ноздри изображали глаза, а выломанные хрящи плавников – руки. Фальшивки изготавливали в Антверпене и Генуе, куда скаты попадали от арабских купцов или предприимчивых португальских моряков. Некоторые были выполнены так искусно, что только с величайшим трудом их удавалось отличить от реальных морских сирен. Однако существовал безотказный критерий аутентичности – реальные сирены были по меньшей мере в сто раз дороже подделок и ни одна аптека была не в состоянии их купить.

– Антверпенская работа. – Шарлей глазом знатока оценил высушенную мерзость. – Я когда-то сам загнал несколько подобных. Шли запросто. Во Вроцлаве в аптеке «Под золотым яблоком» одна висит до сих пор.

Бенеш Кейвал с интересом взглянул на него. Единственный из магиков «Архангела», он не был университетским сотрудником. И даже не обучался там. Аптеку он просто унаследовал. Однако был он несравненным фармацевтом и мастером приготовления лекарств – чародейских и обычных. Его специальностью был афродизиак из истертых в порошок пластинчатых грибов, орешков пинии, кориандра и перца. Шутили, что после употребления этого препарата даже покойник с катафалка соскакивал и вприпрыжку мчался в бордель.

– Проходите, господа, в заднюю комнату. Все уже там. Ждут вас.

– А ты, Бенеш? Не пойдешь?

– Хотелось бы, – вздохнул аптекарь, – но мое место за прилавком. Люди приходят непрерывно. Предсказываю скверную судьбу этому свету, если в нем столько больных, болезненных и осужденных на лекарства.

– А может, – усмехнулся Шарлей, – это всего лишь ипохондрия?

– Тогда могу предсказать этому свету еще более худшую судьбу. Поторопитесь, господа. Да, Рейневан, осторожнее с книгами.

– Буду осторожен.

Из аптеки выход вел во двор. Зеленый от мха колодец насыщал воздух нездоровой влажностью, ему активно помогал в этом осеняющий стену сучковатый куст черной бузины, вырастающий, казалось, не из земли, а из кучи подгнивших листьев. Куст прекрасно маскировал небольшую дверцу. Дверная коробка была почти целиком затянута паутиной. Толсто и густо. Было ясно, что сквозь эту дверь никто не проходил долгие годы.

– Иллюзия, – спокойно пояснил доктор Сватоплук, погружая руку в дебри паутины. – Иллюзорная магия. Впрочем, простая. Прямо-таки школьная.

Дверь, стоило ее толкнуть, отворилась внутрь – вместе с иллюзорной паутиной, выглядевшей после того, как дверь открыли, словно вырезанный ножом шмат толстого войлока. За дверью была винтовая лестница, ведущая вверх. Ступени были крутые и настолько узкие, что поднимающиеся по ним никак не могли избежать того, чтобы не испачкать плечи штукатуркой со стен. Через несколько минут подъема оказывались перед очередной дверью. Эту уже никому не хотелось маскировать.

За дверью была библиотека. Полная книг. Кроме книг, свитков, папирусов и нескольких странных экспонатов, там не было ничего. На большее не хватило места.

Кучи инкунабул лежали прямо-таки везде, невозможно было шага ступить, чтобы не споткнуться о что-нибудь вроде «*Summarium philosophicum*» Николаса Фламелья, «*Kitab al-Mansuri*» Разеса, «*De expositione specierum*» Мориенуса или «*De imagine mundi*» Гервазия из Тильбури. При каждом неосторожном шаге болезненно ранил щиколотку окованный угол переплета

произведения такого веса, как «*Semita recta*» Альберта Великого, «*Perxpectiva*» Уителона или «*Illustria miracula*» Цезаря из Хайстербаха. Достаточно было невнимательно задеть стеллаж, и на голову валилась, увлекая облака пыли, «*Philosophia de arte occulta*» Артефия, «*De universo*» Вильгельма из Оверни либо «*Opus de natura rerum*» Томаса из Кантимпре.

Во всем этом бедламе можно было случайно налететь на что-то, что не рекомендовалось трогать, не соблюдая надлежащей осторожности. Потому что случалось, что гримуары, трактаты о магии и списки заклинаний выделяли чары сами и самопроизвольно, достаточно было невнимательно тронуть, ударить, толкнуть – и несчастье тут как тут. Особенно опасен был в этом смысле «*Grand Grimoire*». Очень опасными могли оказаться также «*Aldaraia*» и «*Lemegeton*». Уже во время второго посещения «Под архангелом» Рейневану случалось сбросить с заваленного книгами и свитками стола толстенный томище, который оказался ни много ни мало «*Liber de Nyarlathotep*». В тот самый момент, когда древняя и липкая от жирной пыли инкунабула ударилась о пол, стены задрожали, и взорвались четыре из стоявших на шкафу банок с гомункулусами. Один гомункулус превратился в бесперую птицу, второй – во что-то вроде осьминога, третий – в пурпурного и агрессивного скорпиона, а четвертый – в миниатюрненького папу римского в торжественном облачении. Прежде чем кто-либо успел что-либо предпринять, все четверо превратились в зеленую отвратно воняющую мазь, причем карликовый папа еще успел выкрикнуть: «*Beati immaculati, Gthulhu fhtagn!*». Убирать пришлось чертовски много.

Инцидент развеселил большинство архангельских чародеев, однако некоторые не грешили чувством юмора, и Рейневан, мягко говоря, не вырос в их глазах. Но только один из магиков еще долго после случившегося смотрел на него волком и крепко давал ему почувствовать, что такое антипатия.

Этим последним был, как легко догадаться, библиотекарь, он же смотритель.

– Привет, Щепан!

Щепан из Драготуш, смотритель, оторвал глаза от богато иллюстрированных страниц «*Archidoxo magicum*» Аполония Тианского.

– Привет, Рейневан, – улыбнулся он. – Приятно снова тебя видеть. Давненько ты не заходил.

Крепко пришлось Рейневану потрудиться, чтобы после библиотечного происшествия оздоровить отношения со Щепаном из Драготуш. Но он сделал это, причем с результатом, превышающим все ожидания.

– А это, – библиотекарь почесал нос пальцами, грязными от пыли, – похоже, пан Шарлей, о котором я столько слышал? Приветствую, приветствую.

Происходивший из старинной моравской шляхты Щепан из Драготуш был юристом, августинцем и – разумеется – чернокнижником. С магами конгрегации «Архангела» знался давным-давно, еще с университета, но навсегда перебрался в аптекарский тайник лишь в 1420 году, после того, как его градчанский монастырь был разрушен и сожжен. В отличие от остальных магиков аптеку – вернее, библиотеку, – он не покидал почти никогда, в городе не бывал. Он был ходячим библиотечным каталогом, знал о каждой книге и каждую мог быстро отыскать – в условиях царящего в помещении хаоса это была способность просто неоценимая. Рейневан очень ценил дружбу с моравцем и проводил в библиотеке долгие часы. Его интересовали траволечение и фармацевтика, а книгохранилище «Архангела» в этом смысле было неоценимой кладезью знаний. Кроме травников, перечней лекарств, классических и знаменитых фармакопей авторства Диоскорида, Страбона, Авиценны, Хильдегарды из Бингена или Николая Пешеложного, библиотека скрывала истинные богатства. Была там «*Kitab sirr al Asar*» Гебера, была «*Sefer Ha-Mirkahot*» Шаббетая Донноло, были неизвестные произведения Маймонида, Хали, Апулея, Геррады из Ландсберга и другие *antidotaria*, *dispensatoria*, *ricettaria*, каких Рейневан

до того никогда не видел и о каких никогда не слышал. И сомневался, чтобы о них слыхали в университетах.

– Ладно. – Щепан из Драготуш закрыл книгу и встал. – Пошли в нижнюю комнату. Пожалуй, мы попадем в самое время, потому что, наверно, скоро будет конец. Вообще-то это довольно экстравагантно, начинать конъюрацию не в полночь, как делает каждый нормальный и уважающий себя чародей, а в первый час дня, но что ж... Не мне критиковать действия такого человека, как *valde venerandus et eximius*⁴⁶ Винцент Реффин Акслебен из Зальцбурга, живая легенда, ходячая слава и мэтр мэтров. Ха, действительно любопытствую, что мэтр мэтров будет делать с Самсоном.

– Он прибыл вчера?

– Вчера под вечер. Поел, выпил, поинтересовался, в чем мог бы нам помочь. Ну так мы представили ему Самсона. Недостижимый вскочил и собрался уходить, убежденный, что мы издеваемся над ним. Самсон использовал ту же самую штучку, что сыграл с нами в прошлом году: пожелал ему здоровья по-латыни, а повторил на койне⁴⁷. И по-арамейски. Надо было видеть мину почтенного мэтра Винцента! Но это подействовало так же, как некогда на нас. Почтенный Винцент Реффин взглянул на Самсона любопытнее и ласковее и даже улыбнулся. Настолько, насколько ему позволяли мускулы лица, перманентно застывшие в гримасе столь же угрюмой, сколь и пренебрежительной. Потом они вдвоем заперлись в *occultum*⁴⁸.

– Только вдвоем?

– Мэтр мэтров, – усмехнулся моравец, – экстравагантен и в этом. Больше всего почитает деликатность. Даже если это очень близко к бестактности, чтобы не сказать – издевке. Старый знахарь у нас здесь, зараза его возьми, оказался в качестве гостя. Мне это не мешает, я чихал на это, Бездиховский выше этого, но Фраундинст, Теггендорф, Телесма... Аккуратно говоря, взбесились. И от всего сердца желают Акслебену поражения. Мне кажется, их пожелание исполнится.

– То есть?

– Он совершает ту же ошибку, что и мы в Трех Королях. Помнишь, Рейнмар?

– Помню.

– Посему поспешим. Сюда, пан Шарлей.

Из библиотеки выход вел на галереи – по лестнице вниз на нижний этаж, где оказывались перед окованной железом дверью. Дверь была помечена рисунком: овалом, в котором размещался бронзовый змей Моисея, *serpens mercurialis*⁴⁹. Над змеем была изображена чаша, из которой вырастали Солнце и Луна. Ниже поблескивали литеры V.I.T.R.I.O.L., означающие *Visita Inferiora Terrae Rectificando Invenies Occultum Lapidem*, тайная трансмутирующая формула алхимиков.

Щепан из Драготуш дотронулся до двери, проговорил заклинание. Дверь с лязгом и скрежетом отворилась. Они вошли. Шарлей глубоко вздохнул.

– Недурно, – проворчал он, оглядываясь. – Недурно... Признаю.

– Я, – усмехнулся Рейневан, – в первый раз тоже был поражен. Потом привык.

В занимающей огромный винодельческий подвал алхимической лаборатории работа не прекращалась, всегда что-нибудь да происходило, независимо от того, было ли это в праздник, в пятницу или в воскресенье. Тут работали не покладая рук. Никогда не угасали печи

---

⁴⁶ Здесь: досточтимый, недостижимый (лат.).

⁴⁷ Койне – греческий язык, которым пользовались народы восточного средиземноморья.

⁴⁸ укромная (тайная, секретная и т. д.) комната (лат.).

⁴⁹ змей любви (лат.).

и атаноры⁵⁰, грея немилосердно, что было приятно зимней порой, да и летом тоже, если на улице холодало. В атанорах происходило кальцинирование и выпаривание, самые различнейшие вещества переходили от фазы *albedo* к фазе *nigredo*, выделяя при переходе чудовищную вонь. В колбах постоянно что-то фильтровалось, дистиллировалось или экстрагировалось, чему сопутствовали бурные эфervesценции⁵¹ и еще большая вонь. В огромных алюделях⁵² кислоты воздействовали на металлы, после чего металлы неблагородные трансмутировали в благородные, с лучшим или худшим эффектом. В тиглях кипел ртуть, то есть *argentum vivum*⁵³, плавилась в купелях сера, выделялась в ретортах нитра⁵⁴ и осаждалась соль, а испарения выжимали слезы из глаз. Что-то там растворялось, что-то сублимировалось, во все стороны брызгала кислота, проедавая дыры в страницах лежащих на столах бесценных экземпляров «*De quinta essentia*» Раймонда Луллия, «*Speculum alchemiae*» Роджера Бэкона и «*Theatrum chemicum*» Арнольда Виллановы. На полу стояли, ужасно воняя, котлы, наполненные *caput mortuum*⁵⁵.

Обычно – также и тогда, когда Сватоплук Фраундинст привел сюда Рейневана в первый раз – в лаборатории работали по меньшей мере три или четыре алхимика. Сегодня – исключение! – был только один.

– День добрый, мэтр Эдлингер!

– Пожалуйста, не подходите, – проворчал алхимик, не отрывая глаз от большой колбы, стоящей на подогреваемом песке. – В любой момент может взорваться!

С Эдлингером Бремом, лицензиатом из Гейдельберга, познакомился в Майнце, пригласил и привез в Глубчицы князь Вацлав, сын Пжемка Опавского. Какое-то время мэтр Эдлингер знакомил юного князя с алхимической теорией и практикой. У Вацлава – как у многих современных ему княжеских отпрысков – был бзик на пунктике алхимии и философского камня, поэтому Брем жил в пышности и благополучии до тех пор, пока на него не обратила особого внимания Инквизиция. Когда в глубчицком воздухе запахло костром, алхимик сбежал в Пражский университет, где его застала буря 1419 года. Выделяющемуся, чужому, не говорящему по-чешски немцу наверняка выпали бы на долю тяжкие времена. Но с ним познакомилась и спасли магии из «Архангела».

Эдлингер Брем схватил колбу железными клещами и влил кипящую синюю жидкость в чашу, полную чего-то, что напоминало лягушачью икру. Зашипело, задымилось, чудовищно засмердело.

– *Sakradonnerwetterhimmelkreuzalleluja!*⁵⁶ – Было ясно, что алхимик ожидал гораздо лучшего эффекта. – *Eine total zkurvene Sache! Scheisse, Scheisse und noch einmal Scheisse!*⁵⁷ Вы еще здесь? Я занят! Ага, понимаю... Идете посмотреть, как у Акслебена получилось с Самсоном?

– Именно так, – подтвердил Щепан из Драготуш. – Идем. А ты – нет?

– В принципе... – Эдлингер Брем вытер руки о тряпку; взором, полным сожаления, глянул на чашу дымящейся икры. – В принципе-то могу пойти. Здесь меня уже ничто не держит.

В глубине алхимической лаборатории, в скромном уголке за скромной занавесью, прятались дверцы. Для непосвященного – если б таковой когда-либо ухитрился сюда проникнуть – это был чуланчик, забитый горшками, ящиками, бочонками и бутылками. Посвященные поворачивали скрытый в одном из бочонков рычаг, проговаривали заклинание, и стена отодвига-

⁵⁰ Перегонные кубы.

⁵¹ Выделения (от «эфир») (лат.) – бульканье.

⁵² Открытый с двух сторон глиняный горшок в форме груши.

⁵³ ртуть (живое серебро).

⁵⁴ Селитра.

⁵⁵ Дословно: «голова трупы» – осадок после алхимических процессов (лат.).

⁵⁶ Полубессмысленный набор немецких ругательств, представляющий собой нанизывание слов на одну нить (нем.).

⁵⁷ Примерно то же, но с другим «набором» (нем.).

лась, являя взорам темное отверстие, из которого несло могилой. Во всяком случае, таким было впечатление при первом посещении.

Эдлингер Брем магически зажег магический фонарь, пошел первым. Щепан из Драготуш, Рейневан и Шарлей вошли следом, вступили на ступени лестницы, спиралью извивающейся вдоль стен мрачной и, казалось, бездонной шахты. Снизу несло холодом. И влагой.

Щепан из Драготуш повернулся.

– Помнишь, Рейневан?.. Тогда мы очутились // В подземных, незнакомых мне местах // Куда лучи дневные не пробились...⁵⁸

– Самсон Медок, – тут же догадался Шарлей, – то есть я хотел сказать Данте Алигьери, «Божественная комедия». Любимое поэтическое произведение нашего друга.

– Несомненно, – улыбнулся моравец, – любимое. Ибо очень часто повторяемое. Здесь, на этих ступенях, вашему другу вспоминалась не одна цитата из *Inferno*⁵⁹. Ты, ваша милость, как вижу, хорошо знаешь его с этой стороны.

– Я узнал бы его по этому на краю света.

По лестнице они спускались неглубоко, всего на два этажа, шахта была гораздо глубже, ступени скрывались в черном мраке, из которого долетал плеск воды. Естественная пещера, история которой терялась в глубине веков, достигала уровня Влтавы. Кто и когда обнаружил пещеру, кто и для чего ее использовал, чьей собственностью было стоящее здесь на протяжении веков маскирующее вход строение – не знал никто. Многие указывало на кельтов – стены пещеры были покрыты полустершимися, заросшими мхом рельефами и изображениями, среди которых преобладали характерные мистерии, перепутавшиеся орнаменты и заполненные извивающимися линиями круги. Тут и там появлялись не менее характерные кабаны, олени, кони и рогатые человеческие фигуры.

Эдлингер Брем толкнул массивную дверь. Они вошли.

В подземной комнате, именуемой «нижняя», за накрытым столом сидели остальные маги «Архангела» – Сватоплук Фраундинст, Радим Тврдик, Йошт Дун, Вальтер фон Теггендорф. А также Ян Бездеховский из Бездехова.

Йошт Дун, по прозвищу Телесма, был, как и Щепан из Драготуш, некогда монахом – это выдавали волосы, торчащие после того, как тонзура отросла, бестолково, прядями над ушами, из-за чего обладатель прически немного напоминал филина. Из того, что Рейневан знал о нем, Телесма с юных лет занимался тем, что *ora et labora*⁶⁰ в монастыре бенедиктинцев в Опатовицах, там же вступил в первые контакты с тайными науками. Потом учился в Гейдельберге, где совершенствовал магические знания. Он был абсолютным авторитетом, когда речь шла о талисманах, как в области теоретических знаний предмета, так и в практическом изготовлении амулетов. Он составлял также вполне удачные гороскопы, которые продавал различным лжепророкам, превдоастрологам и какбыворожеем, неплохо на этом зарабатывая. Наряду с поступлениями от аптеки заработка Йошта Дуна составляли основной источник доходов конгрегации.

Немолодой уже Вальтер фон Теггендорф проходил курс наук в Вене, Болонье, Коимбре и Саламанке, имел *facultas docendi*⁶¹ во всех этих учебных заведениях. Его отличало огромное, прямо-таки благоговейное отношение к медицине, алхимии и арабской магии, особенно к Геберу и Алькинди или, как говорил он сам, к Мусе Зафару эль Суфи Аль Джабиру и Йа'кубу ибн Саббаху аль Кинди. Увлечения Теггендорфа нашли выход в его подходе в проблеме Сам-

⁵⁸ Данте Алигьери. «Божественная комедия». «Ад», песнь тридцать четвертая. Перевод Д. Минаева.

⁵⁹ Ада (лат.) (имеется в виду «Божественная комедия»).

⁶⁰ молился и работал (лат.).

⁶¹ право преподавать (лат.).

сона. По его мнению, всему виной были джинны. Самсон в его теперешнем обличье, утверждал он, является маджуном, то есть человеком, в тело которого более могущественный джинн заключил – в качестве наказания – побежденного меньшего джинна. Против таких «заключений», заявил немецкий чародей, способов не существует. Единственное, что можно сделать, это «культурно» вести себя и ожидать высвобождения.

*Reverendissimus doctor*⁶² Ян Бездеховский из Бездехова был самым старшим, самым опытным и самым решительным из чернокнижников «Архангела». Мало кто знал о нем что-нибудь ближе, сам он о себе говорить не любил и не говорил. Лет ему было – что уже само по себе граничило с чудом и свидетельствовало о весьма недюжинных магических силах – не меньше семидесяти, поскольку было известно, что он преподавал в Сорбонне во время правления Карла V Мудрого, умершего в 1380 году, а в соответствии с положением университетский преподаватель не мог быть моложе двадцати одного года. Среди заведений, в которых он обучался и в которых обучал, наверняка были Париж, Падуа, Монпелье и Прага – и этими четырьмя списком скорее всего не исчерпывался. Ходил слух, что в Праге Бездеховский ввязался в серьезный спор и резкую частную перепалку с ректором, знаменитым Яном Шинделем. Истоки конфликта, о котором Рейневан слышал уже во время учебы в академии, известны не были, однако это стало причиной ухода Бездеховского из университета и разрыва всех контактов с ним. После 1427 года Бездеховский просто исчез. Все ломали себе головы, пытаясь узнать, куда он подевался. Рейневан ломал тоже. А теперь уже знал.

– Привет, юноша, – сказал Бездеховский. Один он из всего общества не называл Рейневана по имени. – Приветствую и тебя, пан Шарлей, слава твоя тебя опередила. Дошло до нас, что ты уже второй год сидишь у таборитов. Как там, на войне? Что слышно?

Ян Бездеховский единственный из сообщества не интересовался политикой. Военные события, которыми жила вся Прага, тоже были старику безразличны. Спрашивал он исключительно из вежливости.

– Ну что ж, на войне все хорошо, – вежливо ответил Шарлей. – Наши быют ненаших. Я хотел сказать: хорошие быют плохих. Иначе говоря, Порядок побеждает Хаос. А бог, стало быть, ликует.

– Ах, ах, – обрадовался пожилой чародей. – Это воистину прекрасно! Садись со мной, пан Шарлей, расскажи...

Рейневан подсел к остальным магам. Радик Тврдик налил ему вина, судя по букету – испанского алиготе.

– Как дела? – спросил Щепан из Драготуш, движением головы указывая на закрытую дверь, ведущую в *Occultum*, залы дивинаций⁶³ и конъюраций. – Есть результаты? Или хотя бы знаки на небе и земле?

Сватоплук Фраундинст фыркнул. Телесма тоже, причем не оторвал глаз от тщательно полируемого пастой талисмана.

– *Herr Meister* Акслебен, – сказал Теггендорф, – предпочитает работать в одиночестве. Он не любит, когда к нему заглядывают через плечо. Он тщательно оберегает свои таинственные методы.

– Даже от тех, у кого гостит, – кисло прокомментировал Фраундинст. – Тем самым показывая, кем их считает. Ворюгами, угрожающими его секретам. Не иначе как перед сном прячет под подушку кошель и туфли, чтобы мы их не сперли.

– Он начал на восходе солнца, – заметил Радим Тврдик, видя, что Рейневана больше интересует Самсон Медок, чем мнение собравшихся о Акслебене. – Действительно, он – один на один с объектом, то бишь с Самсоном. Он не хотел помощи, хоть мы предлагали. Не просил

⁶² Наипочтеннейший доктор (лат.).

⁶³ Дивинация – магия «угадывающая».

ни о чем, ни об инструментах, ни о кадиле, ни об *aspergillum*⁶⁴. Вероятно, у него есть какой-то могучий артефакт.

– Или правда то, – добавил Брем, – что говорят о *Manusfortis*⁶⁵.

– Мы его не недооцениваем, – заверил Телесма. – Ведь, несмотря ни на что, это Винцент Акслебен, *magnus experi-mentator et nigromanticus*⁶⁶. В знаниях магии у него недостатка наверняка нет. Это гроссмейстер. Так что он вправе быть несколько экстравагантным.

– Какое трудное слово, – поморщился Фраундинст. – В Малой Шмедаве, моем селе, таких, как Акслебен, не называли экстравагантными. А говорили прямо, просто и обыкновенно: зазнавшийся, надутый.

– Идеальных людей не бывает, – констатировал Теггендорф. – Винцент Акслебен – человек. А то, что методы работы у него странные? Ну что ж, посмотрим, как оправдаются такие методы. Узнаем и оценим, как велит Писание: *ex fructibus eorum*⁶⁷.

– Побьюсь об заклад, – не сдавался Сватоплук, – фрукты эти будут кислые и неудачные. Кто хочет поспорить?

– Я – точно нет, – пожал плечами Щепан из Драготуш. – Потому что не снимают виноград с терновника или с чертополоха фиг⁶⁸. У Акслебена ничего не получится с Самсоном, результат будет такой же, как у нас в «Трех Царях». То есть никакой. Акслебена погубит то же, что погубило нас: спесь и тщеславие.

* * *

На железной треноге тлеело и испускало тонкую струйку дыма фумигационное кадило – классическая, рекомендуемая большинством справочников смесь алое и мускатного ореха. Самсон, погруженный в транс, лежал на большом дубовом столе. Он был совершенно гол, на его огромном, почти безволосом теле виднелись различные чародейские и каббалистические знаки, выписанные магическим инкаустом из цинобра, алуна и куперваса⁶⁹. Он лежал так, чтобы голова, руки и ноги касались соответствующих точек на Кругу Соломона – гербайских литер Ламед, Вав, Йод, Каф и Нун. Окружали его девять черных свечей, мисочка с солью и чаша с водой.

Стоящие на противоположных углах стола Теггендорф и Брем, оба в свободных церемониальных одеяниях, читали вполголоса требуемые псалмы. Сейчас они оканчивали *Esse quam bonum*⁷⁰ и начинали *Dominus inluminatio mea*⁷¹.

Бездеховский приблизился. На нем было белое одеяние и длинный, в локоть, острокопечный, покрытый иероглифами колпак. Он держал *athame*: обоюдоострый кинжал с рукоятью из слоновой кости, абсолютно необходимый при гоэции⁷² реквизит.

– *Athame*, – громко проговорил он. – Ты, коий есть Атанатос, не знающий смерти, и коий есть *Al-dhame*, знак крови! *Conjuro te cito mihi obedire! Hodomos! Helon, Heon, Homonoreum! Dominus inluminatio mea et salus mea, quem timebo? Dominus protector vitae meae a quo trepidabo?*

Бездеховский поочередно коснулся острием *athame* пламени, воды и соли.

⁶⁴ особая смесь для опрыскивания (см. дальше).

⁶⁵ Рука Силы.

⁶⁶ великий экспериментатор и чернокнижник (лат.).

⁶⁷ по плодам их (познаете их). Матфей, 7:16,20.

⁶⁸ Там же.

⁶⁹ чернила из киновари, квасцов.

⁷⁰ Псалом 132.

⁷¹ Псалом 26.

⁷² колдовство, волшебство.

– Заклинаю тебя, – проговаривал он всякий раз, – Сущность Огня, во имя Силы: да отойдет от тебя призрак и фантом ночной. Заклинаю тебя, Сущность Воды, во имя Силы, изринь из себя нечистость и пороки всяческие. Во имя Силы, во имя Амбриеля и Эгесатиеля, будь благословенна, Сущность Соли, да покинет тебя злая воля демонов. И да возвернется на ее место добро Творца...

Ассистирующий старцу Сватоплук Фраундинст приблизился, подал ему *arctrave*, нож, оканчивающийся крюком. Бездеховский проделал им в воздухе четыре ритуальные движения.

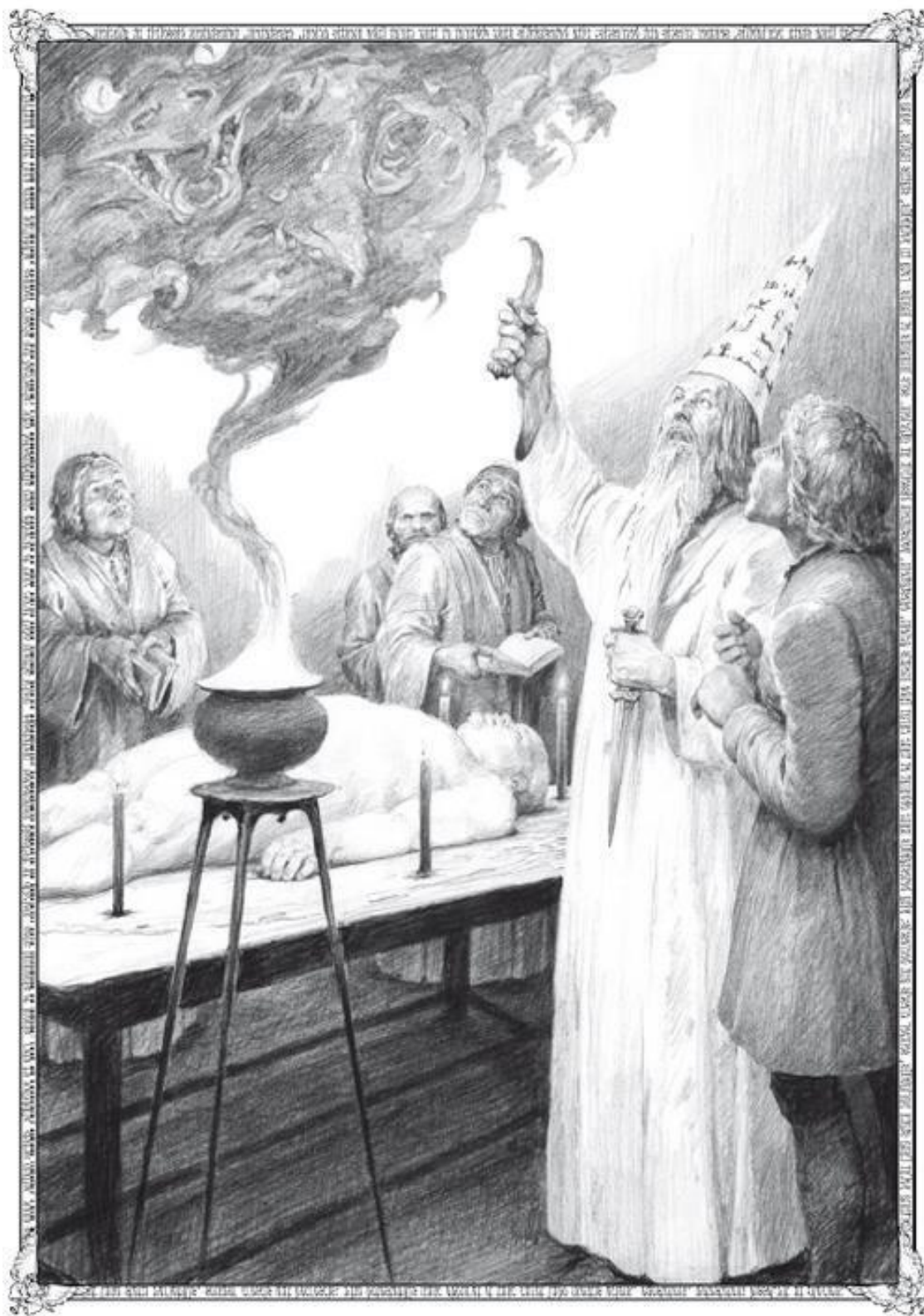
– Всеми именами Бога, Адонаи, Эль, Элоим, Элоэ, Зебаоф, Элион, Эскерзис, Йах, Тетраграмматон, Садаи, приказываем вам, демоны, кружащие здесь и пребывающие в своем астральном виде, встать пред нами в приличном, человеческом обличье, не искаженном никакой деформацией или чудовищностью, способными к речи складной и разумной, способными отвечать на вопросы, кои будут вам заданы. Прибудьте и будьте нам послушны, приказываю вам именами Даниеля, Гедиеля и Фесдониеля, именами Кларимума, Хабданума и Инглотума! Прибудьте!

Разумеется, ничего не случилось, никто не прибыл и никто не явился. Но на этом этапе конъюрации такое было скорее всего нормально.

– *Ego vos invoco arctrave et invocando vos conjure per eum cui obediunt omnes creaturae, et per hoc nomen ineffabile, Tetragrammaton Jehovah, in quo est plasmatum omne saeculum, quo audito elementa corruunt, ar concutitur, mare retrograditur, ignis extinguitur, terra tremit, omnesque exercitus Coelestium, Terrestrium et Infernorum tremunt et turbantur!*

– *Venite, venite, quid tardatis? Imperat vobis Rex regum!* Титеип, Азия, Ген, Джен, Миносель, Ахадан, Вай, Эй, Хаа, Эйе, Эксе, Эль, Эль, Ва, Ваа, Вааааа!

По мере произнесения заклинаний голос мага крепчал, уходил во все более высокие регистры, под конец это уже был почти вой, нечеловеческий, противоестественный визг. Воздух ощутимо дрожал, свечи начали искрить и пригасли. Неожиданно запахло зверинцем, повеяло смрадом гниения и львиной мочи. Мрак, заполнивший комнату, сгустился, принял какую-то форму, вздулся словно кучевое облако. Внутри облака что-то шевелилось, переливалось, извивалось, словно угри в мешке, словно клубок змей. Рейневан видел, как в этом клубке неожиданно загорелись кроваво-красные глаза, как защелкали страшные зубатые пасти, как замаячили чудовищные физиономии. Его изумление быстро начало сменяться паникой. Не только от страха перед этой кошмарной чудовищностью. Но и от мысли, что Самсона действительно может с ней что-то связывать.

Но Ян Бездеховский из Бездехова – несомненно – был могущественным магом, держал проблему под контролем. От силы его заклинания посыпалась штукатурка с потолка, огни свечей сменили цвет на красный, потом на синий. Раздался рык и гул, ужасающий шлейф превратился в антрацитово-черный шар, поверхность которого, казалось, поглощает свет. После

следующего заклинания шар со свистом исчез. Лежащий на столе Самсон Медок напрягся, задрожал. А потом ослаб и лежал неподвижно.

– Именем Кратареса, – проговорил Бездеховский. – Именем Капителя! Призываю тебя, существо, говори, кто ты есть. Правдиво и без лживости говори, кто и что ты!

Тело Самсона снова сильно задрожало.

– *Verum, sine mendacio, certum et verissimum*, – проговорил его немного измененный голос. – *Quod est inferius est sicut quod est superius, et quod est superius est sicut quod est inferius, ad perpetranda Miracula Rei Unius*.

Сидящий около Рейневана Радим Тврдик громко вдохнул. Щепан из Драготуш выругался себе под нос.

– Это, – пояснил он шепотом, видя вопрошающий взгляд Тврдика, – это *Tabura Smaragdina*. Он говорит словами Гермеса Трисмегиста. Словно... Словно...

– Словно насмехается над нами, – шепотом докончил Йошт Дун.

– Именем Альфагора, – воздел руки Ян Бездеховский. – Именем Бедримубала! *Per signum Domini Tau!* ⁷³ Кто ты? Говори! Где истина?

– Отделяй землю от огня, – почти немедленно ответил голос Самсона. – С величайшим тщанием отделяй то, что... от того, что густо. А Сила воздымет тебя с земли в небо, после чего вновь опустит на землю и примет в себя силы всех существ высших и низших. И тогда охватит тебя благодать этого света. А всяческая тьма бежит тебя.

– Вазотас, Замарат, Катипа! – закричал Бездеховский. – Астрошио, Абедумабал, Асаф! Говори! Призываю тебя говорить!

Долгое время стояла тишина, прерываемая исключительно потрескиванием свечей.

– *Completum est...* – раздался наконец спокойный голос Самсона. – *Completum est quod dixi de Operatione Solis*.

Не помогли ни заклинания именем Бога, не помог ни Астрошио, ни Абедумабал. Не помогли ритуальные жесты, проделываемые над Самсоном с помощью *athame* и *arctrave*. Не помогли кадильные суфумигации. Не помог аспергиллум из вербены, барвинка, шалфея, мяты и розмарина. Бессильными оказались равно Большой, как и Малый Ключи Соломона, не лучше сработали Энхиридрион и «*Grand Grimoire*». Магия чуть не взорвала строение, но Самсон больше уже не произнес ни слова.

Чародеи «Архангела» прикинулись, что не разочарованы этим фактом, говорили, дескать, это ничего не значит, мол, первый блин всегда комом и что еще будет видно. Ян Бездеховский, которому труднее всех было изображать равнодушие, смог только вспомнить несколько подобных случаев смены личности – в частности, речь шла о *casus'e* Поппо фон Остерна, великого магистра Ордена Крестоносцев. Повеяло пессимизмом, поскольку в том случае все манипуляции прусских чародеев окончились ничем: Поппо фон Остерн до конца жизни, до самой смерти в 1256 году, был «другим» – о чем, впрочем, никто не сожалел, истинный Поппо был тем еще сукиным сыном.

Теггендорф не расстроился, *infortunium*⁷⁴ приписывал обычному невезению, ссылаясь на Алькинди и неутомимо болтал о шайтанах, гулях, джиннах и ифритах. Фраундинст и Эдлингер Брем винули *dies egiptiaci*, неудачные египетские дни, к которым, по их мнению, относилась памятная пятница тридцать первого августа, день экзорцизмов в силезском монастыре бенедиктинцев. Тогда, говорили они, скверная «египетская» аура исказила экзорцизм и его эффекты, из-за этого все стало крайне нетипичным, и обратить это будет сложно. Телесма в

⁷³ Знаком Божьего креста! (лат.)

⁷⁴ неудача (лат.).

свою очередь считал, что ничего не получится без талисманов, и обещал изготовить соответствующие образцы. Радим Тврдик, пока его не отругали, болтал что-то о големах и шемах⁷⁵.

Щепан из Драготуш же раскритиковал *in tota* принятую магиками стратегию и тактику. Ошибка, утверждал он, не столько в методе, ибо он вторичен, сколько в цели, которую они себе поставили. При простой и не подлежащей обсуждению предпосылке, что личность и дух Самсона Медка были неведомой силой перетрансплантированы в тело глуповатого верзилы, усилия должны быть направлены в сторону обращения процесса, иными словами – обнаружение действующего фактора, поскольку *nihil fit sine causa*⁷⁶. Обнаружив оную *causa efficiens*⁷⁷, удастся, быть может, процесс обратить. А что делают маги «Архангела»? Концентрируются на попытках развеять тайну, раскрыть секрет, который сам Самсон явным образом выдать не хочет либо не может. Пытаясь понять, кто – или что – такое есть Самсон, чародеи стремятся удовлетворить собственное любопытство и тщету, поступая как лекари, диагностирующие и исследующие загадочную болезнь ради самого познания, совершенно не учитывая состояние больного и нисколько не сочувствуя человеку, затронутому этой болезнью.

Магики обрушились и накричали на моравца. Прежде чем приступить к лечению, воспользовались они метафорой, необходимо глубоко распознать болезнь. «*Scire*, – цитировали они Аристотеля, – *est causam rei cognoscere*»⁷⁸. То, кем – либо чем – в действительности является Самсон, есть ключевой элемент. И – используя медицинские сравнения – секрет и инкогнито Самсона есть не только проявления, но и сам *nexus*, само ядро, сама сущность болезни, если болезнь должна быть вылечена, секрет надлежит раскрыть.

И его раскрывали. С жаром и пылом. И без видимого результата.

Тем временем Самсон успел подружиться со всеми магиками «Архангела». С Яном Бездеховским он часами дискутировал о Боге и Природе. С Эдлингером Бремом целыми днями стоял у реторт и перегонных аппаратов со словами «*Solve et coagula*»⁷⁹ на устах. С Теггендорфом обсуждал теории арабских хакимов и еврейских кабалистов. Со Щепаном из Драготуш просиживал над незнакомыми и крепко поврежденными манускриптами Пьера ди Абано и Кекка д'Асколи. С Йоштом Дуном изготавливал талисманы, которые затем оба испытывали в городе. С Радимом Тврдиком ходил к Влтаве за илом для изготовления големов. Для Бенеша Кейвала делал – как придурок – интервенционные закупки в конкурирующих аптеках.

Со всеми играл в карты, пил и пел.

Чародеи полюбили Самсона Медка. Рейневан не мог отделаться от мысли, что полюбили настолько сильно, что запустили в ход процессы, которые могли бы привести к расставанию с ним.

Двери, ведущие в *occultum*, раскрылись, и оттуда вышел Винцент Реффин Акслебен. Подобрал фалды черного одеяния, сел за стол, одним духом выпил фужер аликанте. Сидел в тишине и молчании, сам тоже не произнес ни слова. Он был бледен и потен, пот прилепил ему редкие волосы к темени и щеке.

Винцент Реффин Акслебен гостил в Праге проездом. Из Зальцбурга, где жил, он направлялся в Краков с серией лекций в тамошней Академии. Из Кракова чародей намеревался ехать в Гданьск, оттуда же через Крулевец⁸⁰ в Ригу, Дерпт и Парну. Из того, что слышал Рейне-

⁷⁵ Шем – бумажка с магическим словом, которую, если верить одной из версий легенды, пражский раввин вложил в рот голема, чтобы его оживить.

⁷⁶ ничто не происходит без причины (*лат.*).

⁷⁷ действующая (движущая) причина (*лат.*).

⁷⁸ Знать и понимать – равносильно познанию причин (Аристотель, «Вторые аналитики»).

⁷⁹ «Растворять и сгущать» – основные алхимические действия: превращение твердой материи в жидкую (растворением в жидкости) и жидкой в твердую (выпариванием).

⁸⁰ Кенигсберг.

ван, последним пунктом путешествия Акслебена была Уппсала. Слышал он и другое. То, что Акслебен, хоть был он чародеем зажиточным, способным и знаменитым, не пользовался уважением, поскольку занимался неодобряемой многими некромантией и демономантией, а игры с трупами и злыми духами принесли ему во многих кругах общественный бойкот. Сплетни приписывали ему знание и умение пользоваться «*Manusfortis*», Рукой Силы, невероятно сильной чарой, которую можно было бросить одним движением руки. Слухи превращали Акслебена в одного из главарей и основного идеолога восточноевропейских вальденсов и сторонников учения Йоахима Флорского, связывали с ломбардской Стрегерией. Известны были также весьма близкие связи Акслебена с Братством Свободного Духа – чернокнижников «Архангела» весьма удивляло, что во время пребывания в Праге Акслебен пользовался гостеприимством у них, а не в доме «Под черной розой», тайной пражской резиденцией Братства. Одни приписывали это дружеским отношением Акслебена с Яном Бездеховским. Другие подозревали, что некромант проворачивает какое-то собственное дельце.

– О том, – Акслебен поднял наконец голову, повел по собравшимся взглядом, – чтобы вы отдали мне вашего Самсона навсегда, не может быть и речи, так?

Рейневан уже собрался ответить как можно резче, но его удержал тычок Шарлея. Некромант этого даже не заметил, ответ, казалось, он искал исключительно в глазах и лице Яна Бездеховского. Увидев ответ, поморщился.

– Ну ясно, понимаю. А жаль. Я б охотно с этим... субъектом еще побеседовал. Начитанный субъект... И очень любопытный. С прекрасной речью. Очень остроумный. Очень, очень остроумный.

– Браво, Самсон, – шепнул Фраундинст.

– Он его попотчевал, – шепнул Телесма, – Изумрудной Скрижалю...

– Вы не поверите, – Акслебен решил сделать вид, будто шепотков не слышал, – узнав, что он сказал мне, когда спал. Именно поэтому я сохраняю это для себя, зачем болтать, если вы все равно не поверите. Скажу только, что, будучи в трансе, он дал мне несколько советов. Некоторыми я действительно попытаюсь воспользоваться, посмотрим, что из этого получится.

– Эрудит и полиглот с физиономией дебила, – продолжил он немного погодя, когда покончил с аликанте. – Он угостил меня – кроме всего прочего – длинной цитатой из «Божественной комедии». Напомнил, чтобы я не поддавался искушениям и суетности. Чтобы помнил, что все есть суета сует и ни одна провинность не останется безнаказанной. Хотя из чародеев Данте и встречает в Раю Альберта Великого⁸¹, но Микеле Скотто, Гвидо Бонатти, Азденте⁸², наказанные за некромантию, пребывают в Четвертом Рву Злых Щелей Восьмого Круга Ада.

Они стенают там и рыдают, истекают бурными слезами, а сатана, претворяя в жизнь предписанные муки, сворачивает им шеи и головы задом наперед, поэтому слезы стекают у них по задницам, между ягодицами, милая перспектива, а? А декламировал мне это, надо добавить, ваш Самсон с чистейшим тосканским акцентом.

Щепан Драготуш и Шарлей обменялись усмешками и многозначительными взглядами. Акслебен покосился на них обведенными кругами глазами, дал Тврдику знак, что ему снова можно наполнить кубок.

– В какой-то момент, – заявил он, – у меня мелькнула мысль: а что, если это дьявол? Само воплощение дьявола? Ха, не говорите, что у вас не возникала такая мыслишка. Ведь это истинно дьявольский фокус, прямо из учебника: обжечь, одурачить, обмануть видимостью. *Diabolus potest*, как говорят классики, *sensum hominis exteriorem immutare et illudere*⁸³. Он

⁸¹ Альберт из Колоньи (Кельна) – Альберт фон Больштедт, немецкий богослов и философ.

⁸² Микеле Скотто – астролог XIII в., Гвидо Бонатти – астролог XIII в., Азденте – сапожник-предсказатель.

⁸³ Дьявол может внешние органы человека преобразить и обмануть (лат.).

может сделать это различными способами, например, преобразовав сам орган чувств, то есть наш глаз, примешав что-либо в глазное вещество, из-за чего предмет, на который мы смотрим, мы видим таким, каким того хочет демон. Об этом писали много лет назад Бонаventura, Пселл, Петр Ломбардский, писал Вителон, писал Николай Большой из Явора, не помешало бы вспомнить произведения перечисленных.

– Болван, – шепнул Фраундист.

Акслебен снова сделал вид, что не слышит.

– Однако я утверждаю, – он подчеркнул свои слова ударом пальца по столу, – что мы здесь не имеем дела со случаем демонической одержимости. Вмешательство демонов в человеческую жизнь возможно и случается довольно часто. Мы видели достаточно, чтобы в этом не сомневаться. Но это явление, согласное с волей Творца, который допускает его *ad gloriae sue ostensionem vel ad peccati poenitentiam sive ad peccantis correccionem sive ad nostram erudicionem*⁸⁴. Сам по себе демон не является исполнителем. Демон это *incentor, excitator, impellator*, пособник, возбудитель, стимулятор, он усиливает спящее в нас зло и подталкивает на злые деяния нашу грешную натуру. А я... я, – закончил он, – не нахожу ничего злого в человеке, которого вы поручили мне исследовать. В нем, я знаю, это звучит смешно, нет даже признаков, крупиц зла. Впрочем, я вижу по вашим лицам, что вы и сами пришли к такому же выводу. И вижу четко выписанное еще одно: колоссальное желание, чтобы я признал свое поражение. Признал себя побежденным. Согласился с тем, что ничего не добился. Да, признаюсь: я потерпел поражение, я ничего не добился. Вы удовлетворены? Прекрасно. Тогда пойдемте в какую-нибудь корчму. Я проголодался. С последнего посещения Праги я только и мечтаю, что о здешних кнедликах и капусте... Что у вас за мины такие? Я знал, что вас обрадует мое поражение.

– Да что вы, мэтр Винцент, – неискренне улыбнулся Фраундинст. – Нас беспокоит другое. Если вы были не в состоянии понять сущности явления...

– Кто сказал, – выпрямился некромант, – что был не в состоянии? Был и понял.

Позитивный перисприг, – сказал он, натешившись полной напряжением и ожидания тишиной. – Вам о чем-нибудь это говорит? Впрочем, я напрасно спрашиваю. Наверняка говорит. О том, что существует нечто такое, как перисприг циркуляционный, вы также наверняка слышали. Все это достаточно хорошо описано в специальных книгах, в которые я искренне вам советую заглянуть. Советую, – продолжал Акслебен, которого несколько не расстроили ненавидящие взгляды чародеев «Архангела», – изучить случай Поппо фон Остерна, великого магистра Ордена Девы Марии Немецкого Дома. Как столь же подобный, более того, идентичный по своей природе *casus* Люциллии, дочери Марка Аврелия. Возможно, вы помните? Нет? Ну так припомните. С этим вашим... Самсоном приключилось то же, что с Люциллией и Поппоном. Сущность явления – позитивный перисприг и перисприг циркуляционный. Именно так. Я это знаю. К сожалению, знания оказалось недостаточно. Я ничего с этим поделать не могу. То есть не смог и не смогу помочь вашему Самсону. Пошли обедать.

– Если вы не смогли, – прищурился Щепан из Драготуш, – тогда кто же сможет?

– Рупилиус Силезец, – незамедлительно ответил Акслебен. – И никто больше.

– Так он, – прервал довольно смущенное молчание Теггендорф, – еще жив?

– И вообще существует? – шепнул Телесме Тврдик.

– Жив. И является наивеличайшим живым специалистом по проблемам, касающимся астральных тел и бытий. Если кто-то и может здесь помочь, так только он. Пошли обедать. Да... Совсем было забыл...

Некромант отыскал глазами Рейневана, глянул ему в глаза.

– Ты – его друг, юноша, – отметил он, а не спросил. – Тебя зовут Рейневан.

Рейневан сглотнул, подтвердил кивком головы.

⁸⁴ для демонстрации своей власти, для покаяния за грехи, для исправления грешных либо для нашего поучения (лат.).

– Будучи в трансе, этот Самсон вещал, – бесстрастно проговорил Акслебен. – Вещание было несколько раз повторено, четко, внятно, подробно. Касалось именно тебя. Ты должен остерегаться Бабы и Девы. Так складывается, – некромант приморозил взглядом насмешливые ухмылки Шарлея и Тврдика, – так складывается, что я знаю, в чем дело. Баба и Дева – две знаменитые башни. Не менее знаменитого замка Троски в Подкарконошах. Берегись замка Троски, юноша по имени Рейневан.

– По счастливой случайности, – выдавил с трудом Рейневан, – я не собираюсь ехать в те края.

– Случайностью является нечто иное, – бросил через плечо Акслебен, направляясь к двери. – То, что Рупилиус Силезец, единственная особа, которая, по моему мнению, может помочь твоему Самсону, уже добрых десять лет проживает в Чехии. И как раз в замке Троски.

Глава четвертая,

в которой под Колином бомбарды ишарят и грохочут, а планы рождаются, одни великие, другие поменьше, одни более, другие менее утопические и фантастические – но что в действительности является утопией и фантазией, покажет лишь время.

– Брат Прокоп! Брат Прокоп! Бомбарда остыла! Жиганем еще раз?

Мужчина, к которому обратился с вопросом старший над пушками, был стройным и плечистым. Румяное лицо с простыми чертами, нос картошкой и пышные черные усы делали его крестьянином, довольным урожаем.

Рейневан уже видывал этого мужчину. Несколько раз. И всегда с интересом его разглядывал.

До революции Прокоп был священником, говорили, что родом он из Праги, из семьи староградских патрициев. К гуситам он примкнул сразу после дефенестрации, но до 1425 года был всего лишь одним из многих таборитских проповедников, среди которых выделялся не только рассудительностью, хладнокровием и терпимостью, но и тем, что вопреки велениям гуситской литургии не носил апостольской бороды и каждое утро педантично брился, хотя только свои знаменитые усы. Именно из-за этого бритья он и получил прозвище Голый. После смерти Богуслава из Швамберка Прокопа совершенно неожиданно избрали верховным гейтманом, главнокомандующим Табора и высшим Исполнителем – так переводили титул *director operationum Thaboritarum*. Вскоре после назначения Прокоп обрел и второе прозвище: Великий. И дело было не только в его росте. Прокоп оказался действительно великим вождем и стратегом, что доказывали его эффектные победы под Усти, под Цветтлем⁸⁵, под Таховом и Стжибром. Звезда Прокопа Голого светила ярко.

– Брат Прокоп! – напомнил о себе бомбардир. – Жиганем?

Прокоп Голый взглянул на стены и башни Колина, прекрасно сочетающиеся с красными черепицами крыш и осенней колористикой листьев окружающих лесов и зарослей.

– И что вам так, – ответил он вопросом, – приспичило с этим жиганием? Разрушением? Это чешский город, Господи прости! Погодите еще немного, вот пойдем на соседние края, там постреляете вдоволь да поразрушаете. А Колин мне нужен целый и малоповрежденный. Таким мы его и возьмем.

Колин, совсем так, словно хотел выразить несогласие и неудовольствие, ответил. Со стен гроыхнуло, гукнуло, на крепостных стенах расцвели дымы, засвистели каменные шары. Все зарылись в землю в каких-нибудь двадцати шагах от валов первой линии осады. Окруженный в Колине Дзивиш Божек из Милетинка давал знать, что у него все еще нет недостатка ни в порохе, ни в желании драться.

---

⁸⁵ Местность в Австрии.

– Пана Дзивиша Божка, – опередил вопрос Прокоп, – мы заставим сдаться. И примем город без разрушений, без резни после штурма, без разграбления. Чтобы колинские жители возлюбили брата Гертвика, который вскоре будет здесь гейтманом.

Окружающие Прокопа гуситские командиры залились хохотом. Рейневан знал многих из них. Не всех. Не знал он Яна Гертвика из Рушинова, назначенного уже, как оказалось, гейтманом Колина. Из других сирот он уже встречал Яна Краловца из Градка. Йиру из Жечицы, в светловолосом и широко улыбающемся гиганте угадывал Яна Колду из Жампах. Из руководителей Табора узнавал Ярослава из Буковины, Якоба Кромешина, Отика из Лозы, Яна Блеха из Тешницы.

– Поэтому, – Прокоп выпрямился, осмотрелся, чтобы было ясно, что обращается он не только к пушкарю, но и к остальным, – поэтому прошу не торопить меня, не вырываться вперед, пороха не тратить...

– А просто так вот стоять? – спросил с явным неудовольствием Ян Колда. – Под этими стенами? В бездействии?

– Кто сказал, – Прокоп оперся о частокол, – бездействии? Брат Ярослав?

– Слушаюсь!

– Флю... То есть брат Неплах наконец прислал своих стенторов⁸⁶.

– Прислал, – подтвердил Ярослав из буковины. – Десятерых. Ух и страшные же мордасы... Водкой и луком несет от них так, что и большого мужика свалит. Но голоса – ну прям колокола...

– Так пусть идут к стенам и кричат. Днем и ночью. Особливо ночью, ночью это действует лучше всего. У пана Божка есть дети в Колине?

– Дочка.

– Пусть побольше орут об этой дочке. А ты, брат Колда, поскольку не любишь бездействие...

– Что прикажешь?

– Возьмешь своих конников, объедешь села по этой и по той стороне Лабы. Еще раз протрубишь по всему району, что если кто попытается доставить городу пропитание, то тяжело пожалеет. Если схватим хотя бы с одной лепешкой, хотя бы с мешочком крупы – обе руки и обе ноги долой.

– Слушаюсь, брат Прокоп!

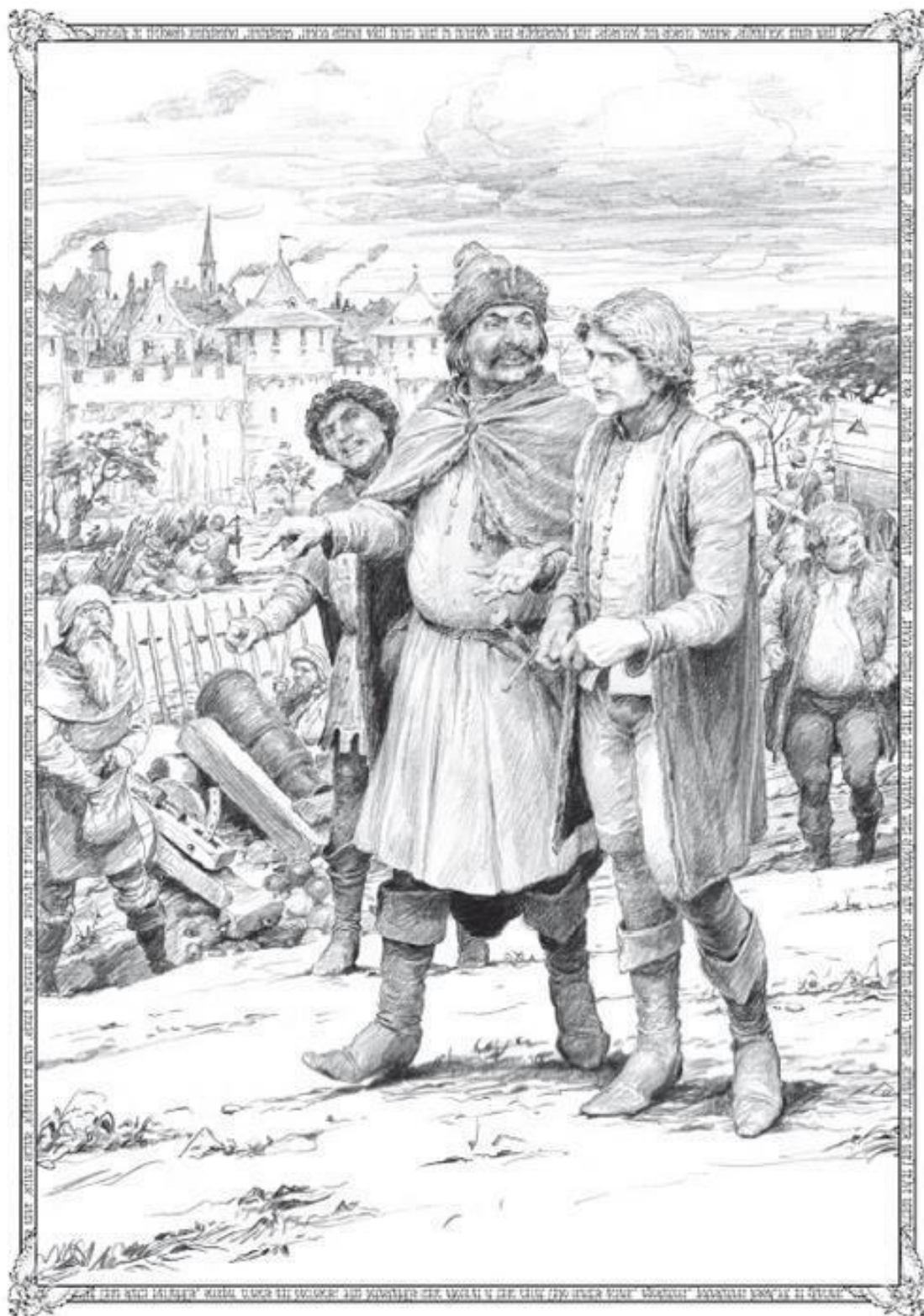
– Тогда – за дело. По подразделениям, больше никого не задерживаю... А ты, брат, почему все еще здесь?

– Жахнуть бы, – простонал старший под пушкой, – из большой бомбарды... Хоть бы еще разок... Перед вечерней...

– Знал я, – вздохнул Прокоп, – что не удержишься. Ладно. Но сначала пойдем со мной, осмотрю я твоё хозяйство. Поглядим, как и на что пушки направлены. Привет, Шарлей. Приветствую и тебя, брат Беява. Пошли со мной. Уделю вам немного времени.

---

⁸⁶ Стенторы – у Гомера герольды греческих войск.

Рейневан пытался вспомнить, откуда взялось это знакомство. Прокоп Голый и Шарлей узнали друг друга при первой же встрече, в масленицу 1426 года, в городе Нимбурк, куда отослали команду из Градца Кралове. Как знать, не спасло ли это всем им шкуру; вынюхивающие всюду шпионов и провокаторов вначале градецкие, а потом нимбуркские Божьи войны становились все более подозрительными и все менее симпатичными. Ссылки на Петерлина и Горна не помогали, оказывается, Петерлин и Горн были настолько секретными сотрудниками, что

их имена мало кому что-нибудь говорили и защиты не давали. Неизвестно, что было бы, если б не явился Прокоп. На шею Шарлею он не кинулся, чересчур многословно не приветствовал, но было ясно, что эти двое знакомы. Откуда, оставалось тайной – ни один не торопился с объяснениями и откровениями. Было известно, что Прокоп обучался в Каролинуме⁸⁷, ездил в заграничные учебные заведения. Рейневан полагал, что он познакомился с Шарлеем во время одной из таких поездок.

Они пошли – Рейневан, Шарлей и Самсон – за Прокопом и пушкарем вдоль линии рвов, частоколов и фашинных преград. Прокоп контролировал бомбарды и мортиры, разговаривал с пушкарями и щитоносцами, похлопывал по плечам арбалетчиков, простецки шутил у костров с цепниками, выспрашивал алебардников, нет ли у них в чем потребности. Нашел время заговорить с хлопочущими у котлов женщинами, отведал солдатской каши, не упустил возможности вздохнуть чубы крутящихся у кухни ребят. Скромно поднимал руки, когда Божьи воины начинали рукоплескать в его честь.

Это длилось достаточно долго. Но и о них Прокоп не забыл.

Они вернулись в пригород.

Прокопова армия подтянулась к Колину неожиданно быстро, не оставив обитателям пригорода много времени, они успели спастись бегством за городские стены буквально с тем, что успели схватить в руки, оставив таборитам и сиротам значительные запасы пищи, много инвентаря и к тому же хаты с почти всем содержимым. Поэтому неудивительно, что именно здесь возник главный лагерь Божьих воинов, окруженный валом из телег и загородью для лошадей. Между халупами и клетями пылали многочисленные костры, звенели молоты в кузницах, стучали молотки в мастерских колесников. На веревках сушилась одежда. Визжали кони, блеяли овцы. Воняли выгребные ямы.

– А так вообще-то зачем ты, брат Беява, сюда приехал?

Рейневан украдкой вздохнул. Такого вопроса он ожидал.

Решение поехать в замок Троски принял Рейневан. Принял он его довольно спонтанно, надо сказать, с колоссальным и горячим, словно юная вдова, энтузиазмом. Энтузиазм этот и стихийность не очень-то пришлись по вкусу магикам из «Архангела», особенно Фраундинсту и Щепану из Драготуш. Оба подвергли сомнению и сообщения Акслебена о легендарных способностях легендарного Рупилиуса Силезца. Акслебен, утверждали они, фантазирует, чтобы отвлечь внимание от своего компрометирующего поражения в деле Самсона. Рупилиуса Силезца в замке Троски, вероятнее всего, нет. А если б даже Рупилиус Силезец в замке Троски случайно и оказался, то шанс, что он согласится помочь, равен нулю: по примерным подсчетам, Рупилиусу Силезцу уже стукнуло лет девяносто. Чего ж ожидать от такого старого хрыча?

Однако сторону Рейневана принял Телесма. Телесма слышал о Рупилиусе Силезце, когда-то даже мимолетно встречался с ним, подтвержденной и проверенной уже полвека назад считал его квалификацию в области спиритизма и астральных бытий. Испробовать, заявил он, не мешает. Для Самсона Медка поездка в Троски – это шанс, который следует использовать, причем поскорее. У Рупилиуса, и верно, уже девять десятков годков позади. А в таком возрасте известно: простудишься, чихнешь, пукнешь и не знаешь, когда перенесешься в астральное бытие.

Телесму поддержал Бездеховский. Престарелый чернокнижник о Рупилиусе не только слышал, но и познакомился с ним лично много лет назад в Падуе. Рупилиус, предполагал он, вполне может помочь Самсону. Однако неизвестно, захочет ли, потому что в Падуе он был известен как наглый и несговорчивый засранец.

⁸⁷ Карловом университете.

Довольно скептически и холодно, как ни странно, отнесся к проекту сам Самсон. Самсон не участвовал в дискуссии, а если и участвовал, то весьма инертно. Не высказывался ни за, ни против. По большей части молчал. Но Рейневан знал его уже достаточно хорошо. Самсон просто-напросто не верил в успех поездки. Когда он в конце концов согласился, Рейневан не мог отделаться от ощущения, что сделал это исключительно из вежливости.

Оставался Шарлей. Мнение Шарлея о мероприятии Рейневан знал еще до того, как спросил его. Но спросил. Ради проформы.

– Это обычный идиотизм, – спокойно заявил Шарлей. – Кроме того, это начинает напоминать мне Силезию двухлетней давности, полную запала одиссею с госпожой Аделью. Поездка в Троски походит на столь же продуманную и осуществляется точно так же. И я уже очами души моей вижу ее результат. Похоже, ты никогда не поумнеешь, Рейнмар. У нас, как ты утверждаешь, – продолжал он немного тише и серьезней, – обязанности перед Самсоном, мы ему кое-что должны. Возможно, и так, не возражаю. Однако жизнь остается жизнью, а основной закон жизни рекомендует забыть о таких долгах, вычеркнуть их из памяти. Жизнь отличается, в частности, тем, что своя рубашка ближе к телу.

Помогать ближним, конечно, неплохо, но не за свой собственный счет. Мы, я утверждаю, сделали для Самсона достаточно, подвернется случай – сделаем больше. А случай подвернется, я уверен, рано или поздно, достаточно присесть и терпеливо подождать. Так что давай подождем случая. Зачем его искать, получая при этом шишки? Давай думать о собственной рубашке, Рейнмар, и о своем теле, ибо это самое важное. А на что ты собираешься выставить наши тела, парень? Куда собираешься нас вести? Продолжается заваруха, война, пожары, хаос, беспорядок и беззаконие. Неподходящее время для сумасбродных экспедиций. Без подготовки вдобавок.

– Так вот ты ошибаешься, – возразил Рейневан. – Я совершенно не согласен с тобой. И не только относительно циничных жизненных законов и отнюдь не в отношении того, что считать в жизни самым важным. Я не согласен с твоей оценкой ситуации. Ибо время не только благоприятствует поездке, но и подгоняет. Подъештедь и Йичинское Погорье захвачены нашими войсками, немногочисленные католические хозяйчики в этом районе напуганы, их мораль надломлена поражением крестоносцев под Таховом. Они сейчас словно окуранные пчелы. Поэтому если отправляться, то именно сейчас, прежде чем они очухаются и снова сумеют жалить. Что ты на это скажешь?

– Ничего.

– А вот в отношении подготовки ты прав. Давай подготовимся. Что ты предлагаешь?

Шарлей вдохнул.

Рейневан и Самсон выехали из Праги десятого ноября, в пришедшее в этом году на пятницу поминание святого Гереона и его спутников-мучеников. Город они покинули ранним утром. Когда пересекали Пожичские Ворота, из-за туч выглянуло солнце, залил сказочным светом играющие блеском Витков и Шпитальское Поле. Радующую сердце картину Рейневан счел добрым предзнаменованием.

Ни он, ни Самсон не чувствовали себя уж слишком хорошо. У обоих за спиной было многословное и зашедшее глубоко за полночь прощание с магами из аптеки «Под архангелом». Рейневан вздыхал и вертелся в седле – ему досталось дополнительно свершить прощальную церемонию с пани Блаженной Поспихаловой.

Они направлялись к Колину, с середины сентября осажденному Табором, сиротами и пражанами. Осадой командовал Прокоп Голый. В армии Прокопа Голого был Шарлей. Прощедший после расставания с ними месяц Шарлей должен был использовать для приготовления экспедиции. Он утверждал, что имеет такую возможность. Рейневан верил. У Шарлея были и возможности, и средства. Демерит не скрывал – больше того, ему случалось даже похвастаться,

что он борется в таборитской полевой армии ради трофеев и обогащения и что у него уже много чего отложено по разным тайникам.

Солнце скрылось за надвигающимися с севера черными тучами. Сделалось мрачно и грустно. Прямо-таки зловеще.

Рейневан решил, что приметы – предрассудок.

* * *

Казалось, Прокоп не слушает. Но это только казалось.

– Дать отпуск брату Шарлею, – повторил он. – В военное время освободить от службы в армии? Ради твоих личных дел, брат Беява? Иными словами, сначала – личное, а обязанности перед родиной и Богом – потом. Так?

Рейневан не ответил. Только громко сглотнул. Прокоп хмыкнул.

– Согласен. Даю согласие. Поводов к тому три, – продолжал он, явно тешась их изумлением. – Во-первых, брат Шарлей служит в рядах Табора уже больше года и отпуск заслужил. Во-вторых, брат Неплах сообщил мне о твоих заслугах, брат Беява. Ты самоотверженно преследовал врагов нашего дела, кажется, геройски боролся с бунтарями в Праге шестого августа. Лечил раненых, не пил, не ел и не спал. Это, несомненно, заслуживает награды. А в-третьих, и самое главное...

Он замолчал, обернулся. Они уже были около амбара, служившего сейчас главной квартирой и резиденцией штаба осады.

– О третьем и самом главном вы узнаете позже, мы еще вернемся к этому. А сейчас у меня другие дела. Впрочем, вы узнаете какие. Услышите, поскольку я оставляю вас при себе.

– Брат...

– Это приказ. Пошли. А ваш слуга... О, я уже вижу, чем он занялся. Это хорошо. Не помешает.

Самсон Медок, как всегда, делая вид, что ничего не слышит и не понимает, уселся у стены амбара, достал складной нож и принялся стругать найденный колышек. Самсон часто стругал колышки. Во-первых, он выяснил, что это работа в самый раз для идиота, каким он многим кажется. Во-вторых, говорил он, выстругивание колышков успокаивает, положительно влияет на нервную систему и систему пищеварения. В-третьих, толковал он, резание дерева помогает ему в то время, когда он вынужден прислушиваться к спорам о политике и религии, поскольку аромат свежих стружек смягчает приступы тошноты.

Они вошли в амбар, в большое помещение, которое, хотя оно уже некоторое время тому назад было выбрано под штаб, все еще по-прежнему приятно пахло зерном. Внутри, за столом, ожидали два человека, склонившихся над картами. Один был небольшой и тощий, одетый в черное по моде гуситских священнослужителей. Второй, более молодой, в рыцарской одежде, был более могучего телосложения и светловолос. Его немного херувимоватое, а немного суровое утомленное лицо приводило на мысль фламандские миниатюры из «*Tres riches heures du duc de Berry*»⁸⁸.

– Наконец-то, – сказал маленький, черный. – Мы уже немного заждались, брат Прокоп.

– Дела, брат Прокоп.

В отличие от своего тезки второй Прокоп носил бороду, правда, скупую, неряшливую и более смешную. Из-за роста его также наделили прозвищем – называли Прокопом Малым либо Прокоупеком. Вначале простой проповедник меж прочих проповедников, он выделился среди гуситов – точнее, сирот, – после смерти Яна Жижки из Троцнова. Вместе с градецким

---

⁸⁸ Знаменитая книга, выполненная по заказу известного библиофила, князя Жана де Берри в 1410–1416 годах, содержащая, кроме библейских композиций, прекрасный «календарь», изображающий 12 месяцев.

Амброжем Прокоупек был у смертного одра Жижки, а свидетелей последних минут своего обожаемого вождя сироты почитали чуть ли не святыми, бывало, перед ними опускались на колени и целовали подол одежды, случалось, что матери приносили к ним температуривших детей. Уважение выдвинуло Прокоупека на должность главного духовного вождя – так что он занимался у сирот тем же, чем Прокоп Голый в Таборе до того, как занял положение Исполнителя.

– Дела, – повторил Прокоп Большой, указывая, в общем, в сторону осажденного города. Его слова сопровождал мощный гул, стены задрожали, с потолка посыпалась пыль. Старший пушкарь наконец-то громыхнул из своей двухсотфунтовой бомбарды. Это означало одновременно покой до утра – такая бомбарда после выстрела должна была остывать минимум шесть часов.

– Прости, брат, что заставил ждать. И ты, брат Вышек.

Вышека Рачинского Рейневан встречал уже раньше, под Усти, в коннице Яна Рогача из Дубе. Путь поляка к гуситам был нетипичен – Вышек появился в Праге в 1421 году в качестве посланника литовского князя Витольда, на службе у которого состоял. В посольстве речь шла, как сегодня уже известно, о короне для Корибутовича. Рачинскому понравилась чешская революция, тем более после встречи с Жижкой, Рогачем и таборитами, которые пришлось поляку по вкусу гораздо больше, чем умеренные каликстинцы, с которыми он обсуждал Витольдово послание. Рачинский мигом примкнул к таборитам, а с Рогачем их связала искренняя дружба.

По данному Прокопом знаку все расселись вокруг заваленного картами стола. Рейневан чувствовал себя неловко, понимая, сколь чужеродным телом он является в собравшейся за столом компании. Его самочувствие отнюдь не улучшала бесцеремонная развязность Шарлея, всегда и везде чувствовавшего себя как дома. Не помогал и тот факт, что Прокоупек и Рачинский без оговорок принимали их присутствие. Они были к этому привычны. У Прокопа под рукой всегда были всякой масти разведчики, послы, эмиссары и люди для специальных и даже очень специальных поручений.

– Осада не будет краткосрочной, – прервал молчание Прокоп Голый. – Мы сидим под Колином с Крестовоздвиженья⁸⁹, и я буду считать успехом, если город сдастся до адвента⁹⁰. Может случиться и так, брат Вышек, что, вернувшись из Польши, ты еще застанешь меня здесь. Когда отправляешься?

– Завтра на рассвете. Через Одры, потом через Чешин в Затор.

– Ехать не боишься? Сейчас в Польше не только Олесьницкий, а любой старостишка может тебя в яму посадить. По законам, которые объявил Ягелло. В результате болезни живота, вероятно.

Все, в том числе и Рейневан, знали, в чем дело. С апреля 1424 года в Польском королевстве действовал велуньский эдикт, изданный под нажимом епископа Олесьницкого, Люксембургца и папских легатов. Эдикт – хоть в нем не было ни имени Гуса, ни слова «гуситы» – говорил, однако, *expressis verbis*⁹¹ о Чехии как о территории, «зараженной ересью», запрещал полякам торговать с Чехией и вообще выезжать в Чехию. Тем же, кто там пребывал, приказывал немедленно вернуться. Непослушных ждала инфамия⁹² и конфискация имущества. Сверх того в отношении кацеров⁹³ эдикт принципиально изменил правовую квалификацию – из отступления, ранее каравшегося в Польше церковными судами, еретизм превратился в пре-

⁸⁹ 14 сентября.

⁹⁰ Рождественский пост.

⁹¹ совершенно четко (*лат.*).

⁹² Лишение чести по суду.

⁹³ Кацер (*нем.* Ketzer) – название, даваемое католиками отступникам от официальной доктрины церкви, в основном в период Реформации (использовалось наряду со словом «еретик»).

ступление против королевства и короля, в *crimen laesae maiestatis*⁹⁴ и государственную измену. Такое определение охватило преследованием и наказанием за кацерство и весь государственный аппарат, а для признанных виновными означало смертный приговор.

Чехов, естественно, это обозлило – Польшу они считали братской страной, а тут вместо ожидаемого общего фронта против «немчуры» такое оскорбление, вместо фронта – афронт. Однако большинство понимало побуждения Ягеллы и правила запутанной игры, которую он вынужден был вести. Вскоре стало ясно, что эдикт был грозным исключительно по букве – и буквами кончался. Именно поэтому, когда чех говорил «велуньский эдикт», он многозначительно подмигивал или издевательски похмыкивал. Как Прокоп сейчас.

– Это ничего, стоит крестоносцам за Дрвенцу двинуться, Ягелло тут же о своем шумном эдикте забудет. Ибо знает, если придется помощь против немцев просить, то скорее всего не у Рима.

– Угу, – ответил Рачинский. – Факт, не возражаю. Но чтобы я не боялся, тоже не скажу. Еду, правда, тайно. Но вы сами знаете, как там с новым законом: каждый тут же наперегонки бежит, каждый хочет похвалиться энтузиазмом, выскочить и проявиться, а вдруг оценят и продвинут. Так что у Збышка Олесьницкого на услугах целая армия доносителей. А у того Йенджея Мышки, епископского викария, у этого паршивца и сукина сына, нос как у пса, и он им словно пес вынюхивает, нет ли рядом с королем Владиславом какого-нито гусита... Простите, я хотел сказать...

– Ты хотел сказать «какого-нито гусита», – холодно оборвал Прокоп. – Не будем прятать голову в песок.

– Верно... Но я к королю скорее всего не приближусь. В Заторе встречу с Яном Мэнжи-ком из Домбровы, партизаном нашего дела, мы вместе поедем до Песчаной Скалы, там тайно встретимся с господином Петром Шафранцем, краковским подкоморным. А Петр относится к нам доброжелательно, передаст Владиславу послание.

– Ну, ну, – задумчиво проговорил Прокоп, крутя ус. – Самому Ягелле сейчас не до послов. У него теперь другие заботы.

Присутствующие обменялись многозначительными взглядами. Знали, в чем дело, известие разошлось быстро и широко. Королеву Сонку, жену Ягеллы, обвинили в вероломстве и людоедстве. Спустила с поводка свой супружний стыд по меньшей мере с семью рыцарями. По Кракову шли аресты и следствия, а Ягелло, обычно спокойный, тоже разбушевался.

– Огромная на тебе, брат Вышек, лежит ответственность. До сих пор наши посольства в Польшу кончались скверно. Достаточно вспомнить Гинка из Колыштейна. Поэтому первым делом передай, прошу, господину Шафранцу, что если король Владислав позволит, то вскоре в Вавель поклониться его величеству прибудет чешское посольство, во главе которого буду лично я. Самое главное в твоей миссии – подготовить мою. Так и скажешь: ты являешься моим полномочным послом.

Вышек Рачинский поклонился.

– На твое решение и понимание оставляю, – продолжал Прокоп Голый, – с кем еще ты в Польше поговоришь, с кем сблизись. Кого выспросишь. Потому что ты должен знать, что я еще не решил, к кому со своим посольством направлюсь. Хотел бы к Ягелле. Но при неблагоприятных обстоятельствах не исключаю Витольда.

Рачинский открыл рот, но смолчал.

– С князем Витольдом, – проговорил Прокоупек, – у нас один путь. Одинаковые у нас планы.

– В чем одинаковые?

– Чехия от моря до моря. Такая у нас программа.

---

⁹⁴ оскорбление достоинства величества (лат.).

Лицо Вышка явно говорило о многом, потому что Прокоупек тут же поспешил пояснить.

– Бранденбургия, – заявил он, тыча пальцем в карту. – Эта земля искони принадлежала Чешской Короне. Люксембурги просто уступили Бранденбургию Гогенцоллернам, так что вполне можно этот торг признать недействительным. Зигмунта Люксембуржца мы не признали королем, не признаем и его гешефты. Отберем то, что нам принадлежит. А если немчура воспротивится, то отправимся туда с телегами и по заднице их отлупим.

– Понимаю, – сказал Рачинский. Но выражение его лица почти не изменилось. Прокоупек это видел.

– Получив Бранденбургия, – продолжал он, – возьмемся за Орден, за Крестоносцев. Отгоним проклятых тевтонцев от Балтики. И вот оно – море. Не так, что ли?

– А Польша? – холодно спросил Вышек.

– Польше, – спокойно включился Прокоп Голый, – Балтика не нужна, это стало видно по Грюнвальду. И видно было по Мельненскому миру⁹⁵. Это так же четко видно по теперешней политике Ягеллы, вернее, Витольда, потому что Ягелло... Что делать, это неприятно, но такова жизнь, каждый из нас когда-нибудь впадет в детство. А что касается интересов Витольда, то они – на востоке, а не на севере. Поэтому мы возьмем себе Балтику, ибо... Как ты это говоришь, Шарлей?

– *Res nullius cedit primo occupanti* ⁹⁶.

– Ясно, – кивнул головой Вышек. – Итак, одно море уже есть. А второе?

– Разобьем турок, – пожал плечами Прокоупек, – вот вам и Черное море. Чехия станет морской державой, и все тут.

– Как видишь, брат Вышек, – улыбнувшись, подхватил Прокоп Голый, – мы народ надежный. Нам со всеми по пути, да и с нами всем удобно и выгодно. Ягеллу мы обезопасим от ордена, Витольду предоставим свободу рук на востоке. Пусть завоевывает и захватывает там что захочет, хоть Москву, хоть Новгород Великий и Переяславль Рязанский. Папе тоже будет неплохо, если мы уничтожим крестоносцев, чересчур уж разбушевавшихся и гордых, реализуем пророчество святой Бригитты, на сей раз полностью и до конца. А когда возьмемся за турок, то Отец Святой тоже скорее обрадуется, чем будет недоволен, правда? Как ты думаешь?

Вышек Рачинский придержал свои мысли при себе.

– Передать все это, – спросил он, – Шафранцу?

– Брат Вышек, – посерьезнел Прокоп. – Ты прекрасно знаешь, что надо передать. Ты же наш человек, истинный христианин, причастие принимаешь из Чаши, как и мы. Но ты поляк и патриот, поэтому делай так, чтобы Польша тоже выгадала. Ведь крестоносцы – постоянная угроза для Польши, Грюнвальд не очень помог, Тевтонский орден по-прежнему висит над вами словно дамоклов меч. Если король Владислав прислушается к папским жалобам и мольбам, присоединится к крестовому походу, вышлет на нас польское войско, то и крестоносцы тут же с севера ударят. Ударят брандербужцы и силезские князья. И Польше – конец. Конец Польше, брат Вышек.

– Король Владислав знает об этом, – ответил Рачинский. – И не думаю, чтобы он присоединился к крестовому походу. Однако польский король не может в открытую пойти против папы. И без того множатся пасквили, и без того Мальборк⁹⁷ нашептывает, что, мол, Ягелло язычник и идолопоклонник в душе, что с язычниками якшается, что с дьяволом в сговоре. Так что польский король стремится к миру. К согласию между Чехией и Римом. А Рим к такому согласию почти готов...

---

⁹⁵ Мир, заключенный 22.09.1422 г., лишил поляков выхода к морю.

⁹⁶ Ничья вещь становится собственностью первого овладевшего ею (лат.).

⁹⁷ Город-крепость на территории тогдашней Восточной Пруссии (теперь – в Польше).

– Готов, готов, – съязвил поляк. – Если бы папа мог вас... то есть нас взять под меч и огонь, то взял бы. Отсекали бы головы, мучили, конями топтали, живьем сжигали, топили и при этом воспевали бы *Gloria in excelsis*⁹⁸. С нами сделали бы то же, что с альбигойцами, заявили бы, что это во славу Божью. Но оказалось, что не могут. Силенок маловато. Поэтому согласны на переговоры.

– Знаю я, чего они хотят, – презрительно фыркнул Прокоупек. – Но мы-то почему должны хотеть? Ведь не они нас, а мы их по заднице лупим.

– Брат, – Рачинский воздел руки в жесте отчаяния, – брат, ты повторяешь мне то, что я и сам знаю. Позволь я скажу тебе, что знает польский король Владислав. Что знает каждый христианский король в христианской Европе. Пока что церковь владеет миром и держит два меча: духовный и светский. Проще сказать: именно у папы вся светская власть, а у короля в руках всего лишь доверенность. Еще проще: королевство Чешское не будет королевством до тех пор, пока папа не утвердит чешского короля. Только тогда наступит мир и порядок, а Чехия вернется в Европу как христианское королевство.

– В Европу? То есть в Рим? Хорошо, вернемся, но не ценой потери суверенности! И нашей религии! наших христианских ценностей! Сначала Рим, то есть Европа, должна принять христианские ценности. Кратко говоря, должна воспринять истинную веру. Иначе говоря: нашу. Итак, *primo*: Европа должна одобрить и принять причастие из Чаши. *Secundo*: должна присягнуть четырем пражским догмам. *Tertio*...

– Скорее всего, – Рачинский не стал дожидаться *tertio*, – сомневаюсь, чтобы Европа пошла на это. Не говоря уж о папе.

– Вот увидим, – взъерепенился Прокоупек. – Сколько отсюда до Рима? Миль двести? Самое большее за месяц дойдем. Тогда и поговорим! Как увидит римский антихрист наши телеги за Тибром, так хвост подожмет.

– Спокойно, спокойно, брат. – Прокоп Голый уперся кулаком в стол. – Мы за мир, ты забыл? Наш ученый брат Петр Хелчицкий учит, что ничто не может оправдать пятого завета. «Не убий» – свято и ненаруσιμο. Мы не хотим войны и готовы на переговоры.

– Эта готовность, – сказал Рачинский, – обрадует польского короля.

– Я думаю. Но пусть Рим так-то уж голову не задирает, не лезет на пьедестал, не болтает о двух мечах. Ибо нам, истинным чехам, трудно, брат Вышек, принять, что плодящиеся в последнее время как кролики папы, – законные наместники Бога на Земле, и что два меча держат хорошие и праведные руки. Потому что в последнее время что ни папа, то все большая дрянь. Если не кретин, так вор, если не вор, так мерзавец, если не мерзавец, то пьянчуга, распутник. А порой все вместе взятое. При всей моей доброй воле я, хоть и послушен как овечка, таким пастырям послушным не буду, таких главой Церкви не признаю, всевластия таких не приму, пусть мне хоть сто Константиновых даров покажут. Мэтр Ян Гус учил, что не может быть истинным наследником апостола Петра папа, живущий по законам, противным Петру. Такой папа является викарием не Бога, а Иуды Искаротиота. Поэтому, вместо того чтобы слушать, его надо за шиворот хватать и с амвона сбрасывать, привилегий лишать и имущество отбирать. И так – начиная с Ватикана и до каждого деревенского прихода.

– Говоришь, брат Вышек, что *curia Romana* охотно бы чехов как заблудших сынов с прощением приветствовала, вновь зачислила в ряды европейского христианского сообщества? И мы этого хотим. Но сначала пусть они изменяют свои обычаи и веру. На истинную. Какой мэтр Виклиф и мэтр Гус научали. Ибо истинная вера, вера апостольская, согласная с буквой Библии, это та, которую исповедуем мы. Европейское *christianitas* хочет видеть нас в своем лоне? Так пусть сначала это лоно очистит.

---

⁹⁸ «Слава в вышних...» (лат.).

Есть такие люди, как Петр Хельчицкий, как Микулаш из Пелgrimова, как твой родственник, Павел Владковиц, защищающие свободу совести. Дай Бог, обратится римская церковь, поняв свои ошибки, именно к этим людям. Дай Бог, послушает их учение.

– А не послушает учения, – закончил с холодной усмешкой Прокоупек, – так послушается наших цепов.

Молчание длилось долго. Прервал его Вышек Рачинский.

– Все это, – сказал он, а не спросил, – я должен передать Шафранцу. Вы этого хотите?

– Если б не хотел, – подкрутил ус Прокоп, – то разве б стал говорить?

Перед амбаром Рачинского ожидал Ян Рогач из Дубе, известный чаславский гейтман. С конным эскортом.

Поляк запрыгнул в седло, взял у слуги доху. Тогда к нему подошел Прокоп.

– Бывай, брат Вышек, – он протянул руку, – да води тебя Бог. И передай, пожалуйста, через Шафранца королю Владиславу от меня пожелания здоровья. Чтобы ему везло... счастье...

– ...в супружестве с Сонкой, – осклабился Прокоупек, но Голый осадил его резким взглядом.

– Чтобы ему счастливилось на охоте, – закончил он. – Знаю, он любит охотиться. Однако пусть будет внимательным. Ему семьдесят семь лет. В таком возрасте легко застудиться и умереть.

Рачинский поклонился, чмокнул коню. Вскоре они уже ехали рысью к переправе через Лабу, он и Ян Рогач из Дубе. Два друга, соратника, товарищи по оружию. Впереди у них, Рогача и Вышка, поляка и чеха, было еще много битв, столкновений и стычек, во время которых они будут биться плечом к плечу. И вместе умрут – в один день, на одном эшафоте, чудовищно замученные, потом повешенные. Но тогда никто не мог этого предвидеть.

Большая бомбарда к утру остыла, а полный энтузиазма пушкарь не упустил возможности грохотнуть из нее точно на восходе солнца. Гул и сотрясение грунта были такими, что Рейневан свалился с высоких нар, на которых спал. А мелкая солома и пыль сыпались с потолка еще не меньше трех пачечей.

Следом за огромной бомбардой, как за матерью, пошли бомбарды поменьше, мечущие цетнарные и полуетнарные шары.

Гудело. Грунт дрожал. Разбуженный Рейневан пытался вспомнить сон, а вспоминать было что: ему опять снилась Николетта, Катажина фон Биберштайн. В деталях.

Орудия грохотали. Осада продолжалась.

Третью и основную причину своего согласия на отпуск Шарлея Прокоп сообщил им около полудня. У них тут же испортилось настроение.

– Вы нужны мне будете в Силезии. Оба. Я хочу, чтобы вы туда вернулись. В августе, – продолжал Прокоп, не обращая внимания на их мины и не ожидая ответа, – в августе, когда мы сопротивлялись крестовому походу под Стжибром, вроцлавский епископ очередной раз всадил нам нож в спину. Войско епископа и силезских князей, традиционно поддерживаемое Альбрехтом Колдицем и Путой из Частоловиц, снова ударило на Находско. Снова там рекой лилась чешская кровь, снова пожар уничтожал дома и крестьянские дворы. Снова творили неопишемые зверства.

Уже не меньше года по Силезии идет волна страшного террора. Всюду пылают костры. Ужасно измывается немчура над нашими братьями славянами. Мы не можем спокойно взирать на это. Отправимся в Силезию с братской помощью. С мирной и стабилизирующей миссией.

Однако такую миссию, – Прокоп по-прежнему не давал им слова сказать, – необходимо подготовить. И в этом будет состоять ваша задача. Когда вы покончите с личными делами, теми, на которые я великодушно дал согласие, вы отправитесь к Белой Горе, к брату Неплаху. Брат Неплах подготовит вас к заданию. Которое вы, я не сомневаюсь, выполните с великой самоотверженностью во имя Бога, веры и отчизны. Как и пристало Божьим воинам... Ты, Шарлей, хочешь что-то сказать, я вижу. Говори.

– В Силезии, – откашлялся Шарлей, – нас знают. Мы – люди известные.

– Знаю.

– Нас там знают многие. Многие затаили на нас злость. Многие хотели бы видеть нас мертвыми.

– Это хорошо. Это гарантия, что вы будете действовать осторожно и обдуманно.

– Инквизиция...

– И не предадите. Конец дискуссии, Шарлей. Конец болтовне! Вы получили приказ. У вас есть задача, которую вы должны выполнить. А теперь идите и заканчивайте свои личные дела. Выполните, советую, все и тщательно. Ваша задача, согласен, рискованная и небезопасная. Перед этим следует урегулировать все личное. Вернуть долги друзьям и тем, кого вы любите. Получить долги с тех, кто должен вам...

Он резко оборвал.

– Рейнмар из Белявы, – заговорил он чуть погодя и взглянул так, что по спине у Рейневана пробежали мурашки. – А нет ли случайно у твоих личных дел чего-то общего с мстостью за смерть брата?

Рейнван отрицательно покрутил головой, потому что горло у него вдруг так пересохло, что он не смог издать ни звука.

– О-о-о, – сложил руки Прокоп Голый. – Это хорошо. Это прекрасно. Так и держать. Библия гласит: уповай на Бога, – проговорил он снова. – А что касается твоего брата, то можешь дополнительно положиться на меня, Прокопа. Этой проблемой займусь я лично. И уже занялся. Твой брат, память которого я чту, был одним из наших убитых в Силезии союзников. Разбойничья рука достала многих симпатизировавших нам людей, многих, которые нам помогали. Эти преступления не останутся безнаказанными. На террор мы ответим террором в соответствии с Божеским заветом: око за око, зуб за зуб, рука за руку, нога за ногу, рана за рану. Твой брат будет отмщен, можешь быть уверен. Но лично мстить я тебе запрещаю. Я понимаю твои чувства, но ты должен сдержаться. Понять, что в этом деле существует иерархия, очередность реванша, и ты в этой иерархии оказался далеко от ее начала. А ты знаешь, кто стоит во главе? Я тебе скажу: я! Прокоп по прозвищу Голый. Силезские преступники поместили меня в свой перечень, ты думаешь, я позволю, чтобы это им обошлось? Клянусь Отцом и Сыном, что те, кто пролил кровь, заплатят собственной кровью. Как говорит Писание: «я рассеваю их, как прах пред лицом ветра, как уличную грязь, попираю их»⁹⁹ «и пошлю вслед их меч, доколе не истреблю их»¹⁰⁰. Те, которые вступили в сговор с дьяволом, которые скрытно готовили преступления, которые во тьме совершали предательские удары, уже сейчас тревожно оглядываются, уже сейчас чувствуют на шее чей-то взгляд. Уже сейчас эти порождения тьмы боятся того, что поджидает во тьме их самих. Они видели себя волками, сеющими ужас среди беззащитных овец. А теперь задрожат сами, слыша вой идущего следом за ними волка.

Резюмирую: подготовка нашего наступления на Силезию в данный момент вопрос ключевого значения для всего нашего дела. Это операция не менее важная, чем теперешняя осада Колина или намечаемый на конец года удар по Венгрии. Повторяю: если в результате твоих

---

⁹⁹ Псалом 17:43.

¹⁰⁰ Книга Иеремии, 9:16.

попыток личной мести операция кончится провалом, я сделаю выводы. Суровые. Безжалостные. Помни об этом. Ты будешь помнить?

– Я буду помнить.

– Прекрасно. А теперь... Рейнмар, брат Неплах доносит мне, что ты – спец по медицине... хм... неконвенционной. А у меня зверски ломит кости... Ты можешь это заговорить? Вылечить каким-нибудь заклинанием?

– Брат Прокоп... Магия запрещена. Колдовство – это *peccatum mortaliū*¹⁰¹. Четвертая пражская догма...

– Перестань трепаться, ладно? Я спросил, ты можешь меня вылечить?

– Могу. Покажи, где болит.

---

¹⁰¹ смертный грех (лат.).

Глава пятая,

в которой мы ненадолго оставляем наших героев и переносимся из Чехии в Силезию, чтобы посмотреть, что примерно в это же время поделявают некоторые старые – и новые – знакомые.

«Я его где-то видел? – думал, глядя на гостя, Вендель Домараск, *magister scholarum*¹⁰² коллегиатской школы¹⁰³ Святого Креста в Ополе. – Или я его нигде не видел? А если да, то где? В Кракове? В Дрездене? В Опаве?»

Из-за окна долетали голоса учеников, хором читающих строфы «*Thebais*»¹⁰⁴ Стация. Декламацию то и дело прерывал визг – это присматривающий за классом помощник учителя поправлял кому-то латынь и поощрял учить прилежнее.

Посетитель был высок, худощав до предела, но в нем чувствовалась сила. Седоватые волосы он прикрывал по моде клира войлочной шапкой. Вендель Домараск мог бы поспорить на что угодно, что под ней скрывалась тонзура или ее следы. Пришелец мог бы также – об этом магистр тоже готов был поспорить – по-монашески опустить глаза, покорно склонить голову, сложить руки и бормотать молитвы. Мог бы. Если б хотел. Сейчас он определенно не хотел. Смотрел магистру прямо в глаза.

Глаза у пришельца были очень странные. Своей неподвижной пронзительностью они беспокоили, пробуждали тысячи мурашек за воротником и на спине. Но самым странным был их цвет – у них был цвет стали, цвет старого, потемневшего клинка. Реальность усиливали огоньки на радужках – тютелька в тютельку крапинки ржавчины.

– *Ecce sub occiduas versae iam Noctis habenas astrorumque obitus, ubi primum maxima Tethys imi... impulit...* Ай! О Иисусе!

Вендель Домараск, *magister scholarum* коллегиатской школы Святого Креста в Ополе, а одновременно главный резидент таборитской разведки, шеф и координатор шпионской сети в Силезии, тихо вздохнул. Он знал, кем был пришелец, его предупредили, что тот вскоре придет. Он знал, по чьему приказу гость явился и кого представляет. Знал, каковы полномочия гостя, знал, что тот имеет право приказывать, знал также, что грозит за невыполнение его приказов. Большого Домараск не знал. Ничего больше. Не знал он и как зовут пришельца.

– Ну да, сударь, – решил он наконец применить форму столь же вежливую, сколь и безопасно нейтральную, – нелегко нам здесь, в Силезии, в последнее время. Ох нелегко. Я, поймите, говорю это не для того, чтобы отвертеться от заданий или оправдать бездеятельность, нет, уж что нет, то нет: я прилагаю старания, брат Прокоп может быть уверен...

---

¹⁰² преподаватель (лат.).

¹⁰³ Школа при церкви, при которой имеется капитул.

¹⁰⁴ «Фиваида».

Он осекся. Стальной взгляд гостя, оказывается, кроме прочих, имел еще поразительную способность перекрывать поток излияний.

– В феврале прошлого года, – Вендель Домараск перешел к кратким и более конкретным фразам, – возник, как вы наверняка знаете, Отшелинский Союз. Силезские князья, старосты и рады¹⁰⁵ Вроцлава, Свидницы, Явора и Клодска. Цель: мобилизация армии для удара на Чехию. А вначале, перед мобилизацией, ликвидация действующих в Силезии чешских сетей.

Посетитель кивнул в знак того, что знает. Но выражение стальных глаз не изменилось.

– Ударили по нам сильно, – без всякого выражения начал шпион. – Епископская инквизиция, контрразведка Альбрехта Колдица и Путы из Частоловиц. Аббаты из Генрикова, Каменца и Кшешова. Осенью поймали свидницкого резидента и нескольких наших людей во Вроцлаве. Кого-то заставили давать показания или кто-то предал, потому что уже во вторую неделю адвента выловили группу из Явора. Зимой арестовали большинство агентов в районе Нисы. А в этом году не проходит месяца, чтобы кто-нибудь не попался... Или кого-нибудь не убили. Террор ширится... Страх охватил людей. Вербовать новых агентов в таких условиях трудно, проникать трудно, риск предательства и провокации возрастает... Брата Прокопа, я понимаю, интересуют не трудности, а результаты, следствия... Передайте, что мы делаем все, что можем. Делаем свое. Я делаю свое. Придерживаюсь принципов ремесла и делаю свое...

– Я приехал сюда не инспектировать, – спокойно вставил сталеглазый. – У меня в Силезии свои задачи. Вас я навестил по трем причинам. Во-первых, вы лучше законспирированы, а мне важна собственная безопасность. Во-вторых, мне нужна ваша помощь.

Магистр вздохнул, сглотнул слюну, смелее поднял голову.

– А в-третьих?

– Вам нужна помощь Прокопа. Вот она.

Сталеглазый развязал свой узелок, достал из него крупный сверток, обернутый овечьей шкурой и ремешком. Брошенный сверток тяжело ударился о стол, свидетельствуя о содержимом приглушенным звоном. Шпион протянул костлявую, покрытую старческими пятнами руку. Рука походила на петушиную шпору.

– Именно это, – сказал он, не прикасаясь к свертку, – нам необходимо. Золото и победный дух. Пусть Прокоп даст мне больше золота и еще парочку побед вроде Таховской, и через год Силезия будет его.

– *Numquam tibi sanguinis huius ius erit aut magno feries impre... imperdita Tydeo pectora; vado equidem exsul... exsultans...* Ой! Ай!

– Вы упоминали, – *magister scholarum* прикрыл оконце, – что ждете моей помощи.

– Вот перечень того, что мне будет необходимо. Постарайтесь сделать это побыстрее.

– Хм-м... Будет сделано.

– Мне также необходимо встретиться с Урбаном Горном. Уведомите его. Пусть прибудет в Ополе.

– Горна нет в Силезии. Ему пришлось бежать. Кто-то донес, его уже почти схватили. Он убил в Миличе епископского убийцу и тяжело ранил другого... Ха, как в рыцарском романе. Сейчас он, пожалуй, в Великопольше. Точно не знаю. Как специальный агент Горн мне не подчиняется и ни о чем не докладывает.

– В таком случае – Тибальд Раабе. Притащите его сюда.

– С этим тоже будут проблемы. Тибальд сидит в тюрьме.

– Где? У кого?

– В замке Шварцвальдау. У господина Германа Цеттрица.

– Найдите мне хорошего коня.

¹⁰⁵ Городские советы.

Рыцарь Цеттриц-младший, хозяин Шварцвальдау, сидел, раскинувшись на напоминающем трон кресле. Стену за его спиной покрывал немного закопченный гобелен, изображающий, судя по всему, райский сад. У ног рыцаря лежали две невероятно грязные борзые. Рядом, за заставленным столом, сидела свита рыцаря, лишь немногим менее грязная, чем борзые, состоящая из пяти вооруженных бургманов и двух женщин легко угадываемой профессии.

Герман фон Цеттриц стряхнул крошки хлеба с живота и родового герба – красно-серебряной турьей головы, – глянул сверху на священника, стоящего перед ним в униженной позе просителя.

– Да, – повторил он. – Конечно, да, поп. Как тебя звать? Забыл.

– Отец Апфельбаум. – Священник поднял глаза. У глаз, как отметил Цеттлиц, был цвет стали.

– Значит, – он выдвинул челюсть, – так оно и есть. Да, поп Апфельбаум. Упомянутый Тибальд Раабе сидит у меня в яме. Я арестовал мерзавца. Ибо он еретик.

– Серьезно?

– Он распевал пасквилы на попов, насмехался над Святым Отцом. Картинку такую потешную показывал, дескать, папа Мартин V в хлеву за свинками присматривает, папа – это тот третий, с тиарой на голове, третий слева. Хааа-ха-ха-хааа-ха-ха!

Цеттриц аж прослезился от смеха, с ним разом и его бургманы. Одна из борзых залаяла, получила пинка. Сталеглазый пришелец страдальчески улыбнулся.

– Однако ж я его предупреждал, – посерьезнел рыцарь, – чтобы он мне подданных не подстрекал. Пой, говорю ему, курва мать, сколь угодно песенки о Виклифе и Антихристе, называя сколько влезет попов пиявками, потому как они и есть пиявки. Но не втолковывай черни, курва твоя мать, что перед Богом все равны и что вскоре все будет общим, включая и мое имущество, мой бург и мою сокровищницу. И что дань замку вообще платить не надо, потому что приближающийся справедливый божеский порядок упразднит и ликвидирует всякие подати и повинности. Я предупреждал, предостерегал. Он не послушался, вот я и посадил его в яму. Еще не решил, что с ним делать. Может, велю повесить. Может, только выпороть. Может, поставлю под прангер на рынке в Ландесхуте. Может, выдам в руки вроцлавского епископа. Мне надо смягчать отношения с епископатом, потому что мы в последнее время малость пособачились, хаааа-ха-ха!

Сталеглазый священник, конечно, знал, в чем дело. Знал о нападении на монастырь цистерцианцев в Кшешове, которое Цеттриц совершил летом прошлого года. Из хохота людей за столом он сделал вывод, что они наверняка участвовали в грабеже. Возможно, он слишком внимательно присматривался, возможно, что-то было в его лице, потому что хозяин Шварцвальдау неожиданно выпрямился и хватанул рукой по поручню кресла.

– Кшешовский аббат спалил у меня трех мальчишек! – рявкнул он так, что не постыдился бы и гербовый тур. – Вопреки мне проделал. Не поладил со мной, курва его мать, хоть я его предупреждал, что так этого не оставлю! Бездоказательно обвинил парней в содействии и сочувствии гуситам, отправил на костер! А все только для того, чтобы меня обидеть. Думал, я не решусь, думал, у меня сил нет, чтобы на монастырь ударить. Ну так я ему показал, где раки зимуют!

– Демонстрация, – священник снова поднял глаза, – прошла, если я не ошибаюсь, с помощью и при участии трутновских сирот под началом Яна Баштина из Поростле.

Рыцарь наклонился. Просверлил его взглядом.

– Кто ты такой, поп?

– А вы не догадываетесь?

– Догадываюсь, верно, – кашлянул Цеттриц. – Да и то правда, что я аббата научил повиновению с вашей неоценимой гуситской помощью. Но разве это делает меня гуситом? Я при-

нимаю причастие по католическому образцу, верю в чистилище, а при необходимости призываю святых. У меня нет с вами ничего общего.

– За исключением добычи, награбленной в Кшешове, поделенной пополам с Баштином. Кони, скот, свиньи, деньги в золоте и серебре, вина, литургические сосуды... думаете, господин, епископ Конрад отпустит вам грехи в обмен на какого-то уличного певца?

– Не слишком ли, – Цеттриц прищурился, – смело начинаешь? Поосторожней. А то и тебя добавлю к расчету. Ох обрадовался бы тебе епископ, обрадовался бы. Однако вижу, что ты пройдоха, а не какой-то губошлеп. Только ни голоса, ни глаз не поднимай. Перед рыцарем стоишь! Перед хозяином.

– Знаю. И предлагаю по-рыцарски прикрыть дело. Приличный выкуп за оруженосца – десять коп грошей. Певец больше оруженосца не стоит. Я заплачу за него.

Цеттриц посмотрел на бургманов, те как по команде ощерились.

– Ты привез сюда серебро? Оно у тебя во выюках, да? А конь – в конюшне? В моей конюшне? В моем замке?

– Точно. В вашей конюшне, в вашем замке. Но вы не дали мне договорить. Я дам вам за Тибальда еще кое-что.

– Интересно знать что?

– Гарантию. Когда Божьи воины придут в Силезию, а это случится вот-вот, когда начнут жечь здесь все до голой земли, ни с вашей конюшней, ни с вашим замком, ни с имуществом ваших подданных не случится ничего плохого. Мы в принципе не сжигаем имущества дружественных нам людей. А тем более союзников.

Долго стояла тишина. Было так тихо, что можно было слышать, как чешутся борзые, укрывающие в шерсти блох.

– Все вон! – неожиданно рявкнул своей свите рыцарь. – Прочь! Вон! Все! Да побыстрее!

– Касательно союза и дружбы, – проговорил, когда они остались одни, Герман Цеттриц-младший, хозяин Шварцвальда. – Касательно будущего сотрудничества... Будущей общей борьбы и братства по оружию... И дележа добычи, естественно... Можно ли, брат чех, поговорить поподробнее?

Сразу за воротами они дали коням шпоры, пошли галопом. Небо на западе темнело, даже чернело. Вихрь выл и свистел в кронах пихт, срывал сухие листья с дубов и грабов.

– Пан Влк.

– Что?

– Благодарю. Благодарю за освобождение!

Сталеглазый священник повернулся в седле.

– Ты мне нужен, Тибальд Раабе. Мне нужна информация.

– Понимаю.

– Сомневаюсь. Да, Раабе, еще одно.

– Слушаю, пан Влк.

– Никогда больше не смей произносить вслух мое имя.

Деревушка должна была лежать как раз на пути отрядов Баштина из Поростле, которые после прошлогоднего нападения на кшешовский монастырь грабили районы между Ландешутом и Валбжихом. Деревня чем-то, видимо, насолила гуситам, потому что от нее осталась черная выгоревшая земля, из которой только кое-где что-то торчало. Мало что осталось также от местной церквушки – ну, ровно столько, чтобы можно было понять, что это была церквушка. Единственное, что уцелело, был придорожный крест да лежащее за пепелищем храма кладбище, спрятавшееся в ольховнике.

Дул ветер, прочесывал покрытые лесом склоны гор, затягивал небо черно-синим покрывалом туч.

Сталеглазый священник придержал коня, повернулся, подождал, пока подъедет Тибальд Раабе.

– Слезай, – сказал он тихо. – Я сказал, ты должен дать мне некоторые сведения. Здесь и сейчас.

– Здесь? На этом зловещем урочище? Точно рядом с кладбищем? В полутьме? Под голым небом, с которого того и гляди ливанет? Нельзя поговорить в корчме, за кружкой пива?

– Я уже достаточно из-за тебя раскрылся. Не хочу, чтобы меня видели рядом с тобой. И как-то связывали. Поэтому...

Он замолчал, видя, как глаза голиарда расширяются от страха.

То, что они увидели прежде всего, была туча черных птиц, взлетевших с зарослей вокруг кладбища. Потом увидели пляшущих.

Один за другим, шеренгой, держась за руки, из-за забора кладбища выходили скелеты, отплясывали в диких и гротескных подскоках. Некоторые были голыми, некоторые неполные, некоторые приукрашены рваными истлевшими саванами, они плясали, раскачиваясь и подпрыгивая, высоко выбрасывая костлявые ступни, голени и берцовые кости, ритмично шелкая при этом щербатыми челюстями. Выл ветер, завывал как проклятый, свистел между ребрами и тазовыми костями, играл на черепах, как на окаринах.

– *Totentans*¹⁰⁶... – вздохнул Тибальд Раабе. – *Dance macabre*¹⁰⁷...

Хоровод скелетов трижды обошел кладбище, потом, продолжая держаться за руки, скелеты направились в лес, растущий на склоне, по-прежнему пляшущим шагом, подскакивая и отплясывая. Они шли, подпрыгивая и постукивая, в пыли листьев и заварухе поднятого с пожарища пепла. Тучи черных птиц сопровождали их все время. Даже тогда, когда призрачные танцоры скрылись в зарослях, бушующие над верхушками деревьев птицы отмечали путь их движения.

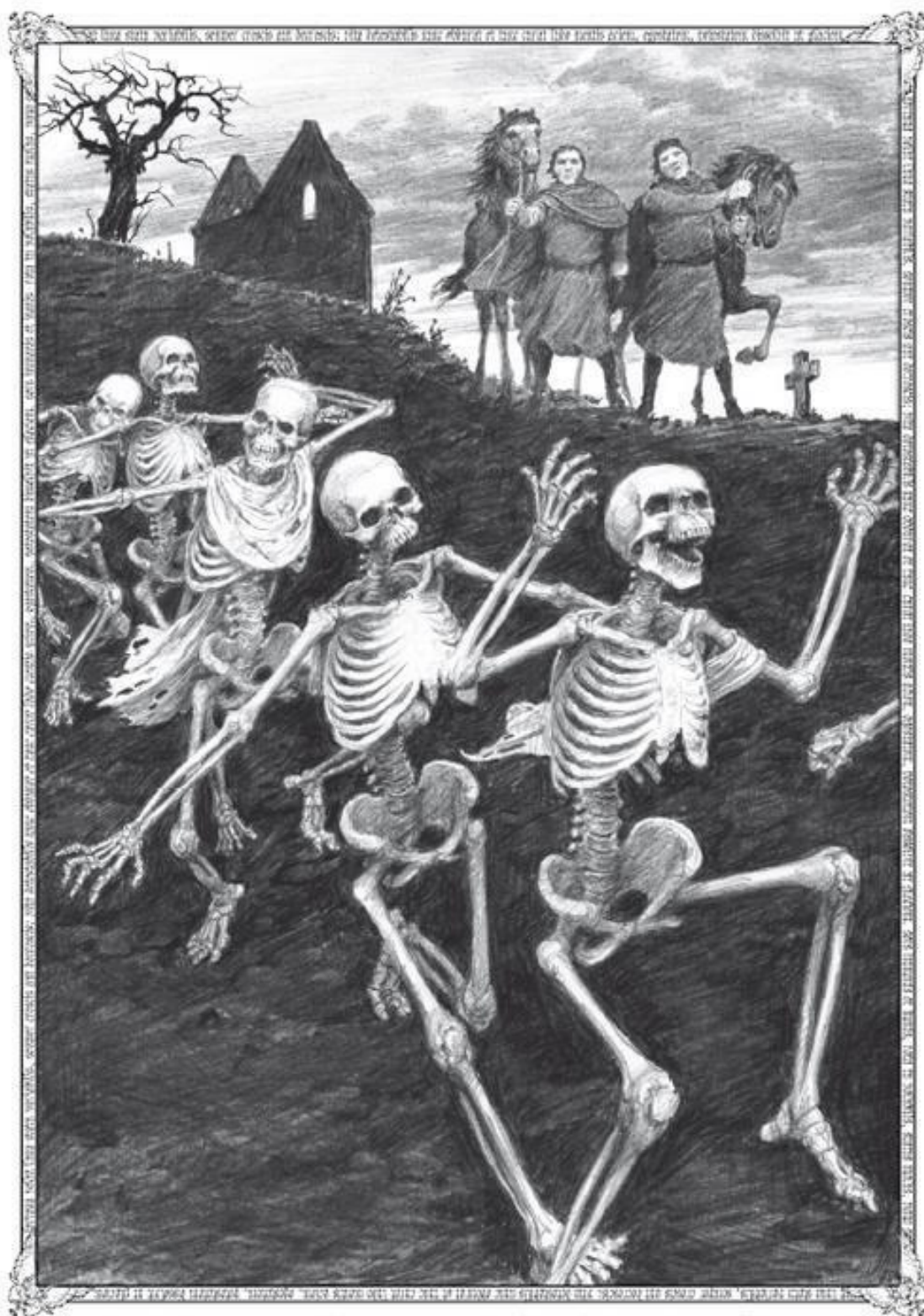
– Знак... – пробормотал голиард, – примета! Навалится зараза... Либо война...

– Или и то, и другое, – пожал плечами сталеглазый. – Выходит, хилиасты были правы. У этого мира нет шансов дожидаться конца второго тысячелетия, гибель, судя по всем видимым знакам, захватит его гораздо раньше. Скоро, сказал бы я даже. По коням, Тибальд. Я раздумал. Давай все-таки поищем какую-нибудь корчму. Где-нибудь подальше отсюда.

---

¹⁰⁶ Пляска смерти (нем.).

¹⁰⁷ То же (фр.).

* * *

– Э-э-эх, пан, – сказал Тибальд Раабе. Рот у него был забит горохом и капустой. – А где мне взять такую информацию? Да о том, что я знаю, я рассказать вам могу в подробностях. О Петерлине из Белявы. О его брате Рейневане и о романе Рейневана с Аделью Стерчевой, о том,

что из этого получилось. О том, что произошло в раубритерском селе Кромолине и на турнире в Зембицах. О том, как Рейневан... Кстати, как там у Рейневана? Здоров? Как чувствует себя? Он? Самсон? Шарлей?

– Не уклоняйся от темы. Но коли уж мы об этом заговорили, кто он такой, этот Шарлей?

– Не знаете? Это, вероятно, монах или порочный священник, сбежавший вроде бы из монастырской тюрьмы. Говорят также, конкретно-то говорил мне об этом некий Тассило де Тресков, что Шарлей участвовал во вроцлавском бунте 1418 года. Знаете, восемнадцатого июля, когда взбунтовавшиеся резники и сапожники убили бургомистра Фрейбергера и шестерых присяжных. Тридцать бунтарских голов тогда пали под палаческим топором на вроцлавском рынке, а тридцать осудили на изгнание. А раз Шарлей до сих пор голову на плечах носит, значит, должен был быть среди этих тридцати. Я думаю...

– Достаточно, – прервал сталеглазый. – Давай дальше. То, о чем я просил. О нападении на сборщика налогов и на сопровождавший его конвой. Конвой, в котором был Рейневан. И ты, Тибальд.

– Верно, верно. – Голиард зачерпнул ложку гороха. – Что знаю, то знаю. И расскажу, почему бы нет. Но обо всех других вещах...

– О Черных всадниках, кричавших «*Adsumus*» и, кажется, пользовавшихся арабским веществом, называемым гашш'иш.

– Именно. Я не видел и не знаю об этом вообще ничего. Где б я мог получить такие сведения? Откуда их взять?

– Попытайся, – голос сталеглазого опасно изменился, – поискать в той тарелке, которая стоит у тебя перед носом. Между горохом и шкварками. Найдешь – твоя польза. Сэкономишь время и усилия.

– Понимаю.

– Это очень хорошо. Все сведения, Тибальд. Все, что можно. Факты, слухи, то, о чем болтают по корчмам, на базарах, ярмарках, в монастырях, казармах и замтузах. О чем плетут попы в проповедях, верующие на процессах, советники по ратушам, а бабы у колодцев. Ясно?

– Как солнце.

– Сегодня канун святой Ядвиги, четырнадцатое октября, вторник. Через пять дней, в воскресенье, мы встретимся в Свиднице. После мессы, перед церковью Станислава и Вацлава. Увидишь меня – не подходи. Я отойду, а ты иди следом. Понял?

– Да, пан Влк... Кх-кх... Простите.

– На этот раз еще прощаю. В следующий – убью.

...*Tempora cum causis Latium digesta per annum lapsaque sub terras orta que signa canam...*

Ученики коллегиатской школы Святого Креста в Ополе получили на сегодня в качестве задания «*Fasti*»¹⁰⁸ Овидия. От Млыновки доносились крики рыбаков и визги ругающихся прачек. Вендель Домараск, *magister scholarum*, убрал в тайник донесения агентов. Содержание большинства рапортов беспокоило.

Что-то надвигалось.

«Тип со стальными глазами, – подумал Вендель Домараск, – ох будут из-за него неприятности. Я понял это сразу, как только его увидел. Ясно, зачем его прислали. Это убийца. Террорист, тайный убийца. Присланный для того, чтобы кого-то прикончить. А после этого всегда начинаются облавы, развязывается дикий террор. И нельзя спокойно работать. Шпионство требует покоя, не терпит насилия и суматохи. Особенно же оно не любит людей для специальных заданий. Почему, – магистр оперся подбородком на сплетенные пальцы, – почему он спрашивал о Фогельзанге?»

¹⁰⁸ «Фасты» – произведение с описанием римских религиозных праздников.

– Фогельзанг. Вам о чем-нибудь говорит это название?

– Разумеется. – Домараск взял себя в руки, не позволил себе никак выразить волнение. – Естественно, говорит.

– Посему слушаю.

– Криптоним «Фогельзанг», – магистр постарался, чтобы его тон был деловым, а голос равнодушным, – придали тайной группе для специальных действий, подчиняющейся непосредственно Жижке. У группы был координатор и связной. Когда он погиб при странных обстоятельствах, контакт прервался. Фогельзанг попросту исчез. Я получил приказ группу отыскать. Предпринял действия. И поиски. Безрезультатно.

Он не опустил глаз, хотя стальные глаза кололи как иглы.

– Факты мне известны. – В голосе пришельца не было и следа возбуждения. – Меня интересует ваше личное мнение касательно этой проблемы. И выводы.

«Выводы, – подумал Домараск, – уже давным-давно сделаны. И сделал их Флютек, Богухвал Неплах, который сейчас лихорадочно разыскивает виновных. Потому что Фогельзанг, и это никакая не тайна, получил из Табора фонды. Колоссальные деньги, которые должны были послужить финансированию «специальных операций». Деньги явно были слишком большими, а завербованные в Фогельзанг люди чрезвычайно специфичными. Эффект: исчезли деньги, исчезли люди. И скорее всего исчезли безвозвратно».

– Связной и координатор Фогельзанга, – сказал он, поторапливаемый, подгоняемый взглядом, – был, как я сказал, убит. Обстоятельства убийства были не только загадочными. Они были угрожающими, а слухи превратили их прямо-таки в кошмар. Страх перед смертью может пересилить лояльность и приверженность делу. При большой тревоге за жизнь о лояльности забывают.

– О лояльности забывают, – медленно повторил пришелец. – Вы о своей забыли бы?

– Моя непоколебима.

– Понимаю.

«Надеюсь, так оно и есть, – подумал Домараск. – Надеюсь, он понял. Потому что я знаю, какие в окружении Прокопа и Флютека ходят слухи о предательстве, о заговоре. Заговор – это хорошо. Формируется некая секретная «специальная группа», в нее завербовывают исключительных мерзавцев, которые при первом признаке опасности дезертируют, уворовывая доверенные им деньги. А потом их хозяева начинают вынюхивать заговоры.

И высылают в Силезию убийцу».

Прачки над Млыновкой ругались и обвиняли одна другую в проституции. Рыбаки ругались. Ученики декламировали Овидия.

*Adnue conanti per laudes ire tuorum
deque meo pavidos excute corde metus...*

«Интересно, – подумал магистр, прикрывая окно, – где сейчас этот тип?»

– Ты знаешь эту женщину? – спросил друга Парсифаль Рахенау. – И эту девушку?

– Ты же видел, что я с ней здоровался, – проворчал, немного ослабив пояс, Генрик Барут по прозвищу Скворушка, – что в ручку чмокал. Думаешь, я привык чужие бабьи руки целовать? Это моя тетка, Грозвита, должно быть, едет куда-то. А та толстощекая – ее служанка. А та, что в чепце, – ее экономка.

– А девушка?

– Теткина дочка, моя кузинка, стало быть. Тетка – жена моего дяди Генрика, который в Смарховицах сидит и которого звать Гейеманом, и не того Генрика, с Голой Горы, по прозвищу Журавль, а того третьего, младшего брата отца, которого зовут...

– Генрик, – угадал не отрывавший глаз от светловолосой девочки Парсифаль Рахенау.

– Ты его знаешь? Значит, все в порядке. Значит, он – мой дядька, тетка – его жена, а девчонка – их дочка. Ее зовут Офка. А чего ты так на нее пялишься, а?

– Я... – Мальчик покраснел. – Да нет. Я просто так...

Офка фон Барут только прикидывалась, будто ей больше всего нравится вертеться на корчмовой лавке, дрыгать ногами, постукивать ложкой по тарелке, рассматривать бревенчатый потолок и теревить конец косы. В действительности она уже давно заметила интерес паренька и вдруг решила прореагировать. Показав ему язык.

– Коза, – с отвращением прокомментировал Скворушка. Парсифаль смолчал. Он был целиком увлечен. Единственное, что его беспокоило, это проблема кровного родства. Рахенау состояли в родстве с Барутами, одна из сестер дяди Гавейна была, кажется, кузиной тетки жены Генрика по прозвищу Журавль. Это наверняка требовало соблюдения церковных предписаний, а с ними бывало по-всякому. Парсифаль думал о женитьбе как о малоприятной обязанности, если даже не наказании, но сейчас вне всякого сомнения, понимал, что если уж это придется делать, то он в тысячу раз больше хотел бы светловолосую Офку фон Барут, чем тощую как щепка и прыщастую Зузанну, которую настойчиво сватал Рахенау ее отец, старый Альбрехт фон Хакеборн, хозяин Пшевоза. Парсифаль твердо решил тянуть с женитьбой сколько удастся. А с течением лет Зузанна Хакеборн могла, самое большее, увеличить количество своих прыщей, у Офки же были перспективы стать красивой девушкой. Очень красивой девушкой...

Красивая *in spe* девушка, явно довольная проявленным к ней интересом, сначала приоткрыла нижние зубки, а потом снова высунула на подбородок язычок. Сидевшая рядом матрона в чепце резко одернула ее. Офка показала зубы, для разнообразия – верхние...

– Сколько... – пробормотал Парсифаль Рахенау, – сколько ей годков?

– А мне-то какое дело? – фыркнул Скворушка. – Да и тебе тоже, раз уж мы об этом заговорили. Ешь быстрее свою кашу, надо ехать. Господин Пута будет злиться, если мы вовремя в Клодск не приедем.

– Если не ошибаюсь, – раздалось рядом с ними, – я имею честь общаться с благородными господами рыцарями Генриком Барутой и Парсифалем фон Рахенау?

Они подняли головы. Рядом стоял священник, высокий, седоволосый, с глазами цвета стали. А может, они только казались такими в задымленном помещении корчмы?

– Воистину, – Парсифаль Рахенау наклонил голову, – воистину, святой отец. Это мы. Но мы не рыцари. Нас еще не посвящали...

– Однако, – улыбнулся священник, – это всего лишь вопрос времени. Причем, уверен, недолгого. Позвольте представиться. Я отец Шлосскнехт, слуга Божий... Ну и холод нынче... Хорошо б выпить подогретого винца... Господа рыцари окажут мне честь и не будут возражать, если я принесу по кружечке и для них? Желание есть?

Скворушка и Парсифаль переглянулись, сглотнули. Желание было, к тому же большое. С наличными было хуже.

– Отец Шлосскнехт, – снова назвал себя слуга Божий, ставя на стол кружки, – ныне при бжегской коллегии. Некогда был капелланом рыцаря Оттона Кауффунга, упокой Господи душу его...

– Капеллан господина Кауффунга! – Парсифаль Рахенау оторвал взгляд от Офки фон Барут, чуть не поперхнулся подогретым вином. – Клянусь головой святого Тибурия! Так ведь он, зарубленный в бою, на моих руках преставился! Два года тому назад это было, в сентябре, в Голеньевских Борах. Я был в той его свите, на которую напали разбойники! Когда они двух

девушек похитили, Биберштайновну и Апольдовну. Чтобы потом их обеих опозорить, безбожники.

– Господь, будь милостив, – сложил руки священник. – Невинных дев опозорили? Сколько ж зла в этом мире... Сколько зла... Сколько греха... Кто ж мог на такое решиться?

– Рыцари-разбойники. Атаманом у них был Рейнмар Беляу. Мерзавец и колдун.

– Колдун? Невероятно!

– Поверите, когда я расскажу. Я собственными глазами видел... Да и слышал многое...

– Я тоже много чего рассказать могу! – Скворушка отхлебнул из кубка. Щеки у него уже крепко порозовели. – Ибо видел и я колдовские дела этого Белявы! Ведьм видел, летящих на шабаш! И людей, побитых на тракте под Франкенштайном, у Гороховой Горы!

– Не может быть!

– Может, может, – усердно закивал Скворушка. – Я правду говорю! Людей госпожи Держки де Вирсинг, торговли лошадьми, побили черные всадники. Рота Смерти. Дьяволы! У этого Белявы сами черти на посылках! Вы не поверите, когда я вам расскажу!

Сталеглазый священник заверил, что поверит. Подогретое вино ударило в головы. Развязывало языки.

– Что вы сказали, преподобный? – наморщил лоб Фричко Ностиц, закидывая седло на балку. – Как вас зовут?

– Отец Хабершбрак, – тихо повторил священник. – Каноник у Пресвятой Девы в Рачибуже.

– Как же, как же, я слышал о вас, – подтвердил с совершенно уверенной миной Фричко. – И какое же у вас ко мне дело? Настолько срочное, что вы меня аж в конюшне отыскиваете? Если речь о Гедвиське Страховне, той, что из Рачибужа, то клянусь, пусть меня святой Антоний сожжет, она лжет. Отцом ее бекарта я никак быть не могу, ибо всего только один раз ее трахал, да и то в зад.

– Ах нет, нет, – быстро сказал священник, – речь, уверяю вас, совершенно о другом, не о Страховне. Хотя, я бы сказал, столь же деликатном. Я хотел бы узнать... Хотел бы узнать обстоятельства смерти моего близкого родственника. Ах, может, все же не... Я предпочитал бы...

– Что б вы предпочли?

– Поговорить об этом с кем-нибудь другим. Поскольку...

– Что-то ты крутишь, святой отец. Или говори, или пошел вон! Мне в дом пора, други ждут. Знаешь, что такое други? Дружина? Ну! Давай говори, в чем дело!

– А вы ответите, когда я спрошу?

– А это, – выпятил губы Фричко Костиц, – будет видно. Потому что слишком уж часто вы, попы, не в свои дела нос суete. Слишком часто. Вместо того чтобы на свой нос смотреть. И в молитвенники. Богу молиться, бедным помогать, как закон велит.

– Так я и думал, – спокойно ответил священник, поднимая глаза, у которых, как оказалось, был цвет стали. – Предвидел, что вы так ответите. Поэтому хотел вас просить только о посредничестве. А поговорить я хотел бы с вашим другом, тем итальянцем... Его мне особенно рекомендовали. Как самого мудрого и опытного среди вас.

Фричко расхохотался так громко, что кони принялись хрипеть и топать.

– Надо же! Ну, дела! Подшутили над тобой, патер, посмеялись. Вителодзо Гаэтани самый опытный? В чем? В пьянке, пожалуй. Самый мудрый? Это кобель пьемонтский, тупица, болван неученый. Единственное, что может сказать, это *cazzo, fanculo, puttana porcamadonna*¹⁰⁹.

---

¹⁰⁹ «Член, трахать, проститутка, свиная мать» – в этом роде.

Ничего больше он не умеет. Ты хочешь правду узнать? Тогда у других спрашивай! У меня, чтобы далеко не ходить!

– Ежели на то ваша воля, – священник прищурился, – тогда спрошу. Как и при каких обстоятельствах погиб господин Гануш Трост, купец, убитый два года назад в районе Серебряной Горы?

– Ха! – хохотнул Фричко. – Чего-то подобного я ожидал. Но обещал, так что скажу.

Он присел на конюшенной лавке, указал священнику другую.

– В августе месяце это было как раз два года назад, – начал он. – Выехали мы из Кромолина и тут глядим, кто-то следом едет. Ну, засаду устроили, поймали. И кто ж, видим, в руки попался? Не угадаешь: Рейневан де Беляу. Тот колдун и разбойник, растлитель девиц. Ты слышал о Рейневане де Беляу, растлителе девиц?

– Что общего у растлителя девиц со смертью Троста?

– Щас расскажу. Ну, удивлю тебя, патер. Удивлю...

– Брат Кантор? Анджей Кантор?

– Я. – Дьякон в Воздвижении Святого Креста аж подскочил, услышав голос за спиной. – Это я...

На стоящем за ним мужчине был черный плащ с цветочной вышивкой, серый зауженный в талии дублет и берет с перьями, одежда на манер богатых купцов и патрициев. Но было в мужчине что-то, что никак не ассоциировалось ни с купцами, ни с мещанами. Дьякон не знал что. Может, странная гримаса? Может, голос? Может, глаза... Странные... цвета стали...

– У меня здесь для вас, – сталеглазый достал из-за пазухи мешочек, – плата. За то, что вы выдали в руки Священной Инквизиции Рейнмара фон Беляу. Койй факт имел место, как отмечено в наших книгах, здесь, в городе Франкенштайн, *quintadecima die mensis Septembris Anno Domini 1425*¹¹⁰. Выплата немного задержалась, но, увы, так работает наша бухгалтерия.

Дьякон и не подумал спрашивать, что это за «наши книги» и «наша бухгалтерия». Он догадывался. Взял из рук мужчины кошелек. Гораздо более легкий, чем он ожидал. Однако решил, что нет смысла спорить о процентах.

– Я... – отважился он. – Я завсегда... Священная Инквизиция завсегда может на меня положиться... Я только как подозрительного узрю... Сразу же доношу... Вприпрыг к преору лечу... Вот не дале как в прошлый четверг крутился по суконницам один тип...

– За этого Беляву, – прервал сталеглазый, – мы особо благодарны. Это был крупный преступник.

– Ну! – возбудился Кантор. – Разбойник! Колдун! Говорят, людей убивал! Травил, говорят. На самого зембицкого князя руку поднял. В Олесьнице замужних женицов магией одурманивал, одурманенных порочил, потом магически делал так, что они все забывали. А дочку господина Яна Биберштайна взял и похитил, а потом насильно... это... насильно.

– Насильно, – повторил, кривя рот, сталеглазый. – А ведь мог бы, будучи колдуном, магией одурманить, одурманенную насильно спереди и сзади, потом магически сделать так, чтобы она обо всем забыла... Что-то тут, дружок, логики маловато, тебе не кажется?

Дьякон молчал, раскрыв рот. Он не очень знал, что такое «логика». Но подозревал самое худшее.

– А если ты такой внимательный, как хвалишься, – довольно равнодушно проговорил сталеглазый, – то не выпрашивал ли кто о Беляве? Уже после его ареста? Это мог быть сообщник, гусит.

– Вы... спра... шивал один, – вопреки желанию пробормотал Кантор. Он боялся новых вопросов. В основном одного: почему не донес на того, кто пытал. А не донес из-за страха.

¹¹⁰ пятнадцатого сентября Лета Господня 1425-го (лат.).

Из-за опасности, которую вызывал у него выпрашивавший. Черноволосый, одетый в черное, с как бы птичьей физиономией. И взглядом дьявола.

– Как он выглядел? – сладко спросил сталеглазый. – Опиши. Как можно точнее. Прошу.

В приходской церкви – к удовольствию человека со стальными глазами – не было ни души. На пустую и пахнущую кадилом пресвитерию взидала с центральной доски триптиха покровительница, святая Катерина Александрийская, окруженная выглядывающими из-за облачков пухлыми ангелочками.

Сталеглазый опустил на одно колено перед алтарем и лампадкой над ларцом со святыми дарами, встал, быстрыми шагами направился к укрытой в тени бокового нефа исповедальне. Однако, прежде чем он успел присесть, со стороны ризницы долетело громкое чихание и несколько более тихое ругательство, а после ругательства полное отчаяния «Господи, прости». Сталеглазый тоже выругался. Но «Господи, прости» попридержал. Потом полез под плащ за кошельком, поскольку походило на то, что без взятки тут не обойдется.

Приближающимся оказался согбенный священник в косматой сутане, вероятно, исповедник, поскольку шел он именно в сторону исповедальни. Увидев сталеглазого священника, он словно вкопанный остановился и раскрыл рот.

– Слава Всевышнему, – поздоровался сталеглазый, изображая на лице по возможности приятную гримасу. – Приветствую, отец. У меня к вам...

Он осекся.

– Брат... – Лицо исповедника вдруг обмякло, обвисло в удивлении. – Брат Маркус! Ты? Ты! Уцелел! Выжил? Глазам своим не верю!

– И правильно делаешь, – холодно ответил священник с глазами цвета стали. – Ибо ошибаешься, отец. Меня зовут Кнойфель. Отец Ян Кнойфель.

– Я брат Каетан! Ты меня не узнаешь?.. Но я тебя узнаю. – Старичок исповедник сложил руки. – Как ни говори, мы четыре года провели в монастыре в Хрудиме... Мы ежедневно молились в одной и той же церкви и вкушали в одной и той же трапезной. Ежедневно встречались на хорах. До того ужасного дня, когда к монастырю подошли еретические орды...

– Ты путаешь меня с кем-то.

Исповедник немного помолчал. Наконец лицо у него просветлело, а губы сложились в улыбку.

– Понимаю! – сказал он. – Инкогнито! Опасаешься слуг дьявольских с длинными и мстительными руками. Напрасно, брат, напрасно! Не знаю, Божий странник, какие тебя привели к нам дороги, но ныне ты среди своих. Нас здесь много, нас тут целая группа, целая *communitas*¹¹¹ несчастных беглецов, изгнанных с родины, изгнанных из своих разграбленных монастырей и обесчещенных храмов. Здесь брат Гелиодор, который еле живым ушел из Хомутова, аббат Вещхоузен из Кладрубов, есть беглецы из Страхова, из Яромира и Бжевнова... Хозяин этих земель, человек благородный и богобоязненный, благоволил к нам. Позволяет нам вести здесь школу, читать проповеди о преступлениях кацеров... Хранит нас и защищает. Я знаю, что ты пришел, брат, понимаю, что не хочешь раскрываться. Если такова твоя воля, я соблюду тайну. Слова не произнесу. Захочешь идти дальше – никому не скажу, что видел тебя.

Сталеглазый священник какое-то время глядел на него.

– Конечно, – сказал наконец, – не скажешь.

Молниеносное движение, удар, усиленный всей мощью плеча. Вооруженная зубатым кастетом пятерня ударила исповедника прямо в кадык и вдавила его глубоко в раздавленную гортань и трахею. Брат Каетан захрипел, схватился за горло, глаза вылезли из орбит. Он пере-

¹¹¹ община (лат.).

жил резню, которую табориты Жижки устроили Хрудимскому монастырю доминиканцев в апреле 1421 года. Но этого удара он перенести не мог.

Святая Катерина и пухленькие ангелочки равнодушно наблюдали за тем, как он умирает.

Священник со стальными глазами снял с пальцев кастет, наклонился, ухватил труп за сутану и затащил за исповедальню. Сам присел на лавочке, прикрыв лицо капюшоном. Он сидел в полной тишине, в запахе кадил и свечей. Ждал.

Около полудня сюда, в приходскую церковь, носящую имя своей покровительницы, должна была прийти – вместе с ребенком – Катажина Биберштайн, дочь Яна Биберштайна, хозяина Стольца. Сталеглазого интересовали грешные мысли девы Катажины Биберштайн. Ее грешные деяния. И определенно исключительно грешные факты ее биографии.

В городе Свиднице, в воскресенье девятнадцатого октября, вскоре после мессы, пение и звуки лютни привлекали прохожих на улицу Котлярскую, в район лавочки горшечника, находящейся сразу у переулка, ведущего к синагоге. Стоящий на бочке немолодой голиард в красном капюшоне и кабате с зубчатой бейкой тренькал на струнах и напевал:

*Nie patrząc na biskupy,
Którzy mają złotych kupy;
Boć nam ci wiarę zelżyli,
Boże daj, by się polepszyli...*

С каждым новым куплетом слушателей прибывало. Небольшая толпа, окружающая голиарда, росла и плотнела. Правда, были и такие, которые спешно сбегали, сообразив, что голиардская песенка говорит не о сексе, как они ожидали, а об опасной в последнее время политике.

*Dwór nam pokasił kapłany,
Kanoniki i dziekany;
Wszystko w kościele zdworzało,
Nabożeństwa bardzo mało...*

– Правда, правда, святая правда! – выкрикнули несколько голосов из толпы. И моментально начался спор. Одни бросились яро критиковать клир и Рим, другие – наоборот – принялись их защищать, заявляя, что если не Рим, то что? А голиард воспользовался okazji и потихоньку смылся.

Он свернул в Хмельные Арки, потом в улицу Замковую, направляясь к подвалу у Гродских ворот. Вскоре увидел цель похода: вывеску дома «Под красным грифом».

– Хорошо пел, Тибальд, – услышал он за спиной.

Голиард приоткрыл капюшон, довольно вызывающе глянул прямо в глаза цвета стали.

– Часа два, – проговорил с укором, – я ждал вас после мессы у церкви. Вы не соизволили показаться.

– Хорошо пел. – Сталеглазый, сегодня одетый в рясу минорита, не считал нужным ни оправдываться, ни извиняться. – Мне понравилось. Только немного опасно. Не боишься, что тебя снова в темницу?

– Во-первых, – надул губы Тибальд Раабе, – *pictoribus atque poetis quodlibet audendi semper fuit aequopotestas*¹¹². Во-вторых, а как мне по-другому работать для нашего дела? Я не шпион, скрывающийся во тьме либо переодетый. Я агитатор, моя задача – быть с народом.

---

¹¹² «Художникам, как и поэтам, издавна дано право дерзать на все, что угодно». Гораций. «Наука поэзии», 9–10. Перевод М. Гаспарова.

- Хорошо, хорошо. Излагай.
- Давайте присядем где-нибудь.
- Обязательно здесь?
- Здесь отличное пиво.

– Тех черных всадников, о которых вы спрашивали, – начал голиард, когда они уселись за стол, – в Силезии видели неоднократно. Конкретно, что любопытно, их встречали как под Стшелином, когда убили господина Барта, так и в районах Собатки, когда погиб господин Чамбор из Гессельштайна. В первом случае их видел придурок пастух, во втором – пьяный органист, то есть, как легко догадаться, ни тому, ни другому не поверили. Более достойными доверия я считаю конюхов и машталеров госпожи Дзержка де Вирсинг, торговли лошадьми, на свиту которой рыцари в черных латах напали и разгромили под Франкенштайном. Есть много свидетелей этого события. Интересные вещи рассказывают также оруженосцы инквизиции...

– Ты расспрашивал оруженосцев инквизиции?

– Да что вы. Не сам. Через доверенных. Оруженосцы выболтали, что папский инквизитор, преподобный Гжегож Гейнче, уже по меньшей мере два года ведет интенсивные розыски по делу каких-то демонических всадников, разъезжающих по Силезии на черных конях. Им даже название дали – Рота Смерти, или библейское: Демоны Полуденной Поры. И еще их называют... Мстители. Но так, чтобы инквизитор не слышал. Потому что уже давно стало ясно, что Рота Смерти убивает людей, подозреваемых в содействии гуситам, торговле с ними, доставке провианта, оружия, пороха, свинца... Либо коней, как, например, упомянутая Дзержка де Вирсинг. Следовательно, черные рыцари наши союзники, а не враги, шепчутся за спиной инквизитора его люди. Зачем их преследовать, зачем им мешать? Благодаря им у нас меньше работы.

– А нападение на сборщика, везшего подати? Как ни говори, предназначенные для войны с гуситами.

– Неизвестно, напала ли на сборщика Рота. Об этом деле ничего не известно.

Сталеглазый довольно долго молчал.

Наконец сказал:

– Меня интересует, мог ли кто-нибудь после этого нападения остаться живым.

– Не думаю.

– Ты остался.

Тибальд Раабе слегка усмехнулся.

– Опыт. Я непрерывно или скрываюсь, или убегаю так часто, что у меня выработался инстинкт. С того времени, как я покинул краковскую *Alma Mater* ради бродяжничества, лютни и песни. Вы знаете, как все обстоит, пан Влк: поэт – все равно что черт в женском монастыре, на него всегда все свалят, всегда его во всем обвинят. Надо уметь убегать. Инстинктивно, как косуля. Чуть что, сразу ноги в руки, недолго думая. Впрочем...

– Что «впрочем»?

– Тогда, на Черной Порубке, мне здорово повезло. Понос меня замучил.

– Что-что?

– Была в свите девушка, я говорил вам, рыцарская дочка... Никак нельзя было познакомиться от девушки, стыдно... Поэтому я пошел опростаться подальше, в камыши, к самому озерку. Когда случилось нападение, я сбежал через болото. Нападавших даже не видел...

Сталеглазый долго молчал.

– Почему, – спросил он наконец, – ты мне раньше не сказал, что там было озерко?

Утопец был очень чуткий. Даже обитая в затерянном среди лесов озерке у Счиборовой Порубки, на пустоши, даже в сумерках, когда вероятность встретить кого-либо была практически равна нулю, он вел себя сверхосторожно. Выныривая, поднимал волну не крупнее рыбьей,

если б не то, что зеркало воды было совсем гладким, притаившийся в зарослях сталеглазый мог бы совсем не заметить расходящихся кругов. Вылезая на поросший камышами берег, существо едва хлопнуло, едва зашелестело, можно было подумать, что это выдра. Но сталеглазый знал, что это не выдра.

Оказавшись уже на сухом месте и удостоверившись, что ему ничто не угрожает, утопец стал вести себя поувереннее. Выпрямился, затопал большими ступнями, подскочил, при этом вода и тина обильно и с плеском полились из-под его зеленого балахона. Уже совсем осмелевший утопец стрельнул водой из жабр, раззявил лягушачью пасть и заскрежетал громко, напоминая окружающей природе о том, кто здесь командует.

Природа не отреагировала. Утопец немного покрутился среди трав, покопался в грязи, наконец двинулся вверх к лесу. И попал прямо в ловушку. Он скрипнул, видя перед собой насыпанный из песка полукруг. Поднес плоскую ступню, попятился, изумленный. Неожиданно сообразил, в чем дело, громко заквакал и вернулся, чтобы бежать. Однако было уже поздно. Сталеглазый выскочил из зарослей и замкнул магический круг насыпанным из мешка песком. Замкнув, уселся на подгнившем стволе.

– Добрый вечер, – вежливо сказал он. – Хотелось бы поговорить.

Утопец – сталеглазый уже видел, что название «водяной» вполне подходит существу, – несколько раз пытался перескочить через магический круг – конечно, безрезультатно. Отчаявшись, он энергично трахнул плоской головой, при этом масса воды вылилась у него из ушей.

– Брек-рек, – заскрипел он. – Бхрекк-кекекекс.

– Выплюнь тину и повтори, пожалуйста.

– Бхрекгрег-грег-грег.

– Изображаешь из себя идиота? Или из меня?

– Куак-квааакс.

– Пропадает талант, господин водяной. Меня не поймаете. Я прекрасно знаю, что вы понимаете и умеете говорить по-человечески.

Водяной заморгал двойными веками и раскрыл рот, широкий, как у жабы.

– По-человечески... – забулькал он, плюясь водой. – По-человечески, а что ж, могу. Только почему по-немецки?

– Один – ноль в твою пользу. По-чешски пойдет?

– Пожалуй, да.

– Как тебя зовут?

– Если скажу, ты меня выпустишь?

– Нет.

– Тогда иди на хрен.

Какое-то время стояла тишина. Прервал ее сталеглазый.

– Есть кое-что интересное, господин водяной. Я хочу, чтобы ты кое-что мне дал. Нет, не дал. Скажем так: открыл доступ.

– И не думай.

– Я и не думал, – усмехнулся сталеглазый, – что ты согласишься сразу. Был уверен, что над этим придется поработать. Я терпелив. Время у меня есть.

Утопец подпрыгнул, затоптал. Из-под его балахона снова полилась вода, похоже, ее там был солидный запас.

– Чего ты хочешь? – заскрипел он. – Зачем меня мучаешь? Что я тебе сделал? Чего ты от меня хочешь?

– От тебя – ничего. Скорее от твоей жены. Она же слышит нашу беседу, она там, у самого берега, я видел, как шевелились камыши и задрожали кувшинки. Добрый вечер, госпожа водяная! Пожалуйста, не уходите, вы будете нужны.

Из-под берега раздался всплеск, словно поплыл бобр, по воде пошли круги. Плененный утопец громко загудел. Звук был такой, будто трубит выпь, погрузившая клюв в тину. Потом сильно раздул жабры и громко заскрипел. Сталеглазый спокойно рассматривал его.

– Два года назад, – сказал он не повышая голоса, – в сентябре месяце, который вы называете *Mheáinh*, здесь, в Счиборовой Порубке, имело место нападение, драка и убийство.

Водяной снова надулся, фыркнул. Из жабр обильно брызнуло.

– А мне-то что? Я в ваши аферы не вмешиваюсь.

– Жертвы, нагруженные камнями, забросили в этот пруд. Я уверен в том, что хотя бы одна из жертв была еще жива, когда ее кидали в воду. И умерла именно и только потому, что утонула. А если все было именно так, то она у тебя хранится там, на дне, в твоём *rehoengan'e*, подводной берлоге и сокровищнице. Она у тебя там содержится в качестве *hevai*.

– В качестве чего? Не понимаю.

– Понимаешь, понимаешь. *Hevai* – того, который утонул. Она у тебя в сокровищнице. Пошли за ней жену. Вели принести.

– Ты тут чушь несешь, человек, а у меня жабры сохнут, – захрипело существо. – Я задыхаюсь... Умираю...

– Не пытайся сделать из меня глупца. Ты можешь дышать атмосферным воздухом словно рак, ничего с тобой не случится. Но вот когда солнце взойдет и начнется ветер... Когда у тебя начнет лопаться кожа...

– Ядзька! – жахнул водник. – Тащи сюда *hevai*. Знаешь, которую!

– А, так ты, значит, и по-польски говоришь.

Водяной закашлялся, брызнул водой из носа.

– Жена у меня полька, – неохотно ответил он, – из Гопла. Мы можем поговорить серьезно?

– Разумеется.

– Тогда послушай, смертный человеке. Ты верно догадался. Из тех шестнадцати, которых тогда здесь поубивали и закинули в пруд... один, хоть и крепко продырявленный, еще был жив. Сердце билось, он шел ко дну в туче крови и пузырей. Заполнил легкие водой и умер, но... об этом ты тоже догадался... я успел оказаться рядом с ним, прежде чем это произошло, и у меня его... У меня есть его *hevai*. Когда я тебе ее дам... Поклянешься, что выпустишь меня?

– Поклянусь. Клянусь.

– Даже если окажется... Потому что, если ты столько знаешь, то, вероятно, не веришь в сказки и суеверия? Не вернешь утопленника к жизни, разбив *hevai*. Это глупость, предрассудок, выдумка. Ты ничего не достигнешь, только рассеешь его ауру. Заставишь умереть вторично в муках, таких, что аура может не вытерпеть и умереть. Поэтому если это был кто-то из твоих близких...

– Это не был никто близкий, – отрезал сталеглазый. – И я не верю в предрассудки. Предоставь мне *hevai* всего на несколько мгновений. Потом я верну ее тебе нетронутой. А тебя освобожу.

– Хм, – заморгал веками водяной. – Коли так, то на кой же... это, хрен... понадобилась ловушка? Зачем ты меня ловил, подвергал опасности стресса и нервного расстройства? Надо было прийти, попросить...

– В следующий раз.

Около берега что-то заплескалось, дыхнуло тиной и дохлой рыбой. И почти сразу, подходя медленно и опасно, словно болотная черепаха, рядом с ними оказалась жена водяного. Сталеглазый с интересом присмотрелся к ней. Он впервые в жизни видел гоплян¹¹³. На первый взгляд она мало чем отличалась от супруга, но опытный глаз священника мог улавливать

¹¹³ В легендах о сказочных временах Польши – обительница озера Гопло.

даже малозаметные детали. Если силезский водяной был в общем-то лягушкой, то польская водяница скорее походила на заколдованную в лягушку княжну.

Водяной взял у жены что-то похожее на большую беззубку, обросшую бахромой водорослей. Но сквозь водоросли пробивался свет. Беззубка светилась. Фосфоресцировала. Словно трухлявое дерево. Или цветок папоротника.

Сталеглазый ногой разбросал песок магического круга, освобождая водяного из ловушки. Потом взял *hevai* из его рук. И тут же почувствовал, как сосуд пульсирует и дрожит, как пульсация и дрожь переходит с руки на все тело, как проникает и пронизывает его, наконец, заползает на шею и пробирается в мозг. Он услышал голос, вначале тихий, как жужжание насекомого, потом все более громкий и внятный.

– ...час смерти нашей... Сейчас и в час смерти нашей... Эленча, дитя мое... Дитя мое...

Конечно, это не был чей-то голос, это не было существо, способное говорить, с которым можно было бы разговаривать, которому можно было бы, по примеру некромантов, задавать вопросы. Как в Амсете, Хеле, Туаметефе, Квебхсенуфе, египетских канонах, как в *anquinum'e*, друидском яйце, как в кристалле *oglain-nan-Druigh*, так и в *hevai* или другом аналогичном сосуде была заключена аура или, вернее, фрагмент ауры, помнящий только одно – момент, предвещающий смерть. Для ауры этот момент длился бесконечно. Уходил в вечную и абсолютную бесконечность.

– Спасите мое дитя! Пощадите! Сейчас и в час... Спасите мое дитя... Спасите мою дочь... Беги, беги, Эленча, не оглядывайся! Спрячься, спрячься, заберись в пущу... Они найдут, убьют... Смилуйся над нами... Молись о нас, грешных, сейчас и в час нашей смерти... Моя дочь... Матерь Пресветлая... В час смерти нашей, аминь... Эленча! Беги, Эленча! Беги! Беги!

Священник наклонился и положил пульсирующую внутренним светом *hevai* на берег озера. Нежно и осторожно. Чтобы не разбить. Не нарушить. Не повредить, не порушить покой вечности.

– Рыцарь Хартвиг Штетенкрон, – сразу же угадал Тибальд Раабе. – И его дочь. Но следует ли отсюда, что она выжила? Что ей удалось убежать или скрыться? Они могли убить ее позже, когда его уже утопили.

– Баланс не сходится, – холодно ответил сталеглазый. – Утопец насчитал шестнадцать брошенных в озеро тел. Сборщик, Штетенкрон, шестеро солдат эскорта, четверо монахов, четверо пилигримов. Недостаёт одной штуки. Эленчи фон Штетенкрон.

– Они могли ее забрать. Знаете, для потехи... Поиграли, перерезали горло, бросили где-нибудь в лесу в какую-нибудь яму от вывороченного дерева. Так могло быть.

– Она уцелела.

– Откуда вы знаете?

– Не задавай вопросов, Раабе. Найди ее. Я сейчас уеду, а когда вернусь...

– И куда ж вы едете?

Сталеглазый взглянул на него так, что Тибальд Раабе вопроса не повторил.

Гжегож Гейнче, *inquisitor a Sede Apostolica specialiter deputatus* во вроцлавской диоцезии, долго раздумывал, идти на экзекуцию или нет. Долго взвешивал все «за» и «против». «Против» было явно больше – хотя бы то, что экзекуция была результатом деятельности епископской, то есть конкурирующей инквизиции. Аргумент «за» был в принципе только один: это было близко. Признанных виновными в ереси и содействии гуситам должны были сжигать там же, где и всегда, – на площади за церковью Святого Войцеха, вытопанной догола ногами сотен любителей наблюдать за чужими мучениями и смертью.

Взвесив «за» и «против», немного удивляясь самому себе, Гжегож Гейнче, однако, на экзекуцию пошел. Инкогнито, смешавшись с группой доминиканцев, вместе с которыми занял место на возвышении, предназначенном для духовных лиц и зрителей высшего общественного или имущественного положения. Среди этих на центральной трибуне, на скамье, обитой ярко-красным атласом, рассаживал Конрад из Олесьницы, епископ Вроцлава, автор и спонсор сегодняшнего спектакля. Его сопровождали несколько духовных лиц – среди них престарелый нотариус Ежи Лихтенберг и Гуго Ватценроде, недавно сменивший отправленного в отставку Оттона Беесса на должности препозита у Святого Иоанна Крестителя. Был там, естественно, и Ян Снешевич, епископский викарий *in spiritualibus*. Был охранник епископа Кучера фон Гунт. Не было Биркарта Грелленорта.

Подготовка к экзекуции зашла уже довольно далеко, осужденных – восемь человек – палаческие подручные затащили по лесенкам на костры и прикрепили цепями к обложенным охапками хвороста и бревнами столбам. Костры, по последней моде, были непривычно высокими.

Если б даже Гжегож Гейнче хотя б минуту и сомневался в намерениях епископа Конрада, то теперь сомневаться перестал.

Но инквизитор не сомневался. Он с самого начала знал, что епископский спектакль был представлением, направленным лично против него.

Узнавая некоторых осужденных на кострах, Гжегож Гейнче утвердился в правильности своего мнения.

Он знал трех. Один, альтарист¹¹⁴ в Святой Елизавете, болтал о Виклефе, Иоахиме Флорском, Святом Духе и реформе Церкви, однако на следствии быстро отказался от своих ошибок, сожалел о них и после формального *revocatio et abiuratio*¹¹⁵ был осужден на ношение в течение недели покаянной одежды с крестом. Второй, художник, один из создателей прекрасных полиптихов, украшающих алтарь в Святом Идзи, угодил под инквизиторский трибунал в результате доноса, а когда донос оказался безосновательным, его освободили. Третий – инквизитор едва его узнал, потому что у него были изувечены уши и вырваны ноздри, – был еврей, некогда осужденный за богохульство и осквернение облаток. Обвинение было ложным, поэтому освободили и его. Тем не менее известие как-то дошло до епископа и Снешевича, потому что все трое стояли на кострах, привязанные цепями к столбам. И не догадывались, что своей судьбой они обязаны антагонизму между епископской и папской инквизициями. Что епископ вот-вот прикажет поджечь у них под ногами хворост. Назло папскому инквизитору.

Которым из остальных осужденных предстояло сегодня умереть исключительно ради демонстрации, Гейнче не знал. Он не помнил никого. Ни одно лицо. Ни стриженной наголо женщины с потрескавшимися губами, ни дылды, ноги которого были обмотаны окровавленными тряпками. Ни седого старца с внешностью библейского пророка, вырывающегося у подсобников из рук и выкрикивающего...

– Ваше преподобие. – Он повернулся, отогнул с лица краешек капюшона. – Его милость епископ Конрад, – поклонился молоденький клирик, – приглашает к себе. Извольте следовать за мной, ваше преподобие. Я проведу.

Делать было нечего.

Епископ, увидев его, сделал краткий и скорее пренебрежительный жест рукой, указал на место рядом с собой. Его взгляд быстро пробежал по лицу инквизитора, пытаясь отыскать на нем следы чего-нибудь для себя приятного. Не нашел. Гжегож Гейнче бывал в Риме – уже научился делать хорошие мины при самой плохой игре.

¹¹⁴ Заместитель и помощник приходского священника.

¹¹⁵ осознания и отречения от ереси перед трибуналом инквизиции (*лат.*).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.